
SOCIAL'NYE I GUMANITARNYE ZNANIJA

SCIENTIFIC JOURNAL

Start date of publication – August 2015
Published quarterly

FOUNDER

P.G. Demidov Yaroslavl State University

EDITORIAL OFFICE

14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Website: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/dnk>

E-mail: sgz-journal@ya.ru

Phone: +7 910 963 59 61 (Alexander Vladimirovich Shustov)

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с августа 2015 года
Выходит 4 раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»

РЕДАКЦИЯ

ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

Веб-сайт: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/dnk>

E-mail: sgz-journal@ya.ru

Телефон: +7 910 963 59 61 (Шустов Александр Владимирович)

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС 77 - 69686 от 05.05.2017 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 31978. Формат 240×170. Объем 106 с. Тираж 60 экз. Свободная цена. Заказ № 00000. Дата выхода в свет 31.03.2020. Издатель и его адрес: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; 150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 14. Типография и ее адрес: ООО Филигрань; 150049, Россия, г. Ярославль, ул. Свободы, 91. Содержание предназначено для детей старше 16 лет.

EDITOR-IN-CHIEF

Yurii A. Golovin – Yaroslavl State University (Russia)

DEPUTIES EDITOR-IN-CHIEF

Igor Yu. Kiselev – Yaroslavl State University (Russia)

THE EDITORIAL BOARD

Stefano V. Aloe – Verona University (Italy)

Lyubov G. Antonova – Yaroslavl State University (Russia)

Sergei A. Baburkin – K. D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University (Russia)

Elena G. Borisova – Moscow State Linguistic University (Russia)

Nataliya P. Vidmarovich – Zagreb University (Croatia)

Irina A. Grigoryeva – Saint Petersburg University (Russia)

Yuriy V. Domanskiy – Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)

Vladimir I. Karasik – Volgograd State socio-pedagogical University (Russia)

Igor I. Kyznechov – Lomonosov Moscow State University (Russia)

Irina L. Sizova – Saint Petersburg University (Russia)

Alexander Y. Sorochan – Tver State University (Russia)

Joseph A. Sternin – Voronezh State University (Voronezh, Russia)

Lidiay N. Timofeeva – RANEPА (Moscow, Russia)

Lyudmila G. Titova – Yaroslavl State University (Russia)

Dmitriy A. Chugunov – Voronezh State University (Russia)

Marina V. Shamanova – Yaroslavl State University (Russia)

EDITORIAL BOARD SECRETARY

Alexander V. Shustov – Yaroslavl State University (Russia)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ю. А. Головин – д-р полит. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

И. Ю. Киселев – д-р социол. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

С. В. Алоэ – д-р филол. наук, профессор, Веронский университет (Италия)

Л. Г. Антонова – д-р пед. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

С. А. Бабуркин – д-р полит. наук, профессор, ЯГПУ (Ярославль, РФ)

Е. Г. Борисова – д-р филол. наук, профессор, МГЛУ (Москва, РФ)

Н. П. Видмарович – д-р филол. наук, профессор, Загребский университет (Хорватия)

И. А. Григорьева – д-р социол. наук, профессор, СПбГУ (Санкт-Петербург, РФ)

Ю. В. Доманский – д-р филол. наук, профессор, РГГУ (Москва, РФ)

В. И. Карасик – д-р филол. наук, профессор, ВГСПУ (Волгоград, РФ)

И. И. Кузнецов – д-р полит. наук, доцент, МГУ (Москва, РФ)

И. Л. Сизова – д-р социол. наук, профессор, СПбГУ (Санкт-Петербург, РФ)

А. Ю. Сорочан – д-р филол. наук, доцент, ТвГУ (Тверь, РФ)

И. А. Стернин – д-р филол. наук, профессор, ВГУ (Воронеж, РФ)

А. А. Талицкая – кандидат филол. наук, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

Л. Н. Тимофеева – д-р полит. наук, профессор, РАНХиГС (Москва, РФ)

Л. Г. Титова – д-р полит. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

Д. А. Чугунов – д-р филол. наук, доцент, ВГУ (Воронеж, РФ)

М. В. Шаманова – д-р филол. наук, доцент, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

А. В. Шустов – кандидат исторических наук, доцент, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

POLITICAL SCIENCE**Kazanina A. I., Milyukova A. G.**Corporate reputation analysis in social media
(e. g. Wildberries online store).....12**Kolba A. I.**Conflicts in the functioning process urban communities:
current state of research .....20**Sokolov A. V.**Features of collective action in modern Russia:
dynamics, digitalization and results.....30**SOCIOLOGY****Kudrina S. A.**Theoretical and methodological grounds for critical approach
to revolution .....46**Lebedeva L. G.**

Solidarity of generations in everyday life through the eyes of youth 54

Chistyakov A. E., Shustov A. V. Influence of the level of socio-economic development
of regions on demographic and migration processes .....66**PHILOLOGY****Karasik V. I.**

Culture generating texts: functions, genres, authors.....82

Antonova L. G., Makhalova A. I.

Video interview in new media 92

Chernousova A. O.

New trends in collocability based on the English collocations in fiction..... 100

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

Политическая наука в поисках нового мышления 6

ПОЛИТОЛОГИЯ

Казанина А. И., Милюкова А. Г.

Анализ репутации компании в социальных медиа
(на примере интернет-магазина Wildberries).....12

Кольба А. И.

Конфликты в процессе функционирования городских
сообществ: современное состояние исследований 20

Соколов А. В.

Особенности коллективных действий в современной России:
динамика, цифровизация и результаты 30

СОЦИОЛОГИЯ

Кудрина С. А.

Теоретико-методологические основания
критического подхода к революции 46

Лебедева Л. Г.

Солидарность поколений в повседневности глазами молодёжи.....54

Чистяков А. Е., Шустов А. В.

Влияние уровня социально-экономического развития регионов
на демографические и миграционные процессы.....66

ФИЛОЛОГИЯ

Карасик В. И.

Культурогенные тексты: функции, жанры, авторы.....82

Антонова Л. Г., Махалова А. И.

Жанровые особенности видеointервью в новых медиа 92

Черноусова А. О.

Тенденции сочетаемости на примере коллокаций
в англоязычной художественной прозе..... 100

Политическая наука в поисках нового мышления

29 февраля 2020 года Школа политических исследований Института общественных наук РАНХиГС провела первые Субботние политологические чтения в Президентской академии «Политическая наука в поисках нового мышления». Их открыла и провела Лидия Николаевна Тимофеева, научный руководитель Школы политических исследований, д. п. н., профессор кафедры политологии и политического управления РАНХиГС.

Основными докладчиками выступили Алексеева Татьяна Александровна, зав. кафедрой теории политики МГИМО, д. ф. н., профессор Сморгунов Леонид Владимирович, зав. кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета, д. ф. н., профессор.

Состоялся актуальный для российской политической науки разговор о путях её дальнейшего развития, важнейших направлениях политологических исследований, подготовке профессиональных кадров – политологов. В обсуждении приняли участие ведущие политологи – представители российских общественных объединений: Академии политической науки, Российской ассоциации политической науки и Российского общества политологов.

В докладе **Т. А. Алексеевой** прозвучал тезис о том, что одной из остро дискуссионных тем в политологическом сообществе в последнее время стал вопрос о «кризисе», «упадке», догматизированности и даже крайней идеологизированности политической науки. В самом деле, в последние десятилетия, на первый взгляд, не видно каких-то знаковых «прорывов», появления новых «больших» теорий, способных радикально изменить политологический ландшафт. Вспоминая Томаса Куна, мы как бы застряли в стадии «нормальной науки», накапливая аномалии и делая относительно робкие шаги в сторону других наук, сплошь и рядом ограничиваясь методологической эклектикой. Так ли это? Или «научная революция» все же произошла или происходит на наших глазах, а мы просто в силу инерции, лени или ограниченности предпочитаем ее не замечать?

Для того чтобы попытаться ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к основаниям политической науки, к ее онтологии и эпистемологии и посмотреть, что же происходит на этом уровне. Очевидно, что, по-видимому, одним из важнейших достижений человечества стало признание системного единства естественно-научного и социального познания. Признание этого, однако, имело место отнюдь не всегда. Это весьма наглядно проявилось в истории становления и развития политических наук, которые на разных этапах бросались из крайности в крайность, то отождествляя свои методы с естественно-научными, то претендуя на собственную уникальность, а то и универсальность. С точки зрения методологии эти вопросы приобрели особенно важное значение на фоне новой неклассической и постнеклассической картины мира, однако адаптация политических наук к новому типу мышления сталкивается с изрядными трудностями.

School of Public Policy
Институт общественных наук

Рассмотрение наиболее важных подходов к исследованию политических и международных процессов показывает, что восприятие новых постулатов неклассической и постнеклассической картины мира в сфере познания политического сталкивается с большими трудностями. Наряду с сохранением влияния чисто механистического подхода имели место попытки обращения к отдельным элементам новых картин мира, в частности, к квантовой физике, биологии, использованию фактора случайности, к отказу от причинно-следственных моделей. Однако в большинстве случаев можно говорить не столько о трансляции методов и подходов из естественных наук в политические, сколько о попытках выстраивания «слабых» вариантов теорий или некоего подобия (например, квантовоподобных) теорий, хотя в целом политические науки, равно как и другие социальные науки, все же стремятся развиваться в духе времени.

На самом деле, ничего нового в такой позиции, по-видимому, нет. Напомним выступление Президента Американской ассоциации политических наук Вильяма Беннет Мунро (1875–1957), профессора Гарвардского университета и Калифорнийского технологического института, который еще в 1927 году представил президентское обращение к участникам всеамериканского конгресса политологов под весьма характерным названием – «Физика и политика – пересмотрена старая аналогия». Изрядно эпатировав собравшихся ученых-политологов, Мунро говорил, что политологии пора начать соответствовать новой физике, обратив свое внимание на суб-атомарные возможности. Иными словами, мы должны отказаться от абсолютов, поскольку ничто не может быть более очевидным, чем предположение, что все гражданские права и обязанности, все формы и методы правления связаны друг с другом, а также со временем, местом и обстоятельствами. Они не могут быть выражены нейтральными формулами. Социальная атмосфера, подобно физической вселенной, наполнена невидимыми единицами энергии, движущимися со всевозможной скоростью и проникающими во власть, оседающими то там, то сям и через какое-то время отлетающими от человеческих атомов дальше. Вес индивида зависит от его способности воспринимать и отдавать дальше, то есть от числа и качества идей, которые он ассимилирует и отпускает.

Из сказанного Мунро вывел задачи политических наук как самостоятельной научной дисциплины. «Политическая наука, для того, чтобы стать наукой, должна, прежде всего, добиться определенной степени развода с философами, юристами и психологами, с которыми она долгое время находилась в статусе полигамного брака, и перейти к собственному поиску истины». И далее: «Наша ближайшая цель ... должна заключаться в том, чтобы освободить политическую науку от старых метафизических и юридических концептов, на которых традиционно она основывалась; аналогично очистить ее от влияния социологов и социальных психологов, которые, если бы шли своим путем, только еще глубже погрузили бы нас в трясину бессмысленной терминологии. Именно к естественным наукам мы можем с наибольшей выгодой обратиться в этот час транзита за предложениями по реконструкции наших постулатов и методов. Политическая наука должна заимствовать

по аналогии (курсив – ТАА) из новой физики стремление избавиться от интеллектуальной неискренности в отношении природы суверенитета, общей воли, естественных прав и свободы индивида, согласия управляемых, правления большинства, самоуправления, правления общественного мнения, государственных прав, *laissez-faire* (свободного предпринимательства – ТАА), сдержек и противовесов, равенства людей и наций, и правления законов, а не людей». Соответственно, вместо этих формул политическая наука должна стремиться найти концепты, которые выдержат тест на реальное соответствие, и на этой основе она должна начать перестраивать себя через практические интимные наблюдения происходящего в мире политики.

Услышали ли политологи призывы Мунро столетней давности? Есть ощущение, во всяком случае, судя по многочисленным учебникам политологии зарубежным и отечественным, что пока еще нет. По-прежнему преобладают чеканные формулы и концепты, предполагающие заучивание их наизусть подобно мантрам. Мы так и преподаем: посмотрите хотя бы на билеты к экзаменам: Что такое суверенитет? Политическая партия? Парламентская система? и т. д. и т. п. Хотя без базовых понятий не обойтись, у студента не возникает понимания, что эти понятия не более чем «сущностно оспариваемые концепты», а стало быть, зависят от контекста, исторического времени, политической культуры и т. д. Между тем мировая практика предлагает сегодня целый ряд совершенно новых моделей преподавания политических наук, которые реально учат политическому мышлению.

Приходится сделать вывод о том, что адаптация политических наук к новым научным картинам мира неизбежна, но по определению ограничена: при всем единстве знания как такового методы и инструменты социально-политических и естественных наук весьма различны и даже в процессе приспособления претерпевают столь значительные изменения и упрощения, что зачастую сохраняют лишь наименования и имитацию методологии других наук. И все же как минимум придется следовать сходным курсом.

Несколько иной ракурс на проблему представил **Л. В. Сморгун**. На его взгляд предложенная тема обсуждения имеет много векторов рассмотрения.

1. Древнегреческое рассмотрение этого вопроса связано с поиском различий между политическим мышлением политика и философа (ученого) (Сократ, Платон, Аристотель, Ксенофонт). Девятнадцатый век в связи с дифференциацией наук сформулировал конфликт между номотетическим и идеографическим знанием (зафиксировавшимся в истории общественной науки в виде длящегося конфликта двух традиций – дюркгеймовской и веберовской). Двадцатый век обострил тему соотношения интеллектуального (способность знать) и философского (способность думать) мышления в политике (Л. Штраус, А. Кожев, Х. Арндт). Постмодернизм поставил под сомнение тотальное и универсальное знание (деконструкция, плюрализм, различие/спор (*ledifferance*), поверхность), а постструктурализм связал это знание с властью и сформулировал потребность освобождения знания от властных интенций. Политическая наука/философия ответила постмодернизму широким движением неоинституционализма, обеспечившего институциональный порядок

в политике на основе прежде всего рационального выбора (либо индивидуальной, либо публичной формы).

2. На стыке последних столетий явно обозначилась тенденция междисциплинарного совмещения научных интересов в виде сложного мышления и междисциплинарного синтеза естественно-научных и социолого-политологических методов. Последние версии сциентистского анализа (теория хаоса, синергетика, квантовая механика, фрактальная теория) представляют собой самостоятельные подходы при изучении сложных (адаптивных) систем, которые не подчиняются линейному развитию, включают в себя синергетические компоненты самоорганизации, бифуркационные потоки, нелинейные причинные зависимости, квантовые неопределенности, сложные фрактальные размерности и т. д. Сложность, как считается, является результатом самой реальности, т. е. принадлежит к объекту исследования.

3. Все предыдущие подходы опирались на первенство методологии в получении объективного, обоснованного, детерминистского знания о политической реальности. В начале 21 в. вектор анализа смещается в сторону единства онтологического и методологического подходов. В этом отношении повышается значение качественных методов исследования, а также стремление к объединению качественных и количественных подходов. Отличие этой дискуссии от предыдущих данное поколение разработчиков новых подходов (Махони, Беннет, Эльман, Мунк) связывает с инновационной постановкой ряда вопросов и утверждением значимости качественных методов: (1) разработка новых подходов: контрфактуальный анализ, отбор противоположных случаев, метод повторного отбора усовершенствованных понятий; (2) выявление соотношений со статистическими и формальными методами и разработка мультиметодологического подхода; (3) профессионализация в области использования качественных методов; (4) институциональное развитие сообщества исследователей, ориентирующихся на качественные методы. Важным в современной дискуссии о качественной методологии является вопрос не только о том, как исследовать, но и о том, какова природа исследуемой реальности. Приоритет субстанциальных ориентаций над количественными соотношениями приводит к возрождению интереса к политической онтологии, что вызывает так называемый «онтологический поворот» в политическом знании. На первый план изучения политической реальности выходит единство онтологии и методологии, а значит, погружение науки в реальность, превращение знания о политике в факт политической действительности.

4. Онтологические перспективы «поворота» были вначале вдохновлены онтологией радикальной случайности политического события Бадью, «риторической» онтологией социального антагонизма Лакло, онтологией био-власти Хардта и Негри, онтологией голой жизни Агамбена, антиметафизической онтологией реального Лакана, онтологией различий Делеза или хонтологическим подходом к политическому Деррида. Онтологический поворот, во-первых, символизировал «постфундаменталистскую» ориентацию в политической философии и теории, которая была направлена против метафизических обоснований политики и брала за основу размышления о политике ее «природу» как случайного, открытого, изменяющегося, проявляющегося, множественного и спорного события. Вторая тема, которая возникала в этих онтологиях, касалась возможности перевода фундаментальной онтологии в сферу политики. Возможна ли связь между философской критикой и политической практикой? Ликвидирует ли политическая онтология разрыв между мыслью и практикой, философией и политикой? В этой связи возникает широкое движение за онтологический тип мышления в политике, которое бы выполняло задачи скорее ориентационно-политические, чем просто созерцательно-объяснительные или процедурно-

институциональные. Конечно, прямой вывод политики из политической онтологии был проблематичен, однако данный тип мышления предполагал подозрение как к предварительному наблюдению и схематическому теоретизированию на основе избранного методологического подхода, так и к долженствованию, проистекающему из метафизического нормативизма.

5. Более радикальной выступила вторая волна онтологизации политического мышления, которая ушла от рассмотрения проблематичности связи теории и реальной политики, а прямо декларировала новую политику, определяемую философией нового реализма. Эта новая волна представлена акторно-сетевой теорией Латура, объектно-ориентированной онтологией Хармана и Мортонa, плоской онтологией Деланда, спекулятивным реализмом Мейяса и витальным материализмом Беннетт. Общим смыслом этого радикального поворота в политическом мышлении выступают следующие общие установки: (1) объединить понимание реальности, отказавшись от дихотомий природа/общество, человек/животное, свобода/необходимость, индивидуальное/общее, микро/макро; (2) политизировать онтологию и онтологизировать политику; (3) разработать такой тип политического анализа, который мог бы лучше учитывать роль нечеловеческих объектов (ассамбляжи, сборки, стыковки, переводы, демократия объектов, картография различного); (4) сделать акцент на актуальности существующего, а не потенциальности возможного; (5) принять принципиальный индетерминизм, контингентность происходящего, неопределенность и открытость к трансформациям.

Критика этой волны онтологического мышления обращает внимание на политизацию онтологии и постгуманизм; идет процесс освоения новой онтологии в ходе исследования цифровизации и искусственного интеллекта; формируется трансгуманизм как политика принятия объектов в человеческий мир.

В ходе дискуссии выступили известные политологи, политические философы, социологи, историки и психологи. Среди них: О. Ф. Шабров «Эвристический потенциал политической науки и современный мир» (МГУ); А. П. Кочетков «Политическая наука в условиях глобальных вызовов» (МГУ); С. В. Рогачев «Цифровизация российской реальности: проблема политической рискологии» (ИСПИ РАН); Л. Н. Тимофеева «Альтернативность в политической науке как принцип конструирования новой картины мира» (РАНХиГС); М. Ю. Мизулин «Политическая наука в поисках нового мышления: привлекательность, но не бесспорность постановки темы» (РАНХиГС); Н. П. Сащенко «Исследование политической картины мира и проблема устойчивости современных социальных систем» (ИСПИ РАН); Ф. Ю. Зудин «Контуры исследовательской программы российской политической науки» (МГИМО); Н. М. Ракитянский «Политико-психологические исследования глобальных менталитетов» (МГУ); С. В. Демиденко «Новые идейные тенденции в генезисе исламского радикализма. Исламизм постиндустриального общества (или исламизм эпохи постмодерна) как новый этап эволюции явления» (РАНХиГС); А. Г. Сытин «Задачи политической науки в свете идей академика Никиты Николаевича Моисеева» (МГУ); В. А. Михеев «Гражданин и политика: к проблеме мышления и мировоззрения» (РАНХиГС); С. В. Патрушев (ИС ФНИСЦ РАН); В. И. Тимошенко «Ресурс качественной методологии

в изучении политических программных документов» (РАНХиГС); Н. С. Григорьева «Здравоохранительная политика в дискурсе современной социальной политики» (МГУ); Д. Б. Казаринова «Метафора и политеймент: векторы эволюции политической рефлексии» (РУДН); В. Л. Римский «Политическая наука и политические решения» (Фонд ИНДЕМ); А. В. Соловьев «К вопросу о новом конфликтологическом мышлении в рамках интеграционной науки о политике» (РАНХиГС). В обсуждении темы приняли участие аспиранты различных вузов: В. И. Камышанов. «Отечественный опыт российской политической науки в исследовании международных отношений» и др.

В результате обсуждения главной повестки дня состоялась содержательная дискуссия относительно того, куда же идет политическая наука. Было высказано немало интересных предложений, в том числе использовать методологию мировой науки о политике с учетом российских традиций и практики, не отказываться от достижений как естественных, так и гуманитарных наук, объединяя их усилия в понимании современной действительности, от принципа альтернативизма в мышлении, поскольку он является эффективным методом борьбы с застоем в мыслях и действиях. Если бы человек не создавал альтернатив в науке и практике, он превратился бы в раба. Люди всегда имеют возможность изменить ограничивающий их миропорядок и т. д.

Приглашаем коллег продолжить обсуждение актуальных проблем развития современной политической науки на страницах научного журнала Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова «Социальные и гуманитарные знания» под рубрикой «Политическая наука в поисках нового мышления».

Corporate reputation analysis in social media (e. g. Wildberries online store)

A. I. Kazanina¹, A. G. Milyukova¹

¹Altai State University, 61 pr. Lenina, Barnaul 656049, Russian Federation

DOI: [10.18255/2412-6519-2020-1-12-19](https://doi.org/10.18255/2412-6519-2020-1-12-19)

Research Article
Full text in Russian

This article is devoted to analyzing the reputation of Wildberries and its leader in social networks using quantitative and qualitative indicators. The specificity of the concept of "reputation capital" has been defined. The relevance of reputation capital research for the online store Wildberries was determined. The analysis of reputation risks for the company and its manager is given, possible negative events in the sphere of relations with suppliers, employees, customers, legal risks, consequences of digitalization, changes in market conditions and customers' demands are defined. The ratio of potential and realized reputational risks for the company is analyzed. It was revealed that the majority of realized risks relate to the quality of goods, professionalism of the front-office personnel and working conditions. The company's CEO's reputation positioning is assessed and recommendations are given based on the current state of affairs. The analysis of social media showed that the company has a positive reputation, but there are shortcomings that need to be addressed and addressed by management. In general, the company carries out a whole range of procedures to maintain its reputation and a sound financial position, focusing on stakeholders. It was found that the non-publicity of the manager does not have a negative impact on the reputation of the company. To form a positive reputation of the company, it is recommended to think over the photocontent, texts and tone of communication depending on the purpose of the site used, to add personification of posts, to conduct regular monitoring of all components of the company's reputation in social media to make decisions on timely correction of reputation strategy.

Keywords: reputation capital; social media; reputation risk; Wildberries

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kazanina Anastasia I. | E-mail: cty-12@mail.ru
Master student

Milyukova Anna G. | ORCID: [0000-0002-4408-9022](https://orcid.org/0000-0002-4408-9022)
(correspondence author) | E-mail: megasdrw@gmail.com
Candidate of Sciences in Philology

For citation: Kazanina A. I., Milyukova A. G. Corporate reputation analysis in social media (e. g. Wildberries online store) // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2020. Vol. 6, No 1. P. 12-19. (in Russ.)

Анализ репутации компании в социальных медиа (на примере интернет-магазина Wildberries)

А. И. Казанина¹, А. Г. Милюкова¹

¹Алтайский государственный университет, пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Российская Федерация

DOI: [10.18255/2412-6519-2020-1-12-19](https://doi.org/10.18255/2412-6519-2020-1-12-19)
УДК 659.441

Научная статья
Полный текст на русском языке

Данная статья посвящена анализу репутации компании Wildberries и её руководителя в социальных сетях с помощью количественных и качественных показателей. Определена специфика понятия «репутационный капитал». Показана актуальность исследования репутационного капитала для интернет-магазина Wildberries. Приведен анализ репутационных рисков для компании и руководителя, определены возможные негативные события в сфере отношений с поставщиками, сотрудниками, покупателями, правовые риски, последствия цифровизации, изменения условий рынка и запросов покупателей. Проанализировано соотношение потенциальных и реализованных репутационных рисков для компании. Выявлено, что большинство реализованных рисков относится к вопросам качества товара, профессионализма персонала фронт-офиса и условий труда. Дана оценка репутационного позиционирования генерального директора компании и рекомендации, исходя из сложившегося положения дел. Анализ социальных медиа показал, что компания имеет положительную репутацию, однако существуют недостатки, требующие проработки и решения руководства. В целом компания проводит целый спектр процедур для поддержания своей репутации и благополучного финансового состояния, ориентируясь на стейкхолдеров. Выявлено, что непубличность руководителя не оказывает негативного влияния на репутацию компании. Для формирования положительной репутации компании рекомендуется продумывать фотоконтент, тексты и тональность коммуникации в зависимости от назначения используемой площадки, добавить персонализированности постам, проводить регулярный мониторинг всех составляющих репутации компании в социальных медиа для принятия решений по своевременной корректировке репутационной стратегии.

Ключевые слова: репутационный капитал; социальные медиа; репутационный риск; Wildberries

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Казанина Анастасия Игоревна | E-mail: cty-12@mail.ru
| Магистрант

Милюкова Анна Геннадьевна | ORCID: [0000-0002-4408-9022](https://orcid.org/0000-0002-4408-9022)
(автор для корреспонденции) | E-mail: megasdrw@gmail.com
| Кандидат филологических наук, доцент кафедры связей с
общественностью и рекламы

Для цитирования: Казанина А. И., Милюкова А. Г. Анализ репутации компании в социальных медиа (на примере интернет-магазина Wildberries) // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Том 6, № 1. С. 12–19.

Введение

Современный потребитель избалован многочисленными рыночными предложениями, поэтому для обеспечения конкурентоспособности компании недостаточно ориентироваться на получение прибыли в краткосрочном периоде. Борьба за клиента заставляет владельцев бизнеса развивать не только новые производственные технологии, но и технологии создания, управления и сохранения репутации организации.

По мнению профессора Белорусского государственного университета И. В. Сидорской, «под репутацией понимается эффект, создаваемый работой компании в целом и её имиджевыми мероприятиями, в частности» [1]. Репутация складывается в течение продолжительного периода времени при взаимодействии стейкхолдеров с компанией. При этом стейкхолдерами являются лица, группы или организации, чьи действия, поведение или решения являются основой успеха организации. «Под репутационным капиталом понимается неосязаемый актив, имеющий стоимостное выражение» [2]. Исследования роли и доли репутационного капитала стали определенным трендом в экономических, социологических и коммуникационных работах [3; 4; 5].

Следует отметить, что управление репутационным капиталом особо актуально для публичных компаний, акции которых торгуются на бирже, либо для тех бизнесов, которые планируют выходить на публичное размещение акций (IPO) и поэтому повышают прозрачность и открытость бизнеса. Как подчеркивает руководитель направления репутационных исследований United Minds International А. В. Фисун, репутация важна для компаний, выходящих на международные рынки, для высококонкурентных отраслей, в случае позиционирования компании через харизматичного лидера-собственника [6, с. 39]. Оценка репутационного капитала предполагает использование кабинетных и полевых социологических методов для оценки следующих параметров корпоративной репутации: информационная открытость, кадровый потенциал, привлекательный работодатель, качество корпоративного управления, эффективность менеджмента, качество продуктов и услуг, корпоративная социальная ответственность, наличие четкой бизнес-стратегии, успешность бизнес-развития, финансовая эффективность, этичность ведения бизнеса [6]. По результатам экспертных замеров системы RepCapital, наиболее значимыми репутационными параметрами являются качество продукции и услуг, успешность бизнес-развития и качество корпоративного управления (эффективность менеджмента).

Реальной или потенциальной угрозой деловой репутации, по мнению исполнительного директора британской консалтинговой компании Register Larkin Э. Гриффина, является репутационный риск, который при отсутствии должного контроля способен привести к губительному для репутации кризису [7]. Проблема управления репутационными рисками обусловлена ростом ценности репутации, в связи с этим необходимо проводить мониторинг репутационных рисков и формировать систему управления ими.

Целью данной работы является оценка репутации компании Wildberries и её руководителя в социальных сетях, а также выявление репутационных рисков, которые могут оказывать существенное влияние на генерального директора компании – Т. В. Бакальчук. Компания Wildberries основана в 2004 году супругами Бакальчуками как интернет-магазин модной одежды с первоначальным ассортиментом товаров в виде продукции немецких марок. В настоящее время Wildberries – это

крупный ритейлер, реализующий продукцию мировых брендов. В 2019 году генеральный директор интернет-магазина вошла в опубликованные журналом Forbes рейтинги самых заметных новых миллиардеров [8] и богатейших женщин России [9]. Отличительной особенностью интернет-магазина является широкая сеть точек самовывоза по России и возможность доставить заказ домой с примеркой до покупки и бесплатно отказаться в случае необходимости. Компания не является публичной и не планирует выходить на IPO, однако активно выходит на международные рынки, принадлежит к высокотехнологичной и высококонкурентной отрасли экономики, поэтому вопросы оценки и управления репутацией для нее актуальны.

Методы

Для анализа репутационных рисков мы используем методику оценки репутационных рисков и разработки репутационной стратегии консультанта по связям с общественностью В. Н. Косых. Согласно данной методике, мы определим группы возможных событий, оказывающих влияние на деятельность компании, в каждой группе событий разработаем перечень наиболее вероятных (и наиболее значимых для бизнеса) событий, для каждого события определим возможные последствия для бизнеса, для каждого последствия определим вовлеченные группы (стейкхолдеры), от которых зависит размер изменений финансового потока для бизнеса, для каждой вовлеченной группы определим возможные варианты интерпретации информации (сложившиеся стереотипы) о случившемся событии [10]. На основе анализа публикаций о компании за 2019 г. мы изучим, какие репутационные параметры связаны с негативным мнением стейкхолдеров о компании и нуждаются в коррекции.

Для оценки репутации компании и ее руководителя мы используем методику мониторинговой компании «PR News», предполагающую анализ качественных и количественных показателей контента социальных медиа [11]. Среди количественных показателей рассматриваются количество постов с упоминаниями компании, динамика упоминаний, широта охвата площадок, типы и география площадок, авторы контента, охват аудитории. Из качественных показателей мы рассмотрим тональность обсуждения, вовлеченность, персонифицированность, тематику постов. Кроме того, мы сравним активности корпоративных страниц и персональной страницы руководителя. В качестве материала исследования мы используем контент корпоративных аккаунтов Wildberries в социальных сетях Facebook, «ВКонтакте», Twitter, Instagram, YouTube, «Одноклассники» и личных страниц Татьяны Бакальчук в Facebook, «ВКонтакте», «Одноклассники» за 2019 г. Поскольку мы оцениваем репутацию интернет-компании, такая методика наиболее точно отразит особенности репутации компании в глазах клиентов.

Результаты

Отметим, что Wildberries не относится к публичным компаниям, однако принадлежит к высококонкурентной отрасли и активно выходит на международные рынки, поэтому для нее актуально управление репутационным капиталом.

Для анализа репутационных рисков, основываясь на методике В. Н. Косых, были выделены группы возможных событий, оказывающих влияние на деятель-

ность интернет-магазина Wildberries: отношения с поставщиками; отношения с сотрудниками; отношения с покупателями; правовые риски; последствия цифровизации; изменения условий рынка и запросов покупателей [6].

Для каждой группы событий нами был составлен перечень наиболее вероятных и значимых для бизнеса событий. Например, события для некоторых групп могут быть следующими:

- отношения с поставщиками: контрафактная продукция; некачественная продукция под видом качественной; изменение закупочной стоимости; неисполнение обязательств;

- отношения с сотрудниками: ошибки (складские, транспортные, логистические, реализационные и т. д.); невыплата заработной платы; сокращения; забастовки; недостаточная компетентность сотрудников, ответственных за качество продукции;

- отношения с покупателями: некачественный сервис; ненадлежащее качество товара;

- правовые риски: невыполнение контрактов; нарушение авторских прав; судебные процессы; изменение законодательства;

- последствия цифровизации: кибератаки на сайт; нарушение конфиденциальности данных (обнародование данных); взломы сайта и БД; сливы конфиденциальной информации;

- публичное поле: высказывания в публичном поле; посты в социальных сетях; интервью;

- налоговые органы: махинации с налогами и НДС; «заказные» налоговые проверки; налоговые проверки;

- изменения рынка и запросов покупателей: выход на рынок нового конкурента; изменения условий сервиса; выгодная для клиента ценовая политика со стороны конкурентов; изменение формата рынка; ухудшение экономической обстановки в стране; сговор конкурентов с контрагентами; отсутствие спроса.

Любой из рассмотренных рисков компании может служить триггером для реализации репутационного риска. Большинство репутационных рисков оказывает непосредственное влияние на компанию Wildberries и её репутацию, и лишь некоторые могут сказаться на репутации Т. Бакальчук, сформировав образ некомпетентного, халатного, невнимательного руководителя в сети Интернет, а также среди СМИ и общественности.

В сети обсуждаются следующие слабые стороны компании, требующие проработки: добросовестность проверки вещей сотрудниками, качество товара, условия труда, уровень заработной платы, штрафная система, текучка линейного персонала, хамство покупателям со стороны сотрудников и т. д. Все они касаются отношений с сотрудниками и покупателями. Сопоставив данные слабые стороны с девятью репутационными факторами, мы видим, что под угрозой находятся такие репутационные параметры, как кадровый потенциал, привлекательный работодатель, качество продуктов и услуг. Снижение репутации из-за перечисленных факторов чревато увеличением недоверия со стороны потребителей, ухудшением психологического климата внутри компании и т. д.

Проанализировав соцмедиа-контент, стоит отметить, что компания Wildberries имеет достаточно широкий охват площадок и представлена в популярных на данный момент социальных сетях: Facebook, «ВКонтакте», Twitter, Instagram, YouTube, «Одноклассники» и другие.

Для размещения контента на нескольких площадках используется автопостинг, который, с одной стороны, позволяет сэкономить время и уложиться в сроки контент-плана, позволив максимально охватить аудиторию площадок. С другой стороны, зачастую контент не соответствует аудитории социальной сети, а подписчики не испытывают должного интереса.

Контент собственными аккаунтами генерируется равномерно, в группах во «ВКонтакте» и в «Одноклассниках» посты не собирают должного количества лайков (низкая вовлеченность) в силу чрезмерной активности сообществ и загрузки ленты не по теме (пожелания доброго утра и хорошего дня, медиа-вирусы и т. д.). С точки зрения вовлеченности наиболее популярной среди пользователей является страница интернет-магазина в Instagram. Активность пользователей проявляется в отметках «нравится» и комментариях. В социальной сети Instagram в комментариях и во «ВКонтакте» в обсуждениях пользователи могут задать интересующий вопрос, оставить отзыв о качестве заказанного товара или оказанной услуги, высказать своё одобрение или неодобрение компании.

«Лидеры мнения» и блогеры не представлены на страницах социальных сетей компании Wildberries, а посты бренда в основном посвящены развлекательному контенту и реализуемым товарам и носят обобщенный характер. У интернет-магазина есть собственный модный блог, в котором размещены экспертные статьи от анонимных стилистов: формируются модные подборки, актуальные тренды сезона, «лукбуки».

Руководитель компании представлена в социальных сетях. Однако аккаунты в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники» заброшены и не ведутся, поэтому нельзя понять, какую роль играет лидер Wildberries, какой вес в бизнесе она имеет. Между тем данные платформы используются как одни из основных для интернет-присутствия компании. Личный аккаунт на Facebook, который начал наполняться со второй половины 2019 г., содержит контент из личных впечатлений руководителя и наиболее важных для компании новостей. Из 16 опубликованных в 2019 г. постов пять посвящены впечатлениям от городов, посещенных в деловых поездках, два – праздникам (День защиты детей, Новый год), 7 – событиям компании (WB – участник налогового мониторинга ФНС, WB – лидер рынка e-commerce, победа в премии Business Woman Award, участие WB в неделе российского ритейла, новости проекта WBKids), 1 – репост позитивных отзывов клиентов, 1 – уличная фотография клиента с пакетом компании под хештегом #удивительные_приключения_пакетаWB. Также используются хештеги #wblove, #Россия_любовь_моя, #команда_WB, #любимый_Wildberries (единичные использования). Данный контент является достаточно сбалансированным с точки зрения тематики.

Обсуждение

Анализ социальных медиа показал, что компания имеет положительную репутацию, однако существуют недостатки, которые требуют проработки и решения руководства. В целом компания проводит целый спектр процедур для поддержания своей репутации и благополучного финансового состояния, ориентируясь на стейкхолдеров (основные стейкхолдеры в этой среде – потребители и сотрудники).

Для формирования положительной репутации компании рекомендуется продумывать фотоконтент, тексты и тональность коммуникации в зависимости от назначения используемой социальной сети: Instagram – для акцента на визуальный

ряд, стилизованные фотографии товара и производства, качественную графику; Twitter – для оперативных новостей компании; полезные посты в Facebook – для развития и бизнеса, статьи-советы партнерам; социальную сеть «ВКонтакте» использовать для живого общения и сбора обратной связи, работы с негативными комментариями, а также для того, чтобы поделиться событиями в жизни компании, душевными фотографиями обучения сотрудников. Кроме того, предлагается добавить персонализированности постам: рассказывать об истории интернет-магазина и руководителе, о постоянно совершенствующемся сервисе, о нелегком труде сотрудников в распределительных центрах и т. д., формируя лояльность стейкхолдеров.

Положительная деловая репутация Т. Бакальчук, выраженная через демонстрацию профессионализма и деловых качеств в сети, при условии стратегического планирования соцмедиа-контента в различных социальных сетях, наличия контент-плана (что в настоящее время отсутствует), систематизации использования хештегов могла бы давать компании несомненное преимущество.

При высокой репутации конкурентоспособность выше за счет доверия со стороны потребителей, роста гордости персонала за компанию, поэтому для улучшения репутации компании Wildberries рекомендуется проводить регулярный автоматический мониторинг всех составляющих репутации компании в социальных медиа для принятия решений по своевременной корректировке репутационной стратегии. Рекомендуется не только постоянно анализировать запросы, отзывы и пожелания сотрудников о работе в компании и потребителей о продукции и деятельности компании, но и реагировать на них, обрабатывая каждый запрос: разрешать конфликтные ситуации с покупателями, а после разрешения спора – просить дополнительные отзывы.

Ссылки / References

1. Сидорская И. В., Альшевская С. О. Понятие корпоративной репутации и основные инструменты ее формирования // *Вестник БДУ. Серия 4. Филология. Журналистика. Педагогика*. 2015. № 1. URL: <http://http://elib.bs.u.by/bitstream/123456789/149654/1/71-74.pdf> (дата обращения: 23.12.2019).
2. Карпова К. В., Александренко П. Н. Репутационный капитал как основа конкурентных преимуществ // *Молодежь и наука: сборник материалов X Юбилейной Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием, посвященной 80-летию образования Красноярского края*. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2014. URL: <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2014/directions.html> (дата обращения: 25.12.2019).
3. Комарова А. В., Руденко М. Г. Репутационные активы международной компании как фактор повышения конкурентоспособности на российском рынке // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2017. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reputatsionnye-aktivy-mezhdunarodnoy-kompanii-kak-faktor-povysheniya-konkurentosposobnosti-na-rossiyskom-rynke> (дата обращения: 03.01.2020).
4. Решетникова И. И. Репутационный капитал: основы формирования и проблемы управления: монография. Волгоград: Науч. изд-во, 2010. 240 с.

5. Романова О. А., Матвеева Я. А. Репутационный капитал как фактор повышения конкурентоспособности компании // Новые тенденции в развитии корпоративного управления и бизнеса: Материалы Международной научно-практической конференции / Ответственные за выпуск И. Н. Ткаченко, М. В. Евсеева. Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2017. С. 86–92.
6. Фисун А. В. Капитал репутации. М.: ИКАР, 2017. 324 с.
7. Гриффин Э. Управление репутационными рисками: стратегический подход. М.: Альпина Бизнес Букс, 2009. 240 с.
8. Stoller K. The Most Notable New Billionaires Of 2019, Including The Moguls Behind White Claw And Jimmy John's // Forbes.com: сайт. 15.12.2019. URL: <https://www.forbes.com/sites/kristinstoller/2019/12/15/the-most-notable-new-billionaires-of-2019-including-the-moguls-behind-white-claw-and-jimmy-johns/#ebc29b165ec5> (дата обращения: 01.05.2019).
9. Березанская Е. В рейтинг богатейших женщин России впервые вошли два миллиардера // Forbes.ru: сайт. 24.10.2019. URL: <https://www.forbes.ru/milliardery-photogallery/385979-v-reyting-bogateyshih-zhenshchin-rossii-vpervye-voshli-dva> (дата обращения: 01.05.2019).
10. Косых В. Н. Управление репутацией: зачем и когда репутация нужна в бизнесе // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. 2012. № 10. С. 104–114.
11. Глазова Л. И. 10 лет измерений. Эволюция или революция? // PR News: сайт [ООО «ПиАрНьюс Партнерс»]. [2015]. URL: https://www.prnews.ru/upload/files/booklet_PR_News_2015.pdf (дата обращения: 01.11.2019).

Conflicts in the functioning process urban communities: current state of research

A. I. Kolba¹

¹Kuban State University, 149 Stavropolskaya str., Krasnodar 350040, Russian Federation

DOI: [10.18255/2412-6519-2020-1-20-29](https://doi.org/10.18255/2412-6519-2020-1-20-29)

Review
Full text in Russian

The article discusses the current state of research on the problems of urban communities in conflict. The research base was the corpus of domestic and foreign scientific publications, formed on the basis of a search in scientometric databases. Based on the review and analysis of scientific literature, the author identifies the main problems that are in the focus of attention of specialists: the essence of urban communities themselves, the parameters of their participation in urban politics, as well as their actual participation in conflict processes. In accordance with this, research areas and main issues that are at the center of scientific discussions are highlighted. These include the identification of the essential features of urban communities at the present stage of their development, taking into account network technologies of interaction; the formation of civil and political subjectivity of urban communities; ways to include urban communities in the system of political management of urban conflicts. The latter direction involves various formats of participation: from protest actions to the creation of collaborative planning institutions. In foreign studies at this stage, relatively more attention is paid to this issue than in Russian. The further necessity of studying the functioning of urban communities in conflict situations is substantiated.

Keywords: urban community; urban conflict; urban policy; collaborative planning; critical planning

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kolba Alexey I. | E-mail: alivka2000@mail.ru
| Doctor of Sciences in Politics

Funding: RFBR, project 19-011-00571.

For citation: Kolba A. I. Conflicts in the functioning process urban communities: current state of research // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2020. Vol. 6, No 1. P. 20–29. (in Russ.)

Конфликты в процессе функционирования городских сообществ: современное состояние исследований

А. И. Кольба¹

¹Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, Краснодар, 350040, Российская Федерация

DOI: [10.18255/2412-6519-2020-1-20-29](https://doi.org/10.18255/2412-6519-2020-1-20-29)
УДК 352/354-1

Обзорная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматривается современное состояние исследований проблематики деятельности городских сообществ в условиях конфликта. Базой исследования стал корпус отечественных и зарубежных научных публикаций, сформированный на основе поиска в наукометрических базах. На основе проведённого обзора и анализа научной литературы автором выделяются основные проблемы, находящиеся в фокусе внимания специалистов: сущность самих городских сообществ, параметры их участия в городской политике, а также собственно участие в процессах конфликтования. В соответствии с этим выделены направления исследований и основные вопросы, находящиеся в центре научных дискуссий. К таковым относятся выявление сущностных признаков городских сообществ на современном этапе их развития с учётом сетевых технологий взаимодействия; формирование гражданской и политической субъектности городских сообществ; способы включения городских сообществ в систему политического управления городскими конфликтами. Последнее направление предполагает различные форматы участия: от протестных действий до создания институтов коллаборативного планирования. В зарубежных исследованиях на нынешнем этапе этой проблематике уделяется сравнительно больше внимания, нежели в российских. Обоснована дальнейшая необходимость исследования функционирования городских сообществ в условиях конфликтов.

Ключевые слова: городское сообщество; городской конфликт; городская политика; коллаборативное планирование; критическое планирование

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кольба Алексей Иванович		Е-mail: alivka2000@mail.ru
		Доктор политических наук, профессор кафедры государственной политики и государственного управления

Финансирование: РФФИ, проект № 19-011-00571 «Конфликты в процессе функционирования городских сообществ крупных региональных центров России: концептуальные основания исследования и политические методы снижения деструктивного потенциала».

Для цитирования: Кольба А. И. Конфликты в процессе функционирования городских сообществ: современное состояние исследований // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Том 6, № 1. С. 20–29.

Введение

Проблематика городской конфликтности всё чаще становится предметом научных исследований, выполненных как в русле какой-либо отдельной отрасли науки, так и междисциплинарных. В фокусе исследовательского внимания, как правило, оказывается такой коллективный субъект, как городские сообщества различного типа, которые наряду с местной властью и бизнесом составляют триаду основных акторов конфликтов. Рассматриваются стратегии их поведения в конфликте, взаимодействие с другими участниками, возможности оптимального сочетания интересов сообществ и девелоперов [1] и ряд других аспектов конфликтования. Однако в настоящее время сложившиеся представления об участии таких сообществ в конфликтах в недостаточной степени упорядочены и систематизированы, что препятствует их дальнейшему анализу. Необходимо выявить ключевые исследовательские проблемы и направления их исследования, а также возможные лакуны в научных представлениях об их объекте. Решению данной задачи посвящена настоящая публикация.

Предварительное изучение массива научных публикаций позволило выделить три группы исследовательских вопросов: сущность и определение самого понятия «городское сообщество»; процессы структуризации и функционирования таких сообществ в политическом пространстве города, в том числе в условиях конфликтов; собственно участие в конфликтах, поведенческие стратегии сообществ, их роль в управлении городскими конфликтами. Данные вопросы рассматриваются в ряде специализированных исследований, но зачастую затрагиваются в работах, где данная тематика является периферийной. В представленном обзоре мы будем учитывать обе группы научных публикаций.

Городские сообщества: проблемы дефиниции и описания

Определение городского сообщества, на первый взгляд, не представляет собой сложности. Как отмечал ещё Р. Парк, сообщество является зримым объектом, который можно показать и зафиксировать на карте [2]. Исходя из этого, достаточно просто не только редуцировать интересующее нас понятие, но и выделить сами сообщества на ограниченной и хорошо структурированной территории города. Однако «зримость» сообщества на современном этапе исследования данного феномена оборачивается весьма высокой мозаичностью подходов и дефиниций. Вопросы использования того или иного определения решаются в русле сложившихся исследовательских традиций, среди которых можно выделить антропологическую, экологическую, конструктивистскую, сетевую и др. Тем самым задаются определённые форматы описания сообществ, в том числе городских. По мнению В. Вагина, их можно объединить вокруг трёх пунктов: географическая зона; определённое качество отношений в группе (культура, ценности); устойчивое социальное взаимодействие [3].

Проблема взаимосвязи территориальных и социальных границ городских сообществ связана прежде всего с масштабами города. Можно ли рассматривать всё его население как сообщество (в этом направлении развивается, к примеру, теория местных сообществ, связывающая их с муниципальными образованиями [4, с. 117])? Некоторые исследователи городской политики, в том числе В. Г. Ледяев, также используют подобный подход [5]. На наш взгляд, он может быть продуктивен для относительно небольших населённых пунктов, но не позволяет описать процессы формирования сообществ в крупных городах. В то же время Д. В. Трофименко предлагает

рассматривать городское сообщество как локальное полиструктурное соединение социально-территориальных общностей жителей города, где локализация социальной жизни происходит в соответствии с социально-территориальными принципами проживания людей и сопровождается автономизацией индивидов [6, с. 8]. В их структуре выделяются места создания сообществ (исторически сложившиеся районы, микрорайоны, специально организованные пространства), объединяющие территориальную привязку (локации проживания) и социальные интересы людей. Сообщностные отношения при этом задаются временной синхронизацией жизни людей [7].

Однако необходимо учитывать, что население города, как правило, имеет высокий уровень демографической сложности. Это обстоятельство, равно как и разрозненность горожан в условиях интенсивной миграции, обуславливает наличие очень слабых связей между ними и затрудняет формирование сообществ [8]. Такое состояние отношений косвенно подтверждается и слабой выраженностью субгородских идентичностей, фиксируемой российскими исследователями [9].

Согласно определению Ю. Д. Якубова, под городскими сообществами понимаются добровольные самодетельные и автономные по отношению к органам публичной власти объединения людей, проживающих в границах города и имеющих целью удовлетворение интересов и потребностей [10, с. 4–5]. На их основе формируется социальный капитал, проявляющийся в создании социальных сетей и выступающий фактором активизации других ресурсов местного сообщества [11]. Одной из исследовательских традиций, сложившихся в области научных исследований городских сообществ, является «экологическая», связывающая образование такого сообщества с определенным местом обитания: кварталом, районом и т. д. [12]. При этом большое значение имеет проблема совпадения территориальных и социальных границ таких сообществ [13]. Вопрос о локализации городских сообществ (и сообществ вообще) усложнился с распространением новых коммуникативных технологий, на основе которых формируются и взаимодействуют online-сообщества и «сообщества online» [14]. Постепенно на первый план в качестве основания жизни сообщества, по мнению ряда исследователей, выходит не территория, но коммуникация. В связи с этим актуализируются такие параметры их описания, как структура коммуникативных обменов, событийная архитектура, коды коммуникации [15]. Не меньшую роль сыграло развитие сетевой теории, которая позволила рассматривать сообщества как структуры со «слабыми связями». В рамках концепции сетевого общества новые формулировки получает само понятие сообщества, рассматриваемого в ракурсе циркулирующих информационных потоков, вплоть до стирания различий между актором и структурой (акторно-сетевая теория Б. Латура). Здесь же возникает представление о сети как способе выявления ранее неизвестных актору компонентов целого [16].

Городские сообщества в политическом пространстве города

Какие-то из сообществ по интересам могут быть локализованы в общегородском масштабе (объединение горожан на основе хобби, общего времяпровождения и др). Также общегородской характер могут иметь сообщества активистов (как правило, представленных в сообществах локального масштаба), выходящие на уровень политико-управленческих взаимодействий с местными и региональными органами власти. Они приближаются к формату городских движений и могут приобретать политическое измерение, в том числе и в условиях конфликта [17].

Локализация сообществ в той или иной части городского пространства также связана с характером взаимодействия между членами сообщества. По данному критерию их обычно разделяют на соседские, гражданские и политические. Сообщества первого типа создаются в связи с проблемами общежития в конкретной городской локации (двор, жилой комплекс, отдельный городской квартал и др.). Взаимодействие в них также связано с решением насущных проблем «своего» (освоенного данным сообществом) пространства и, как правило, приобретает публичную составляющую в случае возникновения каких-либо угроз его целостности или качественному состоянию (принцип NIMBY [18], который, впрочем, приобрёл негативный контекст в своевременном общественно-политическом дискурсе). При этом некоторые исследователи оценивают NIMBY как явление, способствующее развитию муниципальной демократии и общественных движений [19]. Соседские взаимодействия также рассматриваются как один из источников локального активизма [20].

Таким образом, гражданская составляющая в деятельности соседских сообществ формируется, если им приходится сталкиваться с проблемами, для решения которых ресурсов самих сообществ недостаточно, и публично апеллировать к гражданским правам и политической власти. Усиление инициативности горожан в таких случаях может вызвать и рост протестных настроений [21, с. 344]. Однако развитие сообщества возможно и через конструктивные практики (улучшение городской среды, вовлечение жителей города в процесс формирования городского пространства) [22; 23]. Устойчивость сообщества обеспечивается различными видами инноваций [24], часто возникающих через конфликт [25]. В целом гражданское сообщество ориентировано на развитие города или отдельных сфер его жизни.

Возникновение политического сообщества возможно в условиях публичного обращения к власти, оппонирования ей либо непосредственной борьбы за властные полномочия. «Самодетельные» политические сообщества в городском пространстве являются «инфраструктурным ядром» гражданских кампаний. Предполагается, что высокий уровень их включённости (возможность оказывать влияние на городскую политику) обусловлен: а) «лояльностью» городской среды – других политических акторов; б) степенью договороспособности группы (её способность идти на компромисс в достижении выдвинутых требований, способность взаимодействовать с разными акторами) [26]. Как отмечает С. Мурунов, для участия в формировании и реализации городской политической повестки сообщества нуждаются в «городских политиках» – активистах или экспертах, которые «вербализируют ... и опубличивают общие интересы». Появление таких людей, действующих на постоянной основе, способствующих кооперации городских сообществ на основе определённых тем [27], – признак их политизации. Они также могут выступать важной силой городского протеста, регулярно проводя публичные мероприятия, привлекая внимание средств массовой информации и участников, давая возможность для выдвижения своих требований представителям объединений с неполитической повесткой дня [28].

Таким образом, сообщества различного типа могут трансформироваться под влиянием внутренних или внешних факторов, в том числе конфликтов: как переходить к новому типу взаимодействия, так и редуцировать к прежнему. Кроме того, сообщества могут образовывать сетевые структуры, узлами которых являются городские активисты. Как демонстрирует на примере г. Омска российский исследователь, они могут быть задействованы одновременно в деятельности разных проектов и городских сообществ [29]. Предлагается рассматривать их также и как потоковые структуры, в духе исследования Д. В. Иванова [30].

Формирующиеся сетевые структуры могут включать в себя не только общественников и активистов, но и экспертов, представителей бизнеса и власти [31]. В этом аспекте сетевые сообщества могут рассматриваться как институты, обеспечивающие координацию интересов различных сегментов населения города и их участие в принятии решений на уровне местного самоуправления. Степень их участия в управлении городом зависит от уровня субъектности, который определяется сплочённостью, эмоциональной вовлечённостью, ответственностью членов сообщества и рядом других характеристик [32].

Городские сообщества в условиях конфликта

Исследователями признаётся значительная роль сообществ в создании полицентричной структуры городской политики, основанной на гражданском участии и обеспечивающей устойчивость и адаптивность городов. В то же время такая структура призвана способствовать преодолению конфликтов [33]. С этой проблемой сталкиваются все города, в которых социально-экономическое развитие приводит к росту гражданского самосознания и, как следствие, росту конфликтов, в первую очередь основанных на уже упоминавшейся идее NIMBY. Инструменты регулирования таких конфликтов делятся на три категории: рыночные инструменты, методы управления бизнесом и инструменты социального управления [34, p. 149–150].

Существует также подход, согласно которому можно выделить государственное регулирование, предполагающее использование наиболее жёстких инструментов (правовое регулирование, стандартизация, силовые методы подавления конфликтов); совместное управление, основанное на создании «мультиагентов» (сотрудничество властных структур, бизнеса и общественных структур, вовлечение граждан в принятие решений); экономическое стимулирование, ориентированное на рыночные формы урегулирования конфликтов (выплата компенсаций, снижение налогов или освобождения от их уплаты для сообществ, чьи интересы затронуты) [35]. Исследователями отмечается, что вне зависимости от конкретных механизмов регулирования повышение конструктивности в управлении подобными конфликтами желательно для всех участников, т. к. способствует развитию демократических механизмов на местном уровне и в то же время ускоряет процесс размещения необходимых городу объектов.

Исследования участия городских сообществ в конфликтах и стратегий их поведения нельзя назвать многочисленными. Необходимо отметить ряд статей Е. В. Тыкановой (некоторые из них опубликованы в соавторстве с А. М. Хохловой, А. Н. Шаталовой, А. А. Желниной), посвящённых теоретическим аспектам данной проблематики [36], анализу case-study [37; 38; 39] и некоторым смежным аспектам [40].

Проводимые в течение нескольких лет исследования деятельности городских сообществ в условиях конфликтов, имеющих, как правило, политическую составляющую, позволяют отслеживать динамику её форм и методов. В частности, отмечается, что появляются новые игроки и форматы городского локального протеста, а их динамика демонстрирует постепенную политизацию, а именно сложное, нелинейное «восхождение» гражданского участия от индивидуализированных до более коллективных, сетевых и политизированных форм [41, с. 42]. При этом само понятие городского конфликта в исследованиях санкт-петербургских авторов фигурирует достаточно редко, как правило, речь идёт об оспаривании городского пространства, согласовании интересов, городском протесте и т. д.

Вызывают интерес исследования участия городских сообществ в конфликтах по поводу развития пригородных районов. Здесь речь идёт о проблемах землепользования, идентичности сообществ, дискурсах по поводу развития городского пространства и их практическом влиянии на городской ландшафт [42; 43; 44; 45]. Однако в них указанная тематика не является основной, и этот вопрос требует дальнейшего изучения, в том числе в связи с ростом городских агломераций.

Достаточно широко распространены подходы к городскому планированию, в которых данный процесс рассматривается с точки зрения вовлечения сообществ и преодоления конфликтов городского развития. В XXI в. отмечается рост влияния акторов, участие которых в городском планировании ранее было незначительным. Гражданские структуры и активисты начинают играть ключевую роль [46]. Одним из главных методов обеспечения такого положения вещей в пространстве города является коллаборативное (коммуникативное) планирование, определяемое в качестве «основанной на гражданственности модели планирования, которая делегирует ответственность за подготовку планов непосредственно заинтересованным сторонам» [47]. П. Хили рассматривает такой процесс планирования как переход от выработки стратегии к дискуссиям и «включающей стратегической аргументации», к развитию «политического дискурса» и реализации предложений [48]. Данные механизмы работоспособны при условии приложения необходимых усилий для их налаживания (в частности, привлечения специалистов, обладающих навыками фасилитации, работы с конфликтующими группами и др.).

Альтернативным вариантом планирования является критический подход, предполагающий борьбу за городское пространство, открытое столкновение интересов по поводу планов его использования. Данный подход сформировался в русле неомарксизма и отражает идеи, согласно которым бороться необходимо не за достижение компромисса по отдельным спорным вопросам, а за изменение структуры самого городского пространства в интересах большинства горожан. Таким образом, конфликт рассматривается как одно из проявлений базовых противоречий современного общества. Здесь возможно возникновение более глубоких конфликтов, связанных не только с интересами, но и с ценностями различных групп горожан [49]. Критическое планирование предполагает открытое политическое высказывание, имеющее публичное звучание, и мобилизацию значительного количества людей для поддержки заявленной позиции. Соответственно, разрешения конфликта можно достичь только посредством реального перераспределения властных полномочий и схем управления городским развитием [50]. Для этого варианта планирования значимой является способность горожан объединяться и отстаивать свои интересы политическими методами, в том числе и через структуры гражданского общества.

Заключение

Подводя итог представленного обзора современного состояния исследований проблематики конфликтов в процессе функционирования городских сообществ, отметим, что различные её аспекты весьма неравномерно представлены в научных публикациях. Наибольшее внимание уделяется проблемам определения сущности и роли городских сообществ как акторов процессов развития города, относительно меньшее – их месту в городской политике, ещё меньшее – участию в конфликтах и влиянию такого участия на развитие сообщества. Между тем данная тематика представляется ключевой в контексте активизации политической борьбы в современных крупных городах, роста городского активизма и его протестных составляющих.

Можно ожидать, что количество и уровень специализированных исследований по данному направлению будут возрастать.

Ссылки / References

1. Семенов А. В., Шевцова И. К., Бедерсон В. Д. Городская мобилизация и градостроительная политика: стратегическое взаимодействие местных жителей и застройщиков в ситуации конфликта // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. № 21(3). С. 140–169. DOI: 10.31119/jssa.2018.21.3.7
2. Парк Р. Э. Социология, сообщество и общество // Вопросы социальной теории. 2008. Т. 2. Вып. 1(2). С. 227–231.
3. Вагин В. Социология города. М.: МОНФ, 2000.
4. Демчук Н. В. Местное сообщество: интерпретация понятия // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2019. № 2(41). С. 111–117.
5. Ледяев В. Г. Опыт изучения власти в городских сообществах: российская проекция // Власть и элиты. Т. 5. СПб.: Интерсоцис, 2015. С. 301–325.
6. Трофименко Д. В. Городское сообщество: разрешение институциональных конфликтов в полиэтничной среде: дис. ... канд. соц. наук. Ростов-на-Дону, 2008.
7. Степанцов П. Сообщества и городская среда. URL: <https://postnauka.ru/faq/11357>
8. Nguyen H., Tyler S., Thi My Thi Tong. Co-management model on urban riverbank erosion management in Can Tho city, Vietnam // Science and Technology in Disaster Risk Reduction in Asia. Potentials and Challenges. 2018. P. 161–173.
9. Городские локальные идентичности: проблемы дифференциации и факторы консолидации местных сообществ / Р. В. Евстифеев, И. В. Задорин, П. Л. Крупкин, С. Д. Лебедев // Региональная дифференциация и консолидация социального пространства России: новые реалии и вызовы. V Сухаревские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Саранск: Научный центр социально-экономического мониторинга, 2015. С. 368–373.
10. Якубов Ю. Д. Неполитические общественные объединения как фактор политики: дис. ... канд. полит. наук. Казань, 2003.
11. Рослякова М. В. Городские сообщества как объект и важнейший ресурс муниципального управления // Политика и Общество. 2018. № 8. С. 42–55. DOI: 10.7256/2454-0684.2018.8.27143.
12. McKenzie R., Park R., Burgess E. The City. Chicago: University of Chicago Press, 1967.
13. Пузанов К. А. Территориальные границы городских сообществ // Социология власти. 2013. № 3. С. 27–38.
14. Павлов А. В. Локальные городские сообщества в социальных сетях: между «соседской» и «гражданской» коммуникацией // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2016. № 5. С. 46–57.
15. Вахштайн В. Производство сообществ: событие, язык, коммуникация // 60 параллель. 2011. № 2. С. 72–81.
16. Latour B. Network, societies, spheres: Reflections of an actor-network theorist // International journal of communication. 2011. Vol. 5. P. 796–810.
17. Городские движения России в 2009–2012 годах: на пути к политическому / под ред. К. Клеман. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

18. Been V., Madar J., McDonnell S. 2014. Urban Land-Use Regulation: Are Homevoters Overtaking the Growth Machine? // *Journal of Empirical Legal Studies*. 2014. № 11 (2). P. 227–265.
19. Léa S. From NIMBY to enlightened resistance: A framework proposal to decrypt landuse disputes based on a landfill opposition case in France // *Local Environment*. 2017. № 22 (4). P. 461–477.
20. Петухов Р. В. Локальные сообщества и гражданский активизм // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2014. № 4 (122). С. 60–67.
21. Ивлева И. В. Соседские сообщества в процессе трансформации // *Вестник СПбГУ. Серия 12*. 2010. Вып. 3. С. 339–345.
22. Оводова С. Н. Гражданские и религиозные сообщества в городе: отпечатки социального порядка в пространственной конфигурации // *Визуальные образы современной культуры: светские и религиозные стратегии построения жизненного мира: сборник научных статей по материалам VI Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 9–10 июня 2017 г.)*. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2017. С. 58–59.
23. Оводова С. Н. Городские сообщества: собирая и разрушая города. Визуальные образы современной культуры // *Человек в современном городе: облик, образ, образование: сб. науч. ст. по материалам V Всерос. науч.-практ. конф. с международ. участием (Омск, 17–18 мая 2016 г.)*. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2016. С. 30–31.
24. Horgan D.; Dimitrijević B. Social Innovation Systems for Building Resilient Communities // *Urban Sci*. 2018. № 2. P. 1–16.
25. *The International Handbook on Social Innovation: Collective Action, Social Learning and Transdisciplinary Research* / F. Moulaert, D. MacCallum, A. Mehmood, A. Hamdouch. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2013.
26. Демакова К. В. Роль самодеятельных сообществ в городской политике // *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*. 2013. № 4 (24). С. 116–126.
27. Мурунов С. Городские политики или технологии влияния городских сообществ. URL: <https://arch-sochi.ru/2019/04/gorodskie-politiki/>
28. Пустовойт Ю. А. «Земля» и «воля»: городские режимы и протестные сообщества в сибирских городах // *Власть и элиты*. 2018. Т. 5. С. 295–330.
29. Оводова С. Н. Феномен самоорганизации активистов в урбанистические сообщества (на примере г. Омска) // *PRIMO ASPECTU*. 2019. № 2 (38). С. 35–43.
30. Иванов Д. В. К теории потоковых структур // *Социологические исследования*. 2012. № 4 (336). С. 8–16.
31. Макарова М. Н. Городские сообщества как политические сети // *Философия и социальные науки в современном мире: Материалы международной научной конференции к 30-летию факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета*. Минск: БГУ, 2019. С. 416–421.
32. Разинский Г. В. Муниципальная власть и местные сообщества: пути оптимизации отношений // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки*. 2018. № 3. С. 162–173.
33. Sanchez A., van der Heijden J. & Osmond P. The city politics of an urban age: urban resilience conceptualizations and policies // *Palgrave Commun*. 2018. № 4 (1). P. 1–12. DOI: 10.1057/s41599-018-0074-z
34. Chen Z. M. *Public Policy*. Beijing: China Renmin University Press, 2013.

35. Liu Y. (2018). Research on the Influence Factors of the Policy Tools in NIMBY Conflict Management – A Study Based on 25 Cases in China // *Open Journal of Social Sciences*. 2018. № 6. P. 164–174.
36. Желнина А. А., Тыканова Е. В. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2019. № 1. С. 63–84.
37. Тыканова Е. В. Консолидация локальных сообществ в ситуации оспаривания городского пространства Санкт-Петербурга // *Петербургская социология сегодня*. 2016. № 7. С. 364–388.
38. Тыканова Е. В., Хохлова А. М. Между политическим и аполитичным: формы участия локальных сообществ в защите городских территорий // *Современный город: власть, управление, экономика*. Пермь: ПНИПУ, 2017. С. 218–236.
39. Тыканова Е. В. Город как территория неравенства: оспаривание сноса гаражных строений в Санкт-Петербурге // *Петербургская социология сегодня*. 2017. № 8. С. 54–72.
40. Шаталова А. Н., Тыканова Е. В. Неформальные практики участников публичных слушаний (случай Санкт-Петербурга) // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2018. № 4. С. 63–84.
41. Тыканова Е. В. Уровни участия локальных активистов в борьбе за городское пространство // *Город. Среда. Политика*. 2018: сборник материалов научно-практической конференции. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. С. 37–42.
42. Anderson N. M., Ford R. M., Williams K. J. H. Contested beliefs about land-use are associated with divergent representations of a rural landscape as place // *Landscape and Urban Planning*. 2017. № 157. P. 75–89.
43. Cadieux K. V. Political ecology of exurban “lifestyle” landscapes at Christchurch’s contested urban fence // *Urban Forestry Urban Greening*. 2008. № 7. P. 183–194.
44. Kennedy M., Butt A., Amati M. *Conflict and change in Australia’s peri-urban landscapes*. Farnham: Routledge, 2016.
45. Ruoso L.-E., Plant R. A politics of place framework for unravelling peri-urban conflict: An example of peri-urban Sydney, Australia // *Journal of Urban Management*. 2018. № 7 (2). P. 57–69.
46. *Urban Politics: An Interdisciplinary Dialogue* // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2011. № 35(4). P. 853–871.
47. Gunton T. & Day J. C. The theory and practice of collaborative planning in resource and environmental management // *Environments*. 2003. № 31. P. 5–19.
48. Healey P. *Collaborative Planning: Shaping Places in Fragmented Societies*. Vancouver: UBS Press, 1997.
49. McAuliffe C. & Rogers D. The politics of value in urban development: Valuing conflict in agonistic pluralism // *Planning Theory*. 2019. № 18 (3). P. 300–318.
50. Медведев И. Р. *Разрешение городских конфликтов*. М.: Инфотропик, 2017.

Features of collective action in modern Russia: dynamics, digitalization and results

A. V. Sokolov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: [10.18255/2412-6519-2020-1-30-45](https://doi.org/10.18255/2412-6519-2020-1-30-45)

Review

Full text in Russian

The article deal with the analysis of the phenomenon of collective action. A review of modern ideas about the features of collective action, mass action in politics is made. The great importance of collective identity in the process of organizing and implementing of collective actions is indicated. The network nature of modern collective actions and the significant influence of information and communication technologies in the process of their organization are noted.

To illustrate the features of collective action in Russia, the article presents the results of a longitudinal study of collective action conducted since 2014 by interviewing experts from various regions of the Russian Federation (annual sample of at least 14 Russian regions and at least 155 experts). The study allows us to identify the dynamics of the activity of collective actions, the features of their organization, the trends of cooperation, the intensity of protest actions.

The conclusion is made about the slowdown in the growth of civic activism and collective action. Relative growth is observed only in their manifestation on the Internet. There is a gradual decrease in the politicization of collective action and youth involvement in mass action. At the same time, the role of Internet tools in organizing politicized collective actions is increasing.

The article analyzes the actors of collective action. It is concluded that the development of the Internet is a factor contributing to the formation of wider coalitions in the process of organizing and carrying out of collective actions and the increasing activity of unregistered public associations. It is indicated that there is a tendency for the development of network characteristics of collective actions in modern Russia.

Keywords: collective action; Internet; protest; cooperation; civic activism

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sokolov Alexander V. | E-mail: alex8119@mail.ru
| Doctor of Sciences in Politics

Funding: RFBR, project 17-03-00132-OGN.

For citation: Sokolov A. V. Features of collective action in modern Russia: dynamics, digitalization and results // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2020. Vol. 6, No 1. P. 30–45. (in Russ.)

Особенности коллективных действий в современной России: динамика, цифровизация и результаты

А. В. Соколов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: [10.18255/2412-6519-2020-1-30-45](https://doi.org/10.18255/2412-6519-2020-1-30-45)
УДК 323.22/.28

Обзорная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена анализу феномена коллективных действий. Делается обзор современных представлений об особенностях коллективных действий, массовых действий в политике. Указывается на большое значение коллективной идентичности в процессе организации и осуществления коллективных действий. Отмечается сетевой характер современных коллективных действий и значительное влияние информационно-коммуникационных технологий в процессе их организации.

Для иллюстрации особенностей коллективных действий в России в статье приводятся результаты лонгитюдного исследования коллективных действий, проводимого с 2014 года методом опроса экспертов из различных субъектов Российской Федерации (ежегодной выборкой не менее 14 субъектов Федерации и не менее 155 экспертов). Исследование позволяет выявлять динамику активности коллективных действий, особенности их организации, тенденции кооперации, интенсивность протестных действий.

Делается вывод о замедлении роста гражданской активности и коллективных действий. Относительный рост наблюдается лишь в их проявлении в интернете. Наблюдается постепенное снижение политизации коллективных действий и вовлеченности молодежи в массовые акции. При этом увеличивается роль интернет-инструментов в организации политизированных коллективных действий.

В статье анализируются акторы коллективных действий. Делается вывод о том, что развитие интернета является фактором, способствующим формированию более широких коалиций в процессе организации и осуществления коллективных действий, все большей активности незарегистрированных общественных объединений. Указывается, что наблюдается тенденция развития сетевых характеристик коллективных действий в современной России.

Ключевые слова: коллективные действия; Интернет; протест; кооперация; гражданская активность

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Соколов Александр | E-mail: alex8119@mail.ru
Владимирович | Доктор политических наук, зав. кафедрой социально-политических теорий

Финансирование: РФФИ, проект № 17-03-00132-ОГН «Коллективные действия граждан по защите и реализации законных прав и интересов в современной России».

Для цитирования: Соколов А. В. Особенности коллективных действий в современной России: динамика, цифровизация и результаты // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Том 6, № 1. С. 30–45.

Введение

Протесты в Турции, Бразилии, Гонконге, «цветные революции», «Арабская весна», избирательная кампания Б. Обамы в США, различные выступления на постсоветском пространстве вновь ярко продемонстрировали значимость для общественно-политического пространства массовых коллективных действий граждан, а также значение современных коммуникационных технологий в процессе их организации и координации. Действуя сообща, индивиды способны достигать целей, недоступных для одного человека. Организованные и скоординированные действия помогли человечеству не только выжить как виду, но и создать развитые цивилизации и технологии. Можно утверждать, что совместная деятельность присуща самой природе человека, она порождает сложные социальные структуры и служит основанием развития социальных институтов во всех сферах жизнедеятельности социума.

Политическая сфера жизни общества также функционирует благодаря совместным действиям, а вовлечение больших масс людей в эту активность делает массовые коллективные действия значимым элементом современной политической реальности. Такие примеры коллективных действий, как забастовки, демонстрации, митинги, шествия, пикеты, петиции, интернет-активность, демонстрируют синергетический эффект, когда совместное действие отдельных частей значительно превышает эффективность деятельности той же совокупности разрозненных элементов. В коллективных действиях проявляются такие функции системы, как интеграция, организация, координация участников, генерация и распространение различной информации [1, с. 269–271], коммуникация, создание новых символических практик [2].

Все это позволяет определять коллективные действия как своеобразную систему организованных индивидуумов, входящих в структурированные группы, действующие в целях удовлетворения своих социально-политических интересов и направленные на изменения социально-политических практик, вызывающих недовольство со стороны населения [3].

Сущность коллективных действий

Один из ключевых вопросов в исследованиях коллективных действий в политике – это их природа и сущность. Ряд исследователей противопоставляет понятия массы и порядка в функционировании общества. Действительно, традиционно масса трактуется как неупорядоченная, неконтролируемая, хаотичная субстанция, подверженная иррациональным импульсам, насилию [4, с. 275–288] и состоящая, согласно подходу патопсихологии [5], в основном из маргиналов и девиантов.

В. Корнхаузер также описывал «массу» как большое неструктурированное количество людей, которые не встроены в какую-либо социальную группу, в том числе классы, а массовые движения приводят к беспорядкам и в итоге к разрушению государств [6, с. 14]. Другой исследователь – Е. Хоффер – отмечал такие мотивы участия индивидов в массовых действиях, как чувство бессилия, эгоизм и скука [7].

В целом с точки зрения исследователей середины XX века масса (фактически толпа) понималась как фактор деструкции, дезорганизации, дисбаланса и угрозы общественному функционированию [8, с. 47–66]. Как следствие, массовые протестные действия воспринимались как способ снизить напряжение в обществе, выплеснуть негативные эмоции толпы.

С конца XX века начинает проследиваться другой, менее оценочный подход к пониманию роли масс и коллективных движений [9, с. 1–17]. В его русле коллективное действие воспринимается не как следствие патологического поведения отдельных маргинальных индивидов, а как явление, порожаемое объективными обстоятельствами и субъективными позициями [10, с. 515].

Исследователи этого периода стали уделять большее внимание мотивационной составляющей участия индивидов в коллективных действиях. Так, М. Олсон [11] изучал корреляцию между коллективной активностью и заинтересованностью в защите своих интересов индивидуумов и групп граждан, а также определил проблему «безбилетника» – когда индивид, напрямую не вступая в активные коллективные действия (например, оценивая затраты), все же получает от них выгоду. Также исследователь, обращаясь к роли человека, отмечал, что отдельная личность может оказать влияние на общегрупповые представления только в том случае, если она вносит личный вклад в их развитие или несет издержки, связанные с ними.

Исследователь К. Д. Опп выявил, что отдельным индивидам свойственно переоценивать свое влияние, а оценка влияния каждого отдельного индивида в группе также может отличаться от действительности [12, с. 76–77].

В конце XX века исследователи обратились к объяснению еще более глубинных социально-психологических механизмов включения индивидов в коллективную деятельность – через новую категорию коллективной идентичности. Она понималась как идентификация, отождествление личности с определенной социальной общностью, что позволяло вывести закономерность – прямую корреляцию между количеством людей, идентифицирующих себя с группой, и их склонностью к отстаиванию интересов этой группы в протестной форме [13, с. 681–705]. Групповая идентичность – это также представление группы о самой себе и отделение ее от других социальных общностей. Идентичность может быть также описана как «место» индивида в обществе [14, с. 646–658], его положение в обществе относительно других по таким параметрам, как этническая принадлежность, социальный статус, профессия, пол, возраст и т. д. При этом социальная идентичность может быть представлена многими вариациями в зависимости от того, к каким общностям причисляет себя человек. Именно она и является фактором формирования группового или коллективного поведения [15, с. 6–34].

В то же время однозначного мнения по поводу того, что же первично – коллективные действия или коллективная идентичность, – у исследователей не выработалось. Одни авторы указывают, что коллективные действия способствуют выработке коллективной идентичности, исследования продемонстрировали, что протестные выступления помогают структуриации разрозненных индивидов и превращению толпы в организованную силу [16].

В исследованиях Саймона делается вывод о первопричинности коллективной идентичности [14, с. 646–658]. Другие исследователи – Б. Кландерманс и де Верд – не выявили прямой связи между идентификацией и участием, но предположили, что групповая идентификация формирует установку к участию в коллективных действиях [17, с. 1073–1095].

Таким образом, коллективная идентичность выступает в качестве ключевого фактора в формировании коллективного действия. Однако для воплощения коллективной идентичности в реальные действия на благо группы необходим ряд условий, в том числе наличие самой возможности (свободы) таких действий [18].

Таким образом, коллективная идентичность и коллективные действия могут быть описаны как замкнутая самовоспроизводящаяся система.

Еще одним важным вопросом о механизмах коллективных действий является их запланированность или спонтанность. Классическая концепция Дж. Мида позволяет интерпретировать коллективное поведение как систему, включающую в себя 4 подсистемы: импульс, восприятие, манипуляция и консумация (потребление и встраивание в модели поведения) [19]. Скорость протекания коллективных процессов может не оставлять индивидуумам достаточно времени на обдумывание, внося спонтанность в их активность. Х. Блюмер [20] отмечал, что коллективному действию по его природе присуща спонтанность, несвязанность с предварительными договоренностями, и только в процессе деятельности формируется координационный механизм.

К. МакФейл [21], Р. Тернер и Л. Киллиан [22], напротив, отмечали важность координации и организации для привлечения внимания общественности и мобилизации сторонников.

Д. Сноу и Д. Мосс отмечали, что спонтанность присуща всем этапам развития коллективных действий [23, с. 1125], хотя, как правило, власти законодательно стремятся ограничить возможности спонтанной, а значит, непредсказуемой и опасной для стабильности коллективной деятельности.

Указанными авторами было сформулировано также четыре условия, необходимых для спонтанных коллективных действий: сетевой принцип организации связей; неопределенные условия (отсутствие сценария действий), эмоциональная основа и опыт предыдущих действий; пространственные условия и ограничения.

Д. Сноу и Д. Мосс сделали заключение, что спонтанные действия могут изменить план действий и являться важнейшей причиной насильственной эскалации конфликта [Там же. С. 1137]. При этом спонтанность может быть более результативной, нежели спланированные протесты. Это ярко продемонстрировано событиями в Каире 25 января 2011 года.

Исследователь массового поведения Ле Бон утверждал, что отдельные индивиды, объединяясь для выражения недовольства, как бы растворяют свою индивидуальную идентичность в коллективной, поглощаются толпой [24]. Участие в коллективных действиях придает индивиду такую характеристику, как анонимность, что позволяет ему действовать менее ответственно, чем если бы он действовал в одиночку [25, с. 401–423]. В то же время Д. Нил отмечал, что это свойство человека в толпе – анонимность – может служить и препятствием к построению более устойчивых организационно-коммуникационных связей, необходимых для эффективных совместных действий [26, с. 93–107].

Понимание коллективных движений не просто как хаотичных действий «одухотворенной» толпы характерно для Ж. Рансиа. Он отмечает иное, нежели анонимность и безответственность, качество объединенных в большие группы индивидов – субъектность, под которой понимается осознание индивидом своих интересов и артикуляция в общественное пространство требований [27].

Остается открытым вопрос о формировании общности, совершающей коллективные действия: должны ли участники быть знакомыми между собой и иметь устойчивые социальные связи друг с другом [28, с. 96–99] или в эту активность могут вовлекаться не связанные между собой индивиды [29, с. 178–198].

Убедительные результаты М. Волстром и М. Веннерхэг продемонстрировали, что практически все участники коллективных действий (90 %) были ранее вовлечены в различные социальные группы другими участниками [30, с. 565–583]. И хотя процент «одиночек» может варьироваться от акции к акции, все же их число никогда не бывает доминирующим в коллективных действиях.

Процессы установления коммуникаций и организационно оформленных структур в коллективных действиях позволили ученым ввести понятие «сеть» [31, с. 1111–1113]. Сформированные межличностные сети, подкрепленные технологическими возможностями коммуникации внутри них, позволяют организовывать эффективную коллективную активность [32].

Сетевая теория отмечает более эффективную передачу информации и скорость распространения контента (идей), нежели в структурах, выстроенных по иерархическому принципу. Сеть позволяет структурировать отношения индивидов, выгоднее распределять ресурсы, обеспечивать массовость за счет различных медиаплатформ, укреплять саму организацию коллективных действий. Распространяемая с помощью социальных сетей информация служит мобилизирующим фактором коллективных действий, а виртуальная среда коммуникаций позволяет упрощать и ускорять процессы взаимодействий, делая массовые сетевые действия особенно эффективными, в том числе с точки зрения адаптации к изменяющимся внешним условиям.

Организация коллективного действия осуществляется через так называемые ключевые узлы коммуникации, которые выступают драйверами мобилизации новых участников движения [33, с. 386–401]. Также социальные сети являются фактором формирования и укрепления коллективных идентичностей.

Как отмечает З. Тафочи, интернет позволяет вовлекать в коллективные действия большое количество людей, ранее не связанных между собой [34, с. 202–208]. Таким образом, она утверждает, что современные средства коммуникации – неотъемлемый элемент современных коллективных действий [35].

Более того, Г. Брэди, С. Верба и К. Шлозман предполагают, что существует положительная прямая корреляция между возможностью индивида влиять на политические процессы и использованием цифровых технологий [36, с. 271–294].

Методика исследования

С целью анализа организации и особенностей осуществления коллективных действий в современной России автором была проведена серия опросов экспертов в субъектах Российской Федерации. В 2014 году в исследование был включен 21 регион, в 2015 – 14, в 2017 – 15, 2018 – 14, в 2019 – 15 (таблица 1).

Для проведения опроса экспертов ежегодно отбиралось не менее 14 субъектов РФ. Репрезентативность выборки регионов обеспечивалась, исходя из принципа гетерогенности, по следующим критериям отбора:

- географическое положение;
- экономическое развитие региона;
- политическая система субъекта РФ;
- социальная и демографическая структура;
- этническая и религиозная структура региона;
- региональный политико-административный режим;
- территориальная принадлежность к определенному федеральному округу.

Распределение выборки исследования

Субъект Федерации	2014	2015	2017	2018	2019
Алтайский край	12	-	-	10	
Владимирская область	12	-	-		
Вологодская область	11	-	-		
Воронежская область	11	12	11	13	12
Иркутская область	14	11	10	11	10
Калининградская область	11	-	11	10	10
Кемеровская область				10	12
Кировская область	13	12	11		11
Костромская область	10	11	11	12	11
Краснодарский край	10	10	-		
Нижегородская область	10	-	-		
Новосибирская область	10	15	-		
Республика Адыгея	11	11	12		11
Республика Башкортостан	10	11	10	10	10
Республика Дагестан	12	13	11		13
Республика Карелия	11	-	-		
Республика Татарстан	10	10	10	11	12
Ростовская область	-	-	14	11	11
Самарская область	10	13	11	13	10
Саратовская область	12	14	14	13	
Ставропольский край	-	-	10	10	10
Ульяновская область	10	10	10	10	10
Хабаровская область	10	-	-		
Ярославская область	13	12	16	11	12
Всего	233	165	172	155	165

Реализация принципа гетерогенности при отборе регионов обеспечивала репрезентативность выборки размером в более чем 14 субъектах РФ.

В соответствии с методикой выбранные для исследования регионы входят в шесть федеральных округов: от Северо-Западного до Сибирского округа (не попали в выборку Уральский и Дальневосточный федеральные округа). Применение данного подхода для анализа гражданской активности позволяет распространять выводы настоящего исследования на страну в целом.

Центральным критерием отбора экспертов была компетентность, предполагающая:

- информированность о протестной активности в регионе;
- знание основных механизмов функционирования политической системы региона;
- вхождение в ту или иную региональную политическую элитную группу;
- опыт работы в сфере публичной политики и/или в органах государственной власти и местного самоуправления;
- знание основных акторов регионального политического процесса;
- знание политической конъюнктуры региона.

Главным критерием попадания в состав экспертов была осведомленность по изучаемой проблеме. Ресурсными группами выступили:

1. Представители органов власти. В этот сектор входят: сотрудники органов управления регионального уровня (исполнительных и законодательных), сотрудники государственных учреждений и организаций, сотрудники органов местного самоуправления и муниципальных учреждений и организаций.

2. Представители общественно-политической элиты, не занимающие постов в органах власти. В этот сектор входят: руководители региональных и местных отделений политических партий, руководители некоммерческих и общественных организаций, представители СМИ.

3. Экспертное сообщество. В этот сектор входят: представители профильных академических учреждений и не входящие в вышеуказанные структуры политические эксперты.

Каждая из целевых групп была представлена относительно равномерно в каждой из выборок (как в каждом субъекте Федерации, так и в выборке в целом): представители органов власти (примерно 35 % выборки), представители НКО и политических партий (примерно 30 %), представители экспертного сообщества (примерно 35 %).

Общее количество респондентов для опроса экспертов в каждом субъекте Российской Федерации составляло не менее 10 человек. Это позволяло получить репрезентативные данные о ситуации в регионе.

Кроме того, необходимо отметить, что уровень компетентности напрямую зависит также от степени вовлеченности экспертов в региональный политический процесс в том или ином статусе. Вышеуказанные статусные группы предполагают высокую вероятность того, что эксперт в значительной мере вовлечен в политический процесс в субъекте РФ.

Основное назначение экспертного опроса в рамках проведенного исследования заключалось в выявлении наиболее существенных, важных аспектов коллективных действий благодаря использованию знаний и опыта экспертов.

При стандартном порядке проведения респондент самостоятельно заполнял вопросник, высланный по электронной почте. В исключительных случаях опрос проводился по телефону.

Для опроса экспертов использовалась полужоформализованная анкета и заочный письменный сбор данных.

Для обработки применялся статистический анализ данных в программном продукте SPSS. В ходе обработки применялся метод независимых характеристик.

Он позволял дать обобщенную оценку одного явления, информация о котором поступает от нескольких независимых экспертов. На первом этапе проходило сравнение и сопоставление разных мнений, на втором – обработка с помощью математико-статистических процедур, на третьем – формулировались выводы.

В ходе исследования эксперты оценили:

- степень развитости офлайн и онлайн гражданской активности в своем регионе;
- значимость гражданской активности;
- факторы, способствующие росту эффективности гражданских кампаний по отстаиванию прав граждан в своем регионе;
- основные проблемы в развитии гражданской активности;
- активность различных форм гражданских объединений;
- особенности кооперации гражданских объединений в коллективных действиях;
- протестную активность и степень ее влияния на общественно-политическую ситуацию в регионе;
- влияние активизации государства в сфере регулирования интернет-среды на гражданскую активность;
- реакцию власти на коллективные действия.

В результате в ходе исследований были выявлены не только характеристики онлайн и офлайн коллективных действий в современной России, но и динамика изменения данных показателей, а также их особенности в различных субъектах Российской Федерации.

Характеристики коллективных действий в России

По данным мониторингового исследования, в 2019 году общий уровень гражданской активности в субъектах Российской Федерации изменился незначительно, оставшись вблизи значения 2018 года – 5,60 балла (где «0» – отсутствие гражданской активности, «10» – масштабная гражданская активность). Впервые с начала реализации данного исследования, т. е. с 2014 года, многие эксперты отказались говорить об общем повышении социальной активности в российском обществе. Более того, относительная стабильность значения показателя оказалась возможна лишь благодаря росту интенсивности гражданской активности в сети Интернет (+0,30 п. за 2019 год), т. к. в реальной жизни она падает (-0,39 п. в 2019 году). Снижение социальной активности в офлайн происходит на фоне отмечаемого экспертами постепенного дистанцирования государства от её поддержки.

Из числа задействованных в исследовании 2019 года субъектов наиболее высоко общий уровень гражданской активности оценили эксперты из Ульяновской области (ср. значение – 9,05 балла), Костромской области (ср. значение – 6,74 балла), республики Дагестан (ср. значение – 6,19 балла) и Ярославской области (ср. значение – 6,14 балла). В этих субъектах высоко (относительно среднего значения за 2019 год) развита как офлайн, так и онлайн-активность. Наоборот, низкий уровень общего социального участия в 2019 году наблюдался в республике Адыгее (ср. значение – 4,04 балла) и Ставропольском крае (ср. значение – 4,05 балла).

Как отмечалось ранее, популярность интернета не является определяющим фактором развития социальной онлайн-активности. Результаты 2019 года в очеред-

ной раз доказывают данный вывод: в субъектах Южного и Северо-Кавказского федеральных округов при уровне проникновения интернета более 80 % наблюдаются самые низкие экспертные оценки развития гражданской активности в сети.

Активизации государства в сфере регулирования интернет-среды влияет на общую динамику и содержание гражданской онлайн-активности, но также не является решающим фактором. Наиболее оптимистичны в данном вопросе эксперты – организаторы протестных акций в онлайн. Важно отметить, что степень влияния принимаемых государством мер по регулированию онлайн-контента на социальную активность в интернете варьируется в зависимости от региона. Таким образом, действительно одним из важных факторов, определяющих как динамику, так и содержание социальной онлайн-активности, является отношение к ней власти субъектов. Например, в субъектах с наиболее выраженной неприязнью или безразличием власти к онлайн-активности она развита хуже (Воронежская область, Кировская область, республика Татарстан, Ставропольский край, Кемеровская область. Исключение – республика Адыгея).

Наблюдаемый в 2019 году процесс ухода от проявлений «реальной» гражданской активности к «виртуальной» может свидетельствовать как о недоступности других механизмов реализации участия граждан в жизни общества (рост административных «барьеров»), так и о нежелании людей тратить сил больше, чем того требует нажатие кнопки на клавиатуре.

По данным исследования, гражданские активисты в России либо дистанцируются, либо не желают идентифицировать себя с лидером (лидерами). Эксперты уверены, что общественников, выбравших данную модель повеления по отношению к лидерам, за год стало больше (с 90,3 % до 94,5 %). В остальном за указанный период характер самоидентификации гражданских активистов не поменялся – тройственный: территориальный, ценностный, общностный. Как и в 2018, в 2019 году в своей деятельности они старались опираться на конкретные ценности и идеологию (30,1 %). Подобная самоидентификация характерна для Ярославской области, Калининградской области и республики Татарстан. Данный фактор самоидентификации гражданских активистов остается в оценочных суждениях экспертов наиболее сильным: средняя экспертная оценка составила 6,85 балла по 10-ти бальной шкале (где 1 – отсутствие влияния фактора, 10 – наиболее сильное). Каждый четвертый эксперт полагает, что гражданские активисты идентифицируют себя с определенной территорией (26,4 %). В 2019 году сила указанного фактора возросла и была оценена экспертами на 6,64 балла. Каждый пятый участник исследования в 2019 году полагал, что гражданские активисты идентифицируют себя только со своим объединением и своими единомышленниками. Данная форма идентификации особенно распространена в практике общественников Иркутской области и Ростовской области.

В 2018 году было обнаружено наличие серьезного недопонимания и даже противоречий самоидентификации между лидерами протестных акций и их рядовыми участниками. Подобное недопонимание остается актуальным и в 2019 году. Его суть заключается в том, что первые чаще идентифицируют себя с определенной идеологией и ценностями, а вторые – с определенной территорией, т. е. группой граждан одного микрорайона, района, города, региона.

Второй год подряд вопрос о политизации гражданской активности в субъектах Российской Федерации воспринимается экспертами неоднозначно: и в 2018 году и в 2019 году 80 % из них испытывали сомнения и не имели четкого ответа на него.

Таким образом, этот процесс сложен и неочевиден в связи с незначительностью влияния гражданских активистов на политические процессы в стране, а также с нежеланием многих из них раскрывать реальные цели своей деятельности. В целом, несмотря ни на что, динамика ответов экспертов указывает на то, что в 2019 году гражданская активность в стране была менее политизирована, чем в 2018 году, можно предположить, что в 2018 году подъем гражданской активности в политической сфере был сопряжен с выборами федерального и регионального уровней.

Согласно экспертному опросу в 2019 году:

- регионы с высоким уровнем политизации гражданской активности есть в каждом федеральном округе: республика Татарстан, республика Дагестан, республика Адыгея, Самарская область, Костромская область, Воронежская область, Ярославская область и Иркутская область;

- процесс политизации присутствует, но его роль в проявлении публичной активности граждан незначительна, прежде всего в Кемеровской области, Калининградской области;

- отсутствуют признаки политизации социальной активности в Ростовской области, Ставропольском крае, Ульяновской области и республике Башкортостан.

Согласно данным исследования, в 2019 году в целом по России снизился и уровень вовлечения молодежи в гражданскую активность. Если в 2018 году доля экспертов, указавших на рост активности молодых людей в социально-политической жизни общества, составляла 26,0 %, то в 2019 году – только 17,7 %. Возможно, причина в отсутствии выборов федерального и регионального уровня, т. к. в период предвыборных кампаний кандидаты и политические партии реализуют многие свои мероприятия с привлечением к организации/участию студентов, как правило, не на безвозмездной основе. Данная предвыборная практика может негативно влиять на развитие гражданского общества в целом, поскольку вполне возможно, что в будущем общественные действия молодежи будут направлены на получение материальной выгоды.

В 2019 году молодежь стала участником общественной деятельности в республике Адыгея, Воронежской области, республике Дагестан, Иркутской области и Ульяновской области.

Популярность гражданской активности в интернете среди жителей России способствует повышению роли её политической составляющей. Об этом говорят данные экспертного опроса. Эффект от использования интернета в политических целях заметен руководителям и рядовым участникам протестных/непротестных акций, а также простым наблюдателям. На данный момент влияние «виртуальной» политической активности на развитие общества особенно велико в республике Дагестан, Ярославской области, Иркутской области и Костромской области. И только содержательный, структурный анализ политической активности в интернете позволит выявить причины её успешности в данных регионах.

Результативность гражданских кампаний по отстаиванию прав граждан зависит от множества факторов. На протяжении трёх последних лет самыми важными для России экспертами признаются следующие факторы: «поддержка со стороны СМИ, блогеров, интернет-сообщества» и «широкая поддержка со стороны населения или больших социальных групп». При этом в 2019 году их значимость усилилась. Интересно, что организаторы непротестных офлайн и онлайн-акций их эффективность

ставят в зависимость от информационного сопровождения, в то время как протестных акций – от массовости (числа сторонников). Такой фактор, как «поддержка со стороны федеральных властных структур», наоборот, теряет свою значимость для гражданских активистов. Тем не менее он остается значимым в Кемеровской области, Ставропольском крае, Костромской и Кировской областях.

Как уже было отмечено, формы реакции государства на различные проявления активности общественных организаций и гражданских активистов оказывают влияние на динамику и содержание гражданской активности в офлайн и онлайн-среде. Динамика экспертных ответов на соответствующий вопрос выявила существенные признаки изменения отношения государства к проявлениям социальной активности. Если еще три года назад государство мотивировало и активно поддерживало участие граждан в решении существующих проблем, то сегодня всё чаще это заставляет опасаться гражданской активности и менять модель поведения с поддержки на противодействие или игнорирование. Отметим, что описанные тенденции являются общими для страны в целом, каждый отдельный субъект имеет свою специфику.

В 2019 году, по мнению экспертов, наибольшую активность в России проявляли формально не зарегистрированные объединения граждан (например, локальные группы, общественные движения, интернет-сообщества и т. п.). Подобная ситуация наблюдается впервые и связана с ростом популярности гражданской онлайн-активности. Отчасти она схожа с 2015 годом, когда зарегистрированные и незарегистрированные общественные объединения приложили равные усилия по мобилизации своей деятельности на фоне событий «Крымской весны 2014 года». В 2019 году деятельность незарегистрированных объединений граждан была наиболее заметна в республике Дагестан, Калининградской области и Кемеровской области. Официально зарегистрированные объединения в 2019 году, по мнению экспертов, несколько реже проявляли активность, чем незарегистрированные. Кроме того, после 2017 года они становятся всё более пассивными.

В 2019 году общественники прибегали к созданию коалиций так же часто, как и в 2018 году. С каждым годом они становятся более многочисленными, и прошедший год не стал исключением. Несмотря на это, малочисленные коалиции – не более 6 партнеров – продолжают преобладать в среде гражданских активистов.

Организаторы протестных и непротестных массовых публичных акций, независимо от выбора формы её проведения (офлайн или онлайн), по-разному относятся к созданию коалиций. Первые стараются найти сторонников и заручиться поддержкой максимального числа активистов, в то время как вторые предпочитают ограничиваться 2–6 партнерами.

Традиционно самыми важными принципами функционирования кооперации общественных организаций и гражданских активистов экспертами признаются наличие общего интереса (цели), добровольный характер. Постепенно возрастает роль системы внешней коммуникации. В целом эксперты высоко оценили значимость всех представленных в исследовании общепринятых правил кооперации, будь то вопросы финансирования, открытости, равноправия и т. п.

Значения экспертных оценок протестных действий, полученные в 2019 году, незначительно отличаются от данных 2018 года. Средний уровень активности протестных действий россиян в 2019 году эксперты оценили на 0,03 п. ниже, и в результате он составил 1,80 балла (от -5 до 5, где «-5» – протестная активность отсутствует,

«5» – масштабная протестная активность). Если отдельно говорить о формах проведения протестов, то, как и в 2018 году, онлайн-участие (средняя экспертная оценка = 2,07 балла) было предпочтительнее офлайн (=1,53 балла). Высокая офлайн и онлайн протестная активность в 2019 году наблюдалась в Иркутской области, Костромской области, Воронежской области, республике Дагестан и Кемеровской области.

В качестве основных причин протестов онлайн и офлайн экспертами чаще всего назывались «частные (локальные) проблемы», «нарушение политических прав, в том числе недовольство конкретными политическими руководителями» и «нарушение экономических прав граждан».

Эксперты признают, что организаторы онлайн и офлайн-протестов всё чаще ориентируются на интересы населения региона. Тем не менее их влияние на общественно-политическую ситуацию в регионе по-прежнему минимально, хоть и со знаком плюс (способствуют стабилизации). Возможно, именно по этой причине, а также из-за их малочисленности власти субъектов не противодействуют им и в то же время редко идут на сотрудничество с протестующими. По мнению экспертов, тот небольшой шаг к взаимодействию с протестующими региональные органы власти делают преимущественно из-за страха дестабилизации ситуации.

Выводы

Таким образом, обзор источников по проблемам коллективных протестных действий позволяет сделать вывод, что, несмотря на разницу в понимании и описании механизмов коллективных действий, авторы единодушны в признании их эффективности как метода защиты гражданами своих интересов. Практика современных протестных движений демонстрирует все большую распространенность и масштаб коллективных действий. Исследователи связывают это с новыми возможностями организации и координации совместной деятельности с помощью современных информационно-коммуникационных технологий, значительно упрощающих и ускоряющих обмен информацией в социальных сетях.

Анализ исследований коллективных действий позволил выделить два противоположных подхода к их пониманию: как аффективное девиантное поведение и как поведение рациональное, направленное на артикуляцию и отстаивание своих прав и интересов объединенными в большие группы индивидами.

Исследователи сходятся во мнении, что системообразующим элементом в коллективных действиях выступает коллективная идентичность, понимаемая как чувство общности, сопричастности индивида с данной группой и восприятие ее ценностей и интересов как собственных.

При этом сетевая организация между индивидами, обеспечиваемая современными ИКТ, позволяет интенсифицировать коммуникацию, организацию и координацию совместных действий, а также формировать коллективную идентичность.

Также исследователи отмечают, что коллективные действия в условиях неоднозначности ситуации, отсутствия иерархически выстроенных управленческих связей и наличия эмоциональной окраски событий приобретают такое качество, как спонтанность, которое зачастую способствует повышению эффективности протестных действий.

Анализ организации и осуществления коллективных действий в современной России позволяет говорить о том, что гражданская активность выстраивается с учетом множества факторов: развития социальных институтов, установленных правил и норм, модных тенденции и т. д., в том числе с учетом развития техники и технологий. Появление сети Интернет, виртуальной реальности привело не только к расширению возможностей проявления гражданской активности, организации коллективных действий, но и в целом к их глубинной трансформации – дифференциации на общественно-политическую активность в сети и реальной жизни. И если до последнего времени их развитие в России шло равномерно и сонаправленно, то в последний год ситуация несколько изменилась. На фоне поступательного роста популярности социальной активности в сети Интернет наблюдается снижение интенсивности её проявлений в реальном мире. При этом абсолютное большинство экспертов уверены в том, что сегодня ни одна акция гражданской активности не обходится без интернет-технологий, т. е. они находятся в определенной зависимости от данного средства коммуникации.

Можно говорить о подмене реальной активности онлайн-действиями. При этом государство вынуждено реагировать на подобные изменения и активизируется в направлении регулирования различных форм деятельности в интернете.

Наблюдается постепенное снижение политизации коллективных действий и вовлеченности молодежи в массовые акции. Вероятно, это связано с тем, что в 2017–2018 годах значительное влияние оказывали предвыборные кампании. При этом увеличивается роль интернет-инструментов в организации политизированных коллективных действий.

Можно предполагать, что развитие интернета является фактором, способствующим формированию более широких коалиций в процессе организации и осуществления коллективных действий, все большей активности незарегистрированных общественных объединений. В связи с этим можно делать вывод о постепенном развитии сетевых характеристик коллективных действий в современной России.

Ссылки / References

1. Della Porta D. Comment on organizing in the crowd // *Information, Communication & Society*. 2014. Vol. 17. № 2. P. 269–271.
2. McAdam D., McCarthy J. D., Zald M. N. *Comparative Perspectives and Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framing*. New York: Cambridge University Press, 1996.
3. Medina L. F. *A Unified Theory of Collective Action and Social Change, Analytical Perspectives on Politics*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2007.
4. Drury J., Stott C. Contextualising the crowd in contemporary social science // *Contemporary Social Science*. 2011. № 6. P. 275–288.
5. McAdam D. Beyond structural analysis: Toward a more dynamic understanding of social movements // Dian M., McAdam D. (Eds.) *Social movements and networks: Relational approaches to collective action*. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 281–298.
6. Kornhauser W. *The politics of mass society*. Glencoe, IL: Free Press, 1959.
7. Hoffer E. *The true believer*. New York: HarperCollins, 1951.

8. Buechler S. M. The strange career of strain and breakdown theories // Snow D. A., Soule S. A., Kriesi H. (Eds.). *The Blackwell companion to social movements*. Malden, MA: Blackwell, 2004. P. 47–66.
9. Stryker S., Owens T. J., White R. W. *Social psychology and social movements: Cloudy past and bright future* // Stryker S., Owens T. J., White R. W. (Eds.) *Self, identity, and social movements*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2000. P. 1–17.
10. Brandstatter H., Opp K.-D. Personality Traits («Big Five») and the Propensity to Political Protest: Alternative Models // *Political Psychology*. 2014. Vol. 35. № 4. P. 515–537.
11. Olson M. *The logic of collective action: Public goods and the theory of groups*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1965.
12. Opp K.-D. Collective identity, rationality and collective political action // *Rationality and Society*. 2012. № 24 (1). P. 73–105.
13. Stürmer S., Simon B. Pathways to collective protest: Calculation, identification, or emotion? A critical analysis of the role of group-based anger in social movement participation // *Journal of Social Issues*. 2009. № 65 (4). P. 681–705.
14. Collective identity and social movement participation / B. Simon, M. Loewy, S. Stürmer, U. Weber, C. Kampmeier, P. Freytag, C. Habig, P. Spahlinger // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998. № 74. P. 646–658.
15. Turner J. C. Some current themes in research on social identity and self-categorization theories // Ellemers N., Spears R., Doosje B. (Eds) *Social Identity: Context, Commitment, Content*. Oxford: Blackwell, 1999. P. 6–34.
16. Drury J., Reicher S., Stott C. Shifting boundaries of collective identity: Intergroup context and social category change in an anti-roads protest // *British Psychological Society Social Psychology Section Conference*. University of Surrey. Unpublished paper. 1999. URL: https://www.academia.edu/16628085/Shifting_boundaries_of_collective_identity_Intergroup_context_and_social_category_change_in_an_anti-roads_protest (дата обращения: 02.09.2018).
17. De Weerd M., Klandermans B. Group identification and social protest: Farmer's protest in the Netherlands // *European Journal of Social Psychology*. 1999. № 29. P. 1073–1095.
18. Fishbein M., Ajzen I. *Belief, attitude, intention and behaviour*. Reading, MA: Addison-Wesley, 1975.
19. Mead G. H. *The Philosophy of the Act*, edited by C. W. Morris. Chicago: University of Chicago Press, 1938.
20. Blumer H. *Collective Behavior* // *Principles of Sociology*. Edited by A. McClung Lee. New York: Barnes & Noble, 1972. P. 65–121.
21. McPhail C. Blumer's theory of collective behavior // *Sociological Quarterly*. 1989. № 30 (3). P. 401–423.
22. Turner R. H., Killian L. *Collective Behavior*. 3rd ed. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1987.
23. Snow D., Moss D. Protest on the Fly: Toward a Theory of Spontaneity in the Dynamics of Protest and Social Movements // *American Sociological Review*. 2014. Vol. 79 (6). P. 1122–1143.

24. Le Bon G. *The Crowd: A Study of the Popular Mind*. Kitchener, ONT: Batoche Books, 2001.
25. McPhail C. *The Myth of the Madding Crowd*. New York: Aldine De Gruyter, 1991.
26. Neil D. M. A further examination of anonymity, contagion, and deindividuation in crowd and collective behavior // *Sociological Focus*. 1993. № 26 (2). P. 93–107.
27. Ranciere J. *Disagreement: Politics and Philosophy*, translated by J. Rose. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1999.
28. Aveni A. F. The not-so-lonely crowd: Friendship groups in collective behavior // *Sociometry*. 1977. № 40 (1). P. 96–99.
29. Blumer H. Elementary collective groupings // In: McClung LA (ed.) *Principles of Sociology*. New York: Barnes and Noble, 1946. P. 178–198.
30. Wahlstrom M., Wennerhag M. Alone in the crowd: Lone protesters in Western European demonstrations // *International Sociology*. 2014. Vol. 29 (6). P. 565–583.
31. Heijden H.-A. Environmental networks and social movement theory // *Environmental Politics*. 2014. № 23 (6). P. 1111–1113.
32. Bennett L., Segerberg A. *The logic of connective action. Digital media and the personalization of contentious politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
33. Diani M. Social Movement Networks Virtual and Real // *Information, Communication and Society*. 2000. № 3. P. 386–401.
34. Tufekci Z. The Medium and the Movement: Digital Tools, Social Movement Politics, and the End of the Free Rider Problem // *Policy & Internet*. 2014. Vol. 6. Issue 2. P. 202–208.
35. Tufekci Z. Capabilities of Movements and Affordances of Digital Media: Paradoxes of Empowerment. *DMLCentral*. 2014. URL: <https://dmlcentral.net/capabilities-of-movements-and-affordances-of-digital-media-paradoxes-of-empowerment/> (дата обращения: 02.09.2017).
36. Brady H., Verba S., Schlozman K. L. Beyond Ses: A Resource Model of Political Participation // *American Political Science Review*. 1995. № 89. № 2. P. 271–294.

Theoretical and methodological grounds for critical approach to revolution

S. A. Kudrina¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: [10.18255/2412-6519-2020-1-46-53](https://doi.org/10.18255/2412-6519-2020-1-46-53)

Research Article
Full text in Russian

The article is devoted to the sociological approach to the phenomenon of revolution as a “pure type” free from political and historical content. It deals with socio-ontological, methodological, socio-psychological and ethical-axiological grounds for the critical approach to the phenomenon of revolution in classical and contemporary theories. Socio-ontological arguments are proposed by sociologists who regard revolutions as disaster because social systems (as “living organisms” or any complex systems, regardless of their origin) are certain to be in balance. According to the socio-psychological critical arguments, revolutions activate irrational aggressive crowds capable of destruction only. Besides, this approach is based on the study of false interpretations and the phenomenon of the “revolution of rising expectations”. Methodological criticism aims at social revolution as an inevitable integral element of Utopian engineering. The meaning of the confrontation is as follows: piecemeal technology versus holistic large-scale experiment. According to the ethical and axiological arguments, the revolution as a violent collective action, in the name of the desired equality and justice, leads to victims inevitably.

Keywords: sociology of revolution; social change; holism; social exclusion; justice; revolution of rising expectations

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kudrina Sofia A. | E-mail: sofia-kudrina@mail.ru
Candidate of Sciences in Philosophy

For citation: Kudrina S. A. Theoretical and methodological grounds for critical approach to revolution // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2020. Vol. 6, No 1. P. 46–53. (in Russ.)

Теоретико-методологические основания критического подхода к революции

С. А. Кудрина¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: [10.18255/2412-6519-2020-1-46-53](https://doi.org/10.18255/2412-6519-2020-1-46-53)
УДК 316.2

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена социологическому осмыслению феномена революции как «чистого типа» при максимально возможном отвлечении от политических и конкретно-исторических исследований. Рассмотрены социально-онтологические, методологические, социально-психологические и этико-аксиологические основания критического подхода к революции, предлагаемые как представителями классической социологической мысли, так и современными социологами. Социально-онтологические доводы приводят социологи, в чьих концепциях в той или иной степени делается упор на деструктивности революции и важности сохранения целостности, баланса и равновесности общества, представляющего собой живой организм, подобие живого организма или какую-либо иную сложную систему вне зависимости от того, какова природа этой системы. Социально-психологические основания критического подхода к революции опираются на выводы о разрушительности, агрессивности и иррациональности порождаемых революцией толп, а также на исследования проблемы ложных интерпретаций и феномена «революции растущих ожиданий». При рассмотрении методологических оснований обращается внимание на противопоставление «постепенной технологии» холистскому крупномасштабному эксперименту и на революцию как первый этап утопического проекта. Социологи, выдвигающие этико-аксиологические аргументы, обращают внимание на то, что революция как насильственное коллективное действие во имя желаемого равенства и справедливости неизбежно ведет к жертвам.

Ключевые слова: социология революции; социальные изменения; холизм; социальная эксклюзия; справедливость; революция растущих ожиданий

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кудрина София Альбертовна | E-mail: sofia-kudrina@mail.ru
Кандидат философских наук, доцент кафедры философии

Для цитирования: Кудрина С. А. Теоретико-методологические основания критического подхода к революции // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Том 6, № 1. С. 46–53.

Феномен революций, изучаемый с конкретно-исторических, экономических, политико-технологических и философских позиций, представляет большой интерес в том числе и для теоретической социологии. В данной статье будет рассмотрен ряд теоретико-методологических оснований критического подхода к революции в социологии.

В первую очередь следует обратить внимание на *социально-онтологические* основания критического подхода к рассматриваемому явлению. Сам по себе критический взгляд на революцию начал формироваться в Европе вместе с институционализацией социологии как науки. Первыми, кто поднял данный вопрос, были представители биологического редукционизма. Вообще биологический редукционизм (и возникший вместе с ним структурный функционализм) во многом способствовал развитию критического отношения к революциям в целом, поскольку предполагал рассмотрение общества как единого организма или его подобия, развивающегося непременно эволюционным путем, или путем наименьшего сопротивления. Герберт Спенсер, сторонник и теоретик органической концепции общества, а также его многочисленные последователи расценивали революции как катастрофы и нарушение равновесия, которые тем не менее при несоответствии между чувствами и волей народа и политикой власти оказываются неизбежными. Спенсер обращает внимание на тот парадокс, что «насильственные перевороты, низвергающие старый порядок, не осуществляют надежд тех, кем они производятся, и в окончательном результате порождают учреждения, превосходящие лишь немногим только что уничтоженные», но при указанном выше несоответствии «произведенные изменения не могли произойти никаким иным путем» [1, с. 428].

Социология революции развивалась не только по своей внутренней логике. У человечества накапливался опыт революций. Каждое последующее поколение мыслителей имело возможность обращаться все к более богатому опыту и все более разнообразному эмпирическому материалу. К примеру, автор «Левиафана» Т. Гоббс, который рассматривал революцию и следующую за ней гражданскую войну как «войну всех против всех», еще не знал революций более поздних, чем английская буржуазная, а работа П. Сорокина «Социология революции» была написана уже после русской революции 1917 года, но он еще не мог учитывать такие явления, как, к примеру, «арабская весна». Социологи зачастую углубляются в исторические факты, анализируют конкретную революцию – ту, что близка им по времени, или ту, свидетельствами которой они стали лично.

Наша задача – рассмотреть чисто социологические общие выводы о революции как «чистом типе» (термин М. Вебера), абстрагируясь от политических и конкретно-исторических рассуждений. К тому же, социально-онтологический подход как раз и дает такую возможность. Еще один пример такого подхода – социология революции Питирима Сорокина. Несмотря на то, что П. Сорокин был очевидцем именно русских революций 1905 и 1917 годов, тем не менее он задался целью не просто осмыслить их, но и исследовать революцию вообще как социологический феномен. Свои выводы он изложил в работе «Социология революции». В качестве причин революций он выделял подавление базовых инстинктов, дезорганизацию власти и социального контроля, когда «на вершине общества аккумулируются «бездарные правители», а «головастиков» у основания пирамиды власти становится все больше и больше» [2, с. 292]. При этом бездарная элита усиливает давление, чтобы сохранить

власть и привилегии, что чревато взрывом снизу. Этот взрыв происходит, элита сбрасывается вниз, низы поднимаются – то есть рушится стратификация и система социальных «сит». Затем создаются новые «сита», новые механизмы репрессии и подавления. Они и становятся причиной второй неизбежной стадии революции – контрреволюции, поскольку накапливаются новые «репрессии», «паразитизм» и «разложение» [Там же].

Социально-онтологическое основание критического подхода к революции можно обнаружить в позиции представителей структурного функционализма, зародившегося на ранних этапах развития социологии и получившего свое продолжение в работах социологов XX в. Считая необходимым сохранение баланса между социальными институтами, функционализм предполагает гибкое приспособление к изменениям и реорганизацию институтов. «Функционализм рассматривает порядок и баланс сил в качестве нормального состояния общества» [3, с. 30]. К социально-онтологическим можно отнести также религиозные концепции общества, которые усматривают в революции нарушение онтологической вертикали. В целом социально-онтологические доводы приводят холисты, в чьих концепциях в той или иной степени делается упор на сохранение целостности, баланса и равновесности общества, которое представляет собой живой организм, подобие живого организма или какую-либо иную сложную систему вне зависимости от того, какова природа этой системы.

Социально-психологические основания критического подхода к революции также имели весьма большое значение для изучения данного феномена. Они были связаны в основном с анализом такого явления, как толпа. По мнению Гюстава Лебона, революция порождает толпы, и какими бы высокими ни были идеалы революции, разумности в действиях толпы никогда не было и быть не могло. «Толпа никогда не стремилась в правде; она отворачивается от очевидности, не нравящейся ей, и предпочитает поклоняться заблуждению, если только заблуждение это прельщает ее. Кто умеет вводить толпу в заблуждение, тот легко становится ее повелителем; кто же стремится образумить ее, тот всегда бывает ее жертвой» [4, с. 148]. При этом, пребывая в иррациональном состоянии и совершая преступление, толпа вовсе не способна к раскаянию, в отличие от преступника-одиночки; в толпе человек утрачивает личную ответственность: «Преступления толпы всегда вызваны каким-нибудь очень могущественным внушением, и индивиды, принявшие участие в совершении этого преступления, убеждены, что они исполнили свой долг» [5, с. 222].

Габриэль Тард в своей работе «Общественное мнение и толпа» выделяет следующие черты толпы: «чудовищная нетерпимость, забавная гордость, болезненная восприимчивость, доводящее до безумия чувство безнаказанности, рожденное иллюзией своего всемогущества, и совершенная утрата чувства меры, зависящая от возбуждения, доведенного до крайности взаимным разжиганием» [6, с. 282]. По причине иррациональности «для толпы нет середины между отвращением и обожанием, между ужасом и энтузиазмом, между криками *да здравствует!* или *смерть!*.. И достаточно мелочи, чтобы обожествление превратилось в вечное проклятие». Жестокость толпы как явления прошлого возвращает человека к обезличенной агрессивности: «Во все времена и во всех странах убивающая или грабящая толпа считает себя судьей, и тот короткий суд, который она учиняет, странно напоминает по мстительному характеру наказаний, по их неслыханной жестокости... правосудие первобытных времен» [Там же. С. 293–294]. Именно поэтому даже самый разумный

революционный план, каким бы гуманным он ни казался, так или иначе несет в себе не столько возможность созидания, сколько опасность деструктивных действий: «Но можно ли назвать хоть один дом, построенный толпой, землю, распаханную и возделанную толпой, какую-либо промышленность, созданную толпой? За несколько тощих деревьев свободы, которые они посадили, сколько выжженных лесов, разграбленных гостиниц, разрушенных дворцов! За одного популярного узника, которого они иногда освобождали, сколько казней по суду Линча, сколько тюрем, взятых приступом... революционными массами с целью избияния узников ненавистных, возбуждающих зависть или страх!» [Там же. С. 287].

Рассматривая социально-психологические основания критического подхода к революции, следует обратить внимание на то, что важную роль в формировании революционных настроений играют интерпретации, определения ситуаций и ожидания, которые могут оказаться не только иррациональными, но и вообще лишенными каких бы то ни было объективных социально-политических или экономических причин. В своей последней работе «Ретротопия» Зигмунт Бауман писал, что революция вызвана «гневом обездоленных и брошенных», но этот гнев порождает «не абстрактный эталон справедливости», а либо «сравнение себя с окружающими людьми, живущими рядом в «реальном времени»» [7, с. 97], либо «растущие ожидания», когда «вчерашнее продвижение вверх по социальной лестнице, если оно прекратилось и не продолжается сегодня, порождает и усиливает обиду тем, что тебя якобы унизили» [Там же. С. 98]. И здесь депривация не столько объективная, сколько субъективная. Этим объясняется, по Бауману, феномен «революций растущих ожиданий». «Недовольство, приводящее в конце концов к протестам и восстаниям, детерминируется вовсе не какой-то абсолютной, «объективной» мерой количества и тяжести переносимых лишений, а отклонением в количестве и интенсивности от привычного их распределения между различными секторами общества – от соотношения, которое воспринимается как нормальное, а потому – легитимное» [Там же. С. 96]. Кроме того, насилие, которое эти революции сопровождает, «губительно привлекает тем, что дает временное избавление от унижительного чувства собственной неполноценности – слабости, бесталанности, никчемности, ничтожества» [Там же. С. 46], что «позволяет завлекать в сети еще больше новобранцев, жаждущих «большого дела» (которое придало бы смысл – конечно же, благородный – их блеклому, вялому, никчемному существованию)» [Там же. С. 48]. В XXI веке чувство унижения и гнева подкрепляется усугубляющейся социальной эксклюзией, и на этом чувстве играют циничные популисты, для которых «гнев обездоленных и брошенных – необычайно богатая руда» [Там же. С. 73].

Обратимся теперь к *методологическим* основаниям критического подхода к революции. В этой связи следует вспомнить идеи Карла Раймунда Поппера, автора работ «Нищета историцизма» и «Открытое общество и его враги». Поппер обращал внимание на то, что существует выбор между двумя способами осуществления социальных изменений – постепенной технологией, или методом осторожных «проб и ошибок» (чего он придерживался сам), и историцистским радикальным холизмом, предполагающим революционный переворот с целью полного отказа от существующего порядка и последующего воплощения в жизнь утопического проекта. Идея постепенной социальной инженерии представлялась Попперу более разумной. Она не предполагает построения идеального общества здесь и сейчас; политик, практикующий постепенную технологию, занимается разработкой методов «для поиска

наиболее тяжелых, нестерпимых социальных бед, чтобы бороться с ними, а не искать величайшее конечное благо, стремясь воплотить его в жизнь» [8, с. 200]. Данный метод, по мнению Поппера и его единомышленников, – единственный способ улучшения положения дел, действительно приводящий к успеху в любое время и в любом месте; и этим он отличается от метода, который «всегда приводил только к подавлению разума насилем и к отказу либо от самого метода, либо от его первоначального замысла» [Там же. С. 201].

Поппер утверждал, что прийти к разумному соглашению относительно способов решения существующих социальных проблем легче, чем определить бесспорное идеальное благо и приемлемые для всех пути его достижения. К тому же проекты, предлагаемые постепенной инженерией, относительно просты и не затрагивают, как правило, всего объема социальных институтов; поэтому, если эти проекты не дают эффекта, то ущерб от них не столь велик, и исправить ошибки не так сложно, как в случае с неудачным холистским планом. Крупномасштабный эксперимент, начинающийся с революционного переворота, диктует утопистам только один способ дальнейшего поведения: оправдываться и доказывать свою правоту. И напротив, попытки экспериментов в случае постепенной технологии могут повторяться множество раз с учетом совершенных ошибок. «Именно так, а не путем утопического планирования или исторических пророчеств сфера политики сможет обогатиться научным методом, так как секрет научного метода состоит всего лишь в готовности учиться на ошибках» [Там же. С. 206].

Далее рассмотрим *этико-аксиологические* основания критического подхода к революции. В данной статье уже упоминалась концепция социологии революции П. Сорокина. П. Штомпка в своей классификации теорий революции отнес эту концепцию к бихевиористским [9, с. 183], однако основания именно критического подхода к революции, которые Сорокин предлагает в своей работе, касаются как социально-онтологического аспекта явления (о чем уже было сказано выше), так и этико-аксиологического. Выступая против «слащавых» концепций революции, Сорокин пишет, что «все революции и постреволюционные периоды, как правило, не только не давали приращения свободы, но чаще сопровождалась ее сокращением», что «каждый революционный период отмечен ростом убийств, садизма, жестокости, зверств и пыток» [2, с. 267] и что «революция есть худший способ улучшения материальных и духовных условий жизни масс» [Там же. С. 270]. Сравнивая революцию с редкой болезнью, Сорокин развеивает романтические иллюзии революционных Дон-Кихотов: «На словах обещается реализация величайших ценностей, на деле же ... достигаются совершенно иные результаты. Революции скорее не социализируют людей, а биологизируют; не увеличивают, а сокращают все базовые свободы; не улучшают, а ухудшают экономическое и культурное положение рабочего класса. Карает же она ... не столько аристократические классы, сколько миллионы беднейших и трудящихся классов, которые в своем пароксизме надеются раз и навсегда революционным путем покончить со своей нищетой» [Там же]. Жертвами революционного взрыва могут оказаться как виновные, так и невинные. Усталость, голод, нужда, пришедшие на смену выброшенной огромной энергии, делают людей вялыми и послушными. «Люди становятся все менее адаптивными к окружающей среде и взаимным отношениям. Их совокупную оценку можно выразить словами: «Дальше так жить невозможно, нужен порядок, порядок любой ценой» и тогда «хвала «освободителям» от старого режима сменяется восхвалением «освободителей» от революции, иными

словами – организаторов порядка» [Там же. С. 293]. Поэтому Сорокин утверждает, что революция с молчаливого согласия усталых измученных масс неизбежно порождает тиранию.

Французская революция XVIII века обосновывалась необходимостью грядущей справедливости, основанной на всеобщем равенстве. Идея равенства стала служить оправданием и для большинства последующих революций. И. А. Ильин опровергал эту идею и утверждал, что равенство принципиально невозможно и что данная ложная установка приводит к революционным катастрофам, которые в конечном счете не приводят ни к какой справедливости. «Нельзя взыскивать со всех одинаково: есть малолетние и невменяемые, с них взыскивается меньше, есть призванные к власти, с них надо взыскивать строже и т. д. ... Справедливость не может требовать одинакового обхождения с неодинаковыми людьми; напротив, она требует неравенства для неравных, но такого неравенства, которое соответствовало бы действительному неравенству людей ... Она требует предметно-обоснованного неравенства ... В основе ее лежит внимание к человеческой индивидуальности и жизненным различиям» [10, с. 317]. Детей важно беречь, героев чествовать, с одаренных – спрашивать по их способностям, честным доверять, к усталому – относиться снисходительно. Тем более нелепо выглядят, с точки зрения Ильина, попытки установить равенство путем революции, так как «она слепа, она разрушительна» и «дышит ненавистью и мстью» [Там же. С. 318].

Революция, как утверждал Э. Гидденс, всегда предполагает насилие со стороны участников массового движения и является «наиболее драматичным и имеющим серьезные последствия примером нетрадиционного политического действия» [3, с. 386]. «Насильственным коллективным действием» назвал революцию и известный теоретик революции Чарльз Тилли [11].

«Революции, особенно успешные, – пишет П. Штомпка, – создают героические мифы; их достижения преувеличиваются, а потери игнорируются. Но потом эйфория проходит, становятся очевидными побочные негативные последствия, «эффекты бумеранга», человеческие жертвы» [9, с. 206]. Революция радикальна; и те, кто к ней призывает, верят в ее необходимость и неизбежно следуют этике жертв, когда «прогресс общества осуществляется, согласно неумолимым законам, ценою свободы и счастья индивидов и групп индивидов» [12, с. 174]. Карл Поппер, считавший революцию проявлением радикального холизма и следствием веры в существование законов исторической неизбежности, утверждал, что крупномасштабные эксперименты во имя ожидаемого светлого будущего предполагают сопротивление и, следовательно, подавление или даже истребление тех, кто таким экспериментам сопротивляется. Свою книгу «Нищета историцизма» он посвятил «памяти бесчисленных жертв... веры в неумолимые законы исторической неизбежности» [13, с. 49]. То есть речь идет о создании идеального общества для потомков ценой жизни живущих ныне.

В глобальном мире «на нашу жизнь оказывают влияние люди, которых мы никогда не видели и с которыми не знакомы, люди, которые, возможно, живут на другом конце земли от нас» [3, с. 585]. С развитием социальной рефлексивности, о которой говорит Э. Гидденс и которая отличает современное общество, революции становятся управляемыми и могут не назреть естественно в самом обществе, а быть искусственно организованными извне в целях дестабилизации [14]. Но эта же

самая рефлексивность позволяет распознать это внешнее влияние и по возможности предотвратить его.

Ссылки / References

1. Спенсер Г. Социальная статика. Пер. с англ. Киев: Гама-Принт, 2013. 496 с.
2. Сорокин П. Социология революции // Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов; пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 266–294.
3. Гидденс Э. Социология. Пер. с англ. Изд. 2-е. М.: Едиториал, УПСС, 2005. 632 с.
4. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995. 311 с.
5. Лебон Г. Психология толп // Психология толп. М.: Институт психологии РАН, КСП+, 1998. С. 13–254.
6. Тард Г. Мнение и толпа // Психология толп. М.: Институт психологии РАН, КСП+, 1998. С. 255–412.
7. Бауман З. Ретротопия. М.: ВЦИОМ, 2019. 160 с.
8. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. Том 1: Чары Платона / пер. с англ.; под ред. В. Н. Садовского. М.: Феникс, 1992. 448 с.
9. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Директ-Медиа, 2007. 828 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=26598> (дата обращения: 20.01.2020).
10. Ильин И. А. Поющее сердце // Ильин И. А. Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Медиум, 1994. С. 305–374.
11. Тилли Ч. От мобилизации к революции / пер. с англ. Д. Карасева; под науч. ред. С. Моисеева. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2019. 432 с.
12. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М., 1992. 576 с.
13. Поппер К. Р. Нищета историцизма / пер. с англ. С. А. Кудриной // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 49–79.
14. Что надо знать о «цветных революциях» / под общ. ред. А. Б. Ананченко. М.: Московский педагогический государственный университет, 2016. 135 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=469557> (дата обращения: 24.01.2020).

Solidarity of generations in everyday life through the eyes of youth

L. G. Lebedeva¹

¹Samara State University of Economics, 141 Sovetskoi Armii Street, Samara 443090, Russian Federation

DOI: [10.18255/2412-6519-2020-1-54-65](https://doi.org/10.18255/2412-6519-2020-1-54-65)

Research Article
Full text in Russian

Solidarity refers not only to the socio-political sphere, but also to the sphere of intra-family relations. Solidarity and support of generations in everyday life is one of the natural traditions of inter-generational and intra-generational relationships. Solidarity is a structure of behavior inherited by individuals, fixed in the natural-historical process of succession of generations. The purpose of the article is to analyze the problems and trends in traditional relations of intra-family solidarity and mutual assistance of generations in everyday life. Sociological materials show that the modern young generation is, for the most part, completely or mostly independent in financial and economic terms. There is a noticeable trend that today's youth are noticeably less helpful in everyday life to older generations than older generations are helping young people. On the one hand, young people are largely separated from the parental family, become independent, less and less help parents in everyday life. On the other hand, a large part of parents finds themselves in a more difficult financial and economic situation and do not have real opportunities to help their children. It is necessary to recognize the paramount importance of the care of society and the state, especially in relation to two social groups - students and older people experiencing financial difficulties and in need of daily assistance. The manifestation of care on the part of society and the state, systematic targeted support for the most financially vulnerable groups of the population in its own way will support the modern meanings of traditional relations of solidarity and mutual assistance of generations in everyday life.

Keywords: solidarity; social solidarity; generations; parents; children; family help; youth

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Lebedeva Ludmila G. | E-mail: ludleb@mail.ru
Master of pedagogical Sciences, Senior Lecturer of the Department
of sociology and psychology

For citation: Lebedeva L. G. Solidarity of generations in everyday life through the eyes of youth // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2020. Vol. 6, No 1. P. 54–65. (in Russ.)

Солидарность поколений в повседневности глазами молодёжи

Л. Г. Лебедева¹

¹Самарский государственный экономический университет, ул. Советской Армии, 141, Самара, 443090, Российская Федерация

DOI: [10.18255/2412-6519-2020-1-54-65](https://doi.org/10.18255/2412-6519-2020-1-54-65)
УДК 316.3/4

Научная статья
Полный текст на русском языке

Солидарность относится не только к социально-политической сфере, но также и к сфере внутрисемейных взаимоотношений. Солидарность и поддержка поколений в повседневности является одной из естественных традиций межпоколенческих и внутрисемейных взаимоотношений. Солидарность является структурой поведения, наследуемой индивидуумами, закрепляемой в естественноисторическом процессе преемственности поколений. Целью статьи является анализ проблем и тенденций развития традиционных отношений внутрисемейной солидарности и взаимопомощи поколений в повседневной жизни. Социологические материалы показывают, что современное молодое поколение полностью или в основном независимо в финансово-экономическом плане. Существует тенденция, что сегодняшняя молодёжь меньше помогает в повседневной жизни старшим поколениям, чем старшие поколения помогают молодёжи. С одной стороны, молодые люди в значительной степени отделяются от родительской семьи, становятся самостоятельными, все меньше помогают родителям в повседневной жизни. С другой стороны, значительная часть родителей оказывается в более тяжелом финансово-экономическом положении и не имеет реальных возможностей помочь своим детям. Следует признать первоначально важной заботу общества и государства прежде всего в отношении двух социальных групп: учащейся молодёжи, студентов и людей старшего возраста, испытывающих материальные трудности и нуждающихся в повседневной помощи. Проявление со стороны общества и государства заботы, систематической целевой поддержки наиболее уязвимых в материальном отношении групп населения по-своему поддержит современные смыслы традиционных отношений солидарности и взаимопомощи поколений в повседневной жизни.

Ключевые слова: солидарность; социальная солидарность; поколения; родители; дети; помощь в семье; молодёжь

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лебедева Людмила Геннадьевна | Email: ludleb@mail.ru
Старший преподаватель кафедры социологии и психологии

Для цитирования: Лебедева Л. Г. Солидарность поколений в повседневности глазами молодёжи // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Том 6, № 1. С. 54–65.

Введение

Солидарность (социальная солидарность) как понятие включает в себя, в частности, такие существенные атрибуты (атрибутивные свойства), как взаимопомощь и поддержку, совместную ответственность; в основе солидарности – общность интересов индивидов и групп [1, с. 683–684].

Благодаря солидарности обеспечивается социальная интеграция («консенсус» по О. Конту). При этом в основе «консенсуса» лежат социальные чувства определённого типа – альтруистические чувства (противоположные эгоистическим чувствам, разъединяющим людей). В социологическом учении Огюста Конта семья выступает социальным институтом, которому присущ определённый «консенсус» [по: 2, с. 76–77].

Можно сказать, что «солидарность» и «консенсус» являются двумя сторонами одной «медали». На практике они проявляются в виде коллективизма (чему противоположен индивидуализм, основанный на эгоистических чувствах и интересах) – проявляются в заботе о коллективных интересах и в коллективных действиях.

В то же время рост отчуждения, индивидуализма и взаимного равнодушия грозит социальной дезинтеграцией. На это обращают внимание учёные в разных странах.

Например, Роберт Д. Патнэм (Robert D. Putnam) в своей книге «Боулинг в одиночестве. Крах и возрождение американского сообщества» отметил, что функциональные сообщества разрушаются, потому что как церковь, так и семья потеряли силу и сплоченность [3, р. 303].

Зигмунд Бауман (английский учёный польского происхождения) проблеме индивидуализации и индивидуализированного общества посвятил специальную книгу «Индивидуализированное общество», где, в частности, подчеркнул, что «индивидуализация пришла надолго» [4, с. 63].

По оценке З. Баумана, в индивидуализированном обществе как итоге процесса индивидуализации (а также одновременно и процесса глобализации) нация и семья перестали олицетворять вечно продолжающуюся длительность [Там же. С. 308]. В этих условиях для человека теряет значение устойчивость любых межличностных отношений, снижается значение семейных традиций и ценностей [Там же. С. 309], соответственно, разрушается преемственность поколений.

Для более глубокого понимания многих процессов в России определённое значение имеет изучение опыта Китая. Дело в том, что многое в российском обществе корнями уходит в советское (не такое уж давнее) прошлое («коммунистическое»), что так или иначе роднит его (российское общество) с китайским («коммунистическим») обществом. В этом отношении примечательно, что в Китае заметное место в общественной мысли занимают сегодня идеи «неофамилизма» и «индивидуализации по-китайски». При этом признаётся важность гармоничного сочетания самореализации личности и интересов семьи и непреходящая значимость межпоколенных связей в семье [5, с. 66].

Как показывают различные исследования, в сознании и поведении российской молодёжи всё более заметны проявления индивидуалистических ценностей [6, с. 124]. Речь ведётся и об ослаблении ценностей традиционной семьи.

Но так ли однозначно проявляют себя указанные тенденции применительно к повседневной жизни семьи, в особенности применительно к помощи младших и

старших поколений друг другу? В частности, не вытесняют ли индивидуалистические ценности солидарность и поддержку поколений в повседневности?

Солидарность чаще рассматривается и анализируется в политическом аспекте (солидарность классовая, этно-национальная и т. п.). На самом деле это более широкое понятие, охватывающее и сферу внутрисемейных – внутрисемейных и межпоколенческих – взаимоотношений.

В отношении солидарности важно учитывать, что по-своему важны и макросоциальная солидарность, и микросоциальная солидарность (как два уровня социальной солидарности). Но при этом они не равнозначны: микросоциальная солидарность может существовать без солидарности на макроуровне, а макросоциальная солидарность не может существовать без солидарности на микроуровне (как целое не может существовать без согласования частей) [7, с. 7]. В то же время, когда в обществе представлены оба уровня социальной солидарности, то можно говорить о «непротиворечивости социальной солидарности», «о согласованной, или консистентной солидарности»; благодаря взаимодополнению и балансу обоих уровней социальной солидарности общество приобретает устойчивость и жизнеспособность [Там же. С. 8]. Данное положение можно считать одним из методологических обоснований важности изучения проблем солидарности и поддержки поколений в повседневности (на микроуровне).

Та или иная помощь родителям (бабушкам/дедушкам) или детям в повседневной жизни (работа по дому, приобретение продуктов и товаров для дома) является важной формой взаимодействия людей разных поколений, а вместе с этим и определённым показателем положительного, отрицательного или равнодушного отношения между ними.

Солидарность и поддержка поколений в повседневности являются одной из естественных традиций межпоколенческих и внутрисемейных взаимоотношений, «культурным кодом» (используя определение Клода-Леви Стросса [см.: 8, с. 495]). Солидарность является структурой поведения, наследуемой индивидуумами, закрепляемой и наследуемой в естественноисторическом процессе преемственности поколений, – определённой «культурной универсалией», по определению Маргарет Мид [9, с. 339–340].

По образному сравнению американского социолога Джеффри Александера, солидарность и поддержка поколений в повседневности можно также назвать «символическими элементами, которые находятся по сакральную сторону разделительной линии» [8, с. 349]. Вопрос, однако, в том, не уменьшается ли та часть отдельных людей, групп и общества в целом, которая остаётся именно на «сакральной» (традиционной) стороне от разделительной линии, в такой степени, что пропорция начинает «перевёртываться» в пользу каких-то других, модернистских или постмодернистских (нетрадиционных) ценностей в повседневности, далёких от ценностей солидарности и поддержки поколений?

В целом не отменяют ли (не замещают ли) индивидуалистические ценности солидарность поколений во внутрисемейных отношениях?

Методы

В какой мере существует помощь младших и старших поколений друг другу и насколько она взаимна? Для ответа на данный вопрос используем прежде всего данные двух социологических опросов:

- «Молодежь Самарской области 2018» – опрос проведён под научным руководством В. Б. Звоновского, доктора социологических наук, президента ООО «Фонд социальных исследований» [10] в июне 2018 г. Опросом (интервью) было охвачено 1200 респондентов в возрасте от 14 до 60 лет, в том числе 600 респондентов в возрасте 14–30 лет. Часть материалов данного опроса отражена в монографии «Молодёжь. Смена поколений 2003–2018» [11].

- «"Отцы и дети": конфликт и сотрудничество, преемственность поколений 2018» – опрос организован и проведён под руководством Л. Г. Лебедевой в 2018 г. Анкетный опрос проводился в Самарской области. Опрошено 438 респондентов, представляющих разные поколенческие (возрастные) группы в возрасте от 18 лет и старше.

Результаты

Сравним социологические данные о помощи в повседневной жизни со стороны старших поколений младшим и, наоборот, со стороны младших поколений (детей) старшим поколениям – родителям (бабушкам/дедушкам).

Проблеме помощи разных поколений друг другу в опросе «Молодежь Самарской области 2018» были посвящены, в частности, вопросы:

- «Оказывают ли Вам родители помощь в повседневной жизни работой по дому, приобретением продуктов и товаров для дома. Если оказывают, то как часто?»;

- «Оказываете ли Вы помощь своим родителям (бабушкам/дедушкам) в повседневной жизни работой по дому, приготовлением пищи, приобретением продуктов и товаров для дома. Если оказываете, то как часто?».

В связи с поставленной проблемой проанализируем ответы респондентов младшей (14–30 лет) возрастно-поколенческой группы на два указанных вопроса (таблица 1).

Совпадают доли ответов «Помогаю(т) ежедневно или практически ежедневно» по вопросу «Оказывают ли Вам родители помощь ...?» (39,4 %) и по вопросу «Оказываете ли Вы помощь своим родителям ...?» (39,0 %).

И почти совпадают также доли ответов «Помогаю(т) не чаще раза в месяц» и «Помогаю(т) не чаще одного-двух раз в год», которые в сумме составляют 23,1 % по вопросу «Оказывают ли Вам родители помощь ...?» и 26,6 % по вопросу «Оказываете ли Вы помощь своим родителям ...?».

Такие совпадения по-своему показывают взаимный характер помощи родителей детям и детей родителям.

Но есть и определённые отличия в ответах на два противоположных по характеру вопроса.

Так, на вопрос «Оказывают ли Вам родители помощь ...?» более или менее регулярную помощь признали чуть менее половины (49,6 %) респондентов младшей возрастной группы, а на вопрос «Оказываете ли Вы помощь своим родителям ...?» положительно ответили почти две трети (61,9 %) респондентов этой же возрастной группы.

Распределение ответов на вопросы об оказании друг другу представителями разных поколений помощи в повседневной жизни, процент от числа респондентов (n)¹

Ответ	«Оказывают ли Вам родители помощь ...?»		«Оказываете ли Вы помощь своим родителям ...?»	
	14–30 лет		14–30 лет	
	n=600		n=600	
Не помогает(ют)	25,3	25,3	9,1	9,1
Помогаю(т) не чаще одного-двух раз в год	4,8	23,1	5,4	26,6
Помогаю(т) не чаще раза в месяц	18,3		21,2	
Помогаю(т) не чаще раза в неделю	10,2	49,6	22,9	61,9
Помогаю(т) ежедневно или практически ежедневно	39,4		39,0	
Трудно сказать	2,0	2,0	2,4	2,4
Итого	100	100	100	100

В то же время весьма заметная доля респондентов (25,3 %) признала, что родители им «Не помогают». В свою очередь лишь 9,1 % респондентов отметили, что они не помогают своим родителям в повседневной жизни.

Эти отличия можно объяснить двумя основными причинами. С одной стороны, молодёжь в значительной мере отрывается от родительской семьи, становится самостоятельной и всё меньше оказывает помощь родителям в повседневной жизни. С другой стороны, значительная часть родителей оказывается в более сложной материально-финансовой ситуации и не имеет реальных возможностей помочь своим детям.

Поскольку (см. таблицу 1) четвертая часть (25,3 %) в младшей возрастной группе отмечает отсутствие помощи в повседневной жизни со стороны родителей, а ещё почти четвертая часть (23,1 %) получает помощь от родителей лишь изредка («не чаще одного-двух раз в год» или «не чаще раза в месяц»), то можно сделать вывод, что современное младшее поколение в значительной массе своей оказывается весьма самостоятельным в материальном отношении.

Но некоторая, тоже значительная, часть молодёжи (49,6 %) всё-таки получает часто и регулярно, в том числе и ежедневно, помощь в повседневной жизни от родителей. С какими факторами в основном можно связать такую ситуацию?

Прежде всего, обратим внимание на влияние таких факторов, как получение образования молодёжью и материальный уровень жизни молодёжи.

Как влияет статус учащегося или студента на получение молодёжью помощи в повседневной жизни со стороны старших поколений? (таблица 2).

¹ Источник: материалы опроса «Молодежь Самарской области 2018».

Распределение ответов на вопрос: «Оказывают ли Вам родители помощь в повседневной жизни работой по дому, приобретении продуктов и товаров для дома. Если оказывают, то как часто?» – в зависимости от статуса учащегося, студента, процент от числа респондентов (n)¹

Ответ	14–30 лет, уровень получаемого образования		
	Учащийся средней школы, лицея, ПТУ	Студент колледжа, техникума	Студент вуза
	n=38	n=40	n=50
Не помогает(ют)	2,6	2,5	7,9
Помогаю(т) не чаще одного-двух раз в год	0,0	2,5	0,0
Помогаю(т) не чаще раза в месяц	0,0	7,5	8,4
Помогаю(т) не чаще раза в неделю	0,0	7,8	11,5
Помогаю(т) ежедневно или практически ежедневно	97,4	79,7	70,2
Трудно сказать	0,0	0,0	2,0
Итого	100	100	100

Помощь со стороны родителей (в повседневной жизни работой по дому, приобретением продуктов и товаров для дома) необходима большинству (более 70 %) детей, особенно студентов, в период их учёбы.

Получение помощи от родителей отмечают 97,4 % респондентов – учащихся средней школы, лицея, ПТУ.

Доля получающих помощь со стороны родителей заметно меньше среди студентов колледжа, техникума (79,7 %) и студентов вуза (70,2 %). Но в целом речь идёт о подавляющем большинстве студентов.

Можно предполагать, что заметная часть студентов (20–30 %) в той или иной степени подрабатывает и тем самым снижает общую необходимость в получении помощи от своих родителей (либо потому и подрабатывает, что не получает помощи от родителей). Именно об этом свидетельствуют многие другие исследования, опросы. Но и в этом случае речь, видимо, не идёт о полном отсутствии той или иной помощи от родителей – помощь оказывается не ежедневно, а «не чаще раза в неделю» или «не чаще раза в месяц».

Лишь примерно каждый двенадцатый (7,9 %) из студентов вуза не получает от родителей помощи в повседневной жизни работой по дому, приобретением продуктов и товаров для дома.

Как влияет материальный уровень жизни молодёжи на оказание с её стороны помощи в повседневной жизни представителям старших поколений? (таблица 3).

¹ Источник: материалы опроса «Молодежь Самарской области 2018».

Распределение ответов на вопрос об оказании помощи своим родителям (бабушкам/дедушкам) в повседневной жизни по группам респондентов с разным материальным уровнем жизни, процент от числа респондентов (n)¹

Ответ	14–30 лет, ответ на вопрос: «А в целом Вы живете сейчас лучше, хуже или примерно так же, как и большинство окружающих Вас людей?»					
	Хуже		Примерно так же		Лучше	
	n=56		n=459		n=86	
Не помогает(ют)	19,5	24,6	9,5	14,8	0,0	6,3
Помогаю(т) не чаще одного-двух раз в год	5,1		5,3		6,3	
Помогаю(т) не чаще раза в месяц	19,8	19,8	20,4	20,4	26,0	26,0
Помогаю(т) не чаще раза в неделю	19,9	50,3	21,8	62,3	31,1	67,7
Помогаю(т) ежедневно или практически ежедневно	30,4		40,5		36,6	
Трудно сказать	5,3	5,3	2,5	2,5	0,0	0,0
Итого	100	100	100	100	100	100

Те, у кого материальный уровень жизни выше (лучше, чем у большинства окружающих людей), помогают своим родителям (бабушкам/дедушкам) в повседневной жизни (работой по дому, приготовлением пищи, приобретением продуктов и товаров для дома) чаще, чем те, у кого материальный уровень жизни ниже (хуже, чем у большинства окружающих людей).

Так, доля тех, кто помогает часто и регулярно («ежедневно или практически ежедневно» и «не чаще раза в неделю»), составляет чуть более двух третей (67,7 %) среди тех, у кого положение лучше, и чуть более половины (50,3 %) среди тех, у кого положение хуже.

Одновременно доля тех, кто не помогает вообще или помогает не часто («не чаще одного-двух раз в год»), составляет одну шестнадцатую часть (6,3 %) среди тех, у кого положение лучше, и около одной четверти (24,6 %) среди тех, у кого положение хуже.

При этом у тех, чей материальный уровень жизни примерно такой же, как у большинства окружающих людей, показатели оказываются средними между крайними группами респондентов – живущими хуже или лучше, чем большинство окружающих людей.

Таким образом, наглядно прослеживается связь между тем, каков материальный уровень жизни респондентов (соответственно, каковы их материальные возможности), и тем, как часто и регулярно они оказывают помощь своим родителям (бабушкам/дедушкам) в повседневной жизни.

При этом следует учитывать и такой момент, что в случаях более благополучного материального положения всей семьи родители (бабушки/дедушки) могут

¹ Источник: материалы опроса «Молодежь Самарской области 2018».

в меньшей степени нуждаться в помощи в повседневной жизни от своих ближайших родственников, имея в виду возможность получения помощи от сервисных организаций на платной основе. В подобных случаях, видимо, нельзя считать, что ближайшие родственники (прежде всего дети, внуки) отказываются помогать в повседневной жизни своим родителям, бабушкам/дедушкам; помощь может оказываться (при необходимости), но в других формах – через сервисные организации (благодаря наличию определённых материальных возможностей семьи).

В случаях более или менее благополучного материального положения всей семьи качество повседневной жизни может не пострадать, поскольку вместо помощи ближайших родственников может быть помощь от сервисных организаций со специализированными профессиональными компетенциями.

В случаях плохого материального положения семьи речь идёт, как правило, об ухудшении качества повседневной жизни родителей (бабушек/дедушек) из-за отсутствия помощи им (работой по дому, приготовлением пищи, приобретением продуктов и товаров для дома) от ближайших родственников. Семьям с плохим материальным положением необходимы повышенное внимание и активное участие социальных служб в решении проблем людей, нуждающихся в повседневной помощи.

В целом социологические данные позволяют говорить о том, что современная молодёжь (по признанию респондентов – представителей самой молодёжи) в заметной степени меньше оказывает помощь в повседневной жизни старшим поколениям, чем сама молодёжь получает со стороны старших поколений.

Обсуждение

В исследовании, представленном в статье И. В. Поповой, была подвергнута проверке гипотеза: «В силу ослабления потенциала социальной консолидации местное сообщество представляет собой расколотое социальное пространство. Состояние социальных сетей как на микро-, так и на макроуровне не позволяет надеяться на их трансформацию в гражданские инициативы. Разрушение социальной консолидации по перечисленным причинам является основанием системного кризиса социальной солидарности» [12, с. 243]. По оценке И. В. Поповой, данная гипотеза получила своё подтверждение в исследовании [Там же. С. 254]. Не оспаривая данные утверждения применительно к упомянутому исследованию в рамках его объекта и предмета, всё же следует сделать ряд комментариев.

Так, в исследовании задавался вопрос: «Как часто Вы ощущаете близость, единение, солидарность с перечисленными ниже группами людей, с теми, к которым вы себя причисляете?». По мнению исследователей, самый высокий уровень консолидации в группах по возрасту и по мировоззрению доказывает предположение о том, что «в основе социальной консолидации прежде всего лежит единая ценностная система, которая формируется в силу одинаковых условий социализации» [Там же. С. 251]. Лидерами стали ответы: «С людьми своего поколения, возраста», «С теми, кто разделяет ваши взгляды на жизнь», «С теми, кто за справедливость». [Там же. С. 252]. Но в числе 14 предложенных исследователями вариантов ответов не было дано таких, которые прямо связаны с солидарностью/консолидацией членов семьи и представителей старшего и младшего поколений. Поэтому нельзя признать сделанные выводы достаточно полными, «всеобъемлющими». Однако, несомненно, что эти выводы в достаточной мере можно применять к сфере социально-политических отношений в социуме.

Зарубежные исследователи Рональд Инглхарт и Кристиан Вельцель, основываясь на анализе массива данных по 80 странам, делают вывод о том, что в современном обществе происходят масштабные культурные изменения, отражающие процесс межпоколенческого изменения ценностей, связанный с индустриализацией и формированием постиндустриального общества [13, с. 145].

Однако, по критическому замечанию И. Г. Кузнецова, происходящий «дрейф ценностей» – это процесс замещения не самих ценностей, а смыслов, сопряженных с одними и теми же ценностями [14, с. 48]. Это подтверждают и приводимые нами социологические данные. Подавляющее большинство респондентов в возрасте 14–30 лет проявляет склонность придерживаться традиционных правил солидарности и взаимопомощи поколений в повседневной жизни.

Однако формирование постиндустриального общества действительно оказывает влияние на утверждение новых смыслов, сопряженных с прежними ценностями (в данном случае – с ценностями солидарности, взаимопомощи и поддержки в семье). Более того, определённые сложности и трудности в обществе (например, связанные с социальной трансформацией и экономическим кризисом) и новые социальные условия, связанные с особенностями мобильности и расселения современного населения, также оказывают своё влияние.

В частности, нельзя не заметить определённого отрицательного влияния фактора материального неблагополучия (материальных трудностей, ограниченных материальных возможностей заметной части семей), снижающего реальные возможности для практического оказания своим ближайшим родственникам помощи в повседневной жизни (работой по дому, приготовлением пищи, приобретением продуктов и товаров для дома).

О серьёзности материально-финансовых проблем для значительной доли россиян свидетельствуют ответы респондентов, представленные в таблице 4.

Таблица 4

Распределение лидирующих ответов на вопрос: «Как Вы думаете, в какой степени Вы, ваши друзья и вообще люди вашего поколения в жизни сталкиваются со следующими проблемами?», процент от числа респондентов (n) по возрастно-поколенческим группам¹

Варианты ответа (проблемы)	14–30 лет		31–45 лет		46–60 лет	
	n=600		n=300		n=300	
	%	Место	%	Место	%	Место
Получение перспективной, хорошо оплачиваемой работы	64,7	1	64,0	1	50,7	2
Ограниченные финансовые возможности	47,6	2	57,9	2	60,1	1
Получение любой работы	24,9	4	29,2	4	26,5	3
Отсутствие мест, где можно интересно проводить досуг	27,8	3	31,8	3	17,5	4

¹ Источник: материалы опроса «Молодежь Самарской области 2018».

То есть первостепенными проблемами для представителей всех возрастно-поколенческих групп в настоящий период являются «Получение перспективной, хорошо оплачиваемой работы» (а для кого-то и «Получение любой работы») и «Ограниченные финансовые возможности». При этом «Ограниченные финансовые возможности» могут быть связаны не только с небольшим доходом или низкой заработной платой, но и с недостаточными социальными пособиями, стипендиями.

Взаимная материальная поддержка членов семьи является одной из традиционных функций семьи. В то же время семья всё чаще становится нуклеарной, а члены семьи стремятся к большей самостоятельности и материальной независимости.

В какой мере важна поддержка со стороны родственников, по мнению респондентов? (таблица 5).

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Какое утверждение ближе к Вашей жизненной ситуации?», процент от числа респондентов (n)¹

Ответы	Всего	Группы по возрасту (числу лет)			
		18–29	30–44	45–49	50 и старше
	N=438	n=112	n=105	n=97	n=124
Могу сам(а) обеспечить себя и не нуждаюсь в поддержке со стороны родственников	38,1	22,3	40,0	48,4	42,7
Без поддержки со стороны родственников мне не выжить	22,8	37,5	13,3	18,6	21,0
Помощь родственников нужна лишь иногда и в небольшой мере	39,1	40,2	46,7	33,0	36,3
Итого	100	100	100	100	100

Ответы «Могу сам(а) обеспечить себя и не нуждаюсь в поддержке со стороны родственников» и «Помощь родственников нужна лишь иногда и в небольшой мере» получили по всей выборке практически одинаковые доли голосов (почти по 40 %). Ответ «Без поддержки со стороны родственников мне не выжить» получил чуть более одной пятой части голосов (22,8 %).

Таким образом, общий баланс голосов респондентов склонился в пользу важности поддержки, помощи в той или иной мере со стороны родственников. При этом о наименьшей способности обеспечить себя и обойтись без поддержки со стороны родственников заявили представители самой младшей группы (22,3 %). Среди представителей старших поколений таковых две пятых и более (от 40,0 % до 48,4 %). Но и в этих группах более половины признают важность поддержки, помощи со стороны родственников в той или иной мере.

В связи с приведёнными социологическими фактами следует признать первоначально важной заботу общества и государства прежде всего в отношении двух социальных групп – учащейся молодёжи, студентов и людей старшего возраста, испытывающих материальные трудности и нуждающихся в повседневной помощи.

¹ Источник: материалы опроса «"Отцы и дети": конфликт и сотрудничество, преемственность поколений 2018».

Проявление со стороны общества и государства заботы, систематической целевой поддержки наиболее уязвимых в материальном отношении групп населения по своему поддержит современные смыслы традиционных правил и отношений солидарности и взаимопомощи поколений в повседневной жизни.

Ссылки / References

1. Энциклопедический социологический словарь / под общ. ред. Г. В. Осипова. М.: РАН ИСПИ, 1995. 939 с.
2. История теоретической социологии. Социология XIX века (Профессионализация социально-научного знания) / Ю. Н. Давыдов (рук.) и др. М.: ИЧП «Изд-во Магистр», 1998. 448 с.
3. Putnam R. D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster, 2000. 541 p.
4. Бауман З. *Индивидуализированное общество* / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. 390 с.
5. Клупт М. А. Семья в России и Китае: между реформами и традицией // Социологические исследования. 2019. № 5. С. 65–75. DOI: 10.31857/S013216250004957-5
6. Лебедева Л. Г. «Смыслы жизни» в динамике преемственности поколений // Вестник Самарского муниципального института управления. 2018. № 2. С. 119–124.
7. Кармадонов О. А. Солидарность, интеграция, конъюнкция // Социологические исследования. 2015. № 2. С. 3–12.
8. Александер Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология / пер. с англ. Г. К. Ольховикова; под ред. Д. Ю. Куракина. М.: Изд. и консалтинговая группа «Праксис», 2013. 640 с.
9. Мид М. Культура и преемственность. Исследование конфликта между поколениями // Мид М. Культура и мир детства. М., 1983. С. 322–361.
10. Фонд социальных исследований (Самарский областной фонд социальных исследований): сайт. URL: <http://socio-fond.com/>; https://vk.com/socio_fond
11. Молодёжь. Смена поколений 2003–2018 гг. Результаты социологического мониторинга молодежи Самарской области / под науч. ред. В. Б. Звоновского. Самара, 2019. 170 с.
12. Попова И. В. Ослабление консолидационного потенциала социума как фактор системного кризиса социальной солидарности // Социальные и гуманитарные знания. 2018. Том 4. № 4. С. 242–254.
13. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
14. Кузнецов И. Г. Ценностные ориентиры и социально-политические установки россиян // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 47–55.

Influence of the level of socio-economic development of regions on demographic and migration processes

A. E. Chistyakov¹, A. V. Shustov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: [10.18255/2412-6519-2020-1-66-81](https://doi.org/10.18255/2412-6519-2020-1-66-81)

Research Article
Full text in Russian

The article deals with the problem of the influence of the level of socio-economic development of Russian regions on demographic and migration processes. The relationship between economic indicators, the total population growth in the regions and its components—natural and migration growth during 2000-2017 are analyzed. The authors reveals the relationship between the dynamics of the gross regional product (GRP) and the population of the regions, as well as the factors that determine these processes.

For the purposes of the study, a sample of “typical” regions was formed. In the process of its formation, national autonomies and remote territories with a more severe climate were excluded from the total number of subjects of the Russian Federation, where the development of demographic and migration processes may be determined by “atypical” factors for other regions of the Russian Federation (national-cultural, climatic, etc.).

The article analyzes the causes of internal migration and features of socio-demographic development of subjects of the Russian Federation. The role of the Moscow region as an object of migration attraction is investigated, and the factors that deter and stimulate internal migration are considered. The official data of the Federal state statistics service for 2000-2017 were used as an information base for the study.

Keywords: migration; population; regions; GRP; natural growth; social and economic development

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Chistyakov Alexander E. | E-mail: alex-ch7@mail.ru
(correspondence author) | Candidate of Sciences in Economics

Shustov Alexander V. | E-mail: a.v.shustov@yandex.ru
| Candidate of Sciences in History

For citation: Chistyakov A. E., Shustov A. V. Influence of the level of socio-economic development of regions on demographic and migration processes // *Social'nye i gumanitarnye znaniya*. 2020. Vol. 6, No 1. P. 66–81. (in Russ.)

Влияние уровня социально-экономического развития регионов на демографические и миграционные процессы

А. Е. Чистяков¹, А. В. Шустов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: [10.18255/2412-6519-2020-1-66-81](https://doi.org/10.18255/2412-6519-2020-1-66-81)
УДК 314

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматривается проблема влияния уровня социально-экономического развития регионов РФ на демографические и миграционные процессы, протекающие на их территории. С этой целью анализируется взаимосвязь экономических показателей, общего прироста населения регионов и его компонентов – естественного и миграционного прироста – на протяжении 2000–2017 гг. Выявляются зависимости между динамикой валового регионального продукта (ВРП) и численностью населения регионов, а также определяющие эти процессы факторы.

Для целей исследования была сформирована выборка «типичных» регионов. В процессе ее формирования из общего числа субъектов РФ были исключены национальные автономии и отдаленные территории с более суровым климатом, где развитие демографических и миграционных процессов может определяться «нетипичными» для других регионов РФ (национально-культурными, климатическими и т. п.) факторами.

Анализируются причины внутренней миграции и особенности социально-демографического развития отдельных субъектов РФ. Исследуется роль московского региона (Москва и Московская область) в качестве объекта миграционного притяжения, рассматриваются сдерживающие и стимулирующие внутреннюю миграцию факторы. В качестве информационной базы исследования использованы официальные данные Федеральной службы государственной статистики за 2000–2017 гг.

Ключевые слова: миграция; население; регионы; ВРП; естественный прирост; социально-экономическое развитие

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Чистяков Александр Евгеньевич (автор для корреспонденции)	E-mail: alex-ch7@mail.ru Кандидат экономических наук, доцент кафедры социологии
---	--

Шустов Александр Владимирович	E-mail: a.v.shustov@yandex.ru Кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии
----------------------------------	--

Для цитирования: Чистяков А. Е., Шустов А. В. Влияние уровня социально-экономического развития регионов на демографические и миграционные процессы // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Том 6, № 1. С. 66–81.

Введение

Демографическое развитие регионов относится к числу ключевых проблем, с которыми пришлось столкнуться современной России. Неравномерное распределение населения по территории страны, западный «дрейф» миграций и их ориентация на несколько крупных агломераций, угроза обезлюживания удаленных от центра регионов Сибири, Дальнего Востока и других приграничных областей, усугубляемые суровым климатом, разницей в уровне доходов и качестве жизни, сделали демографическое развитие территорий крайне актуальной научной, общественно-политической и практической проблемой, которая находится в зоне пересечения интересов демографии, социологии и экономики и других общественных наук.

Вопрос о том, насколько уровень социально-экономического развития влияет на демографические и миграционные процессы, определяющие изменение численности населения, относится к числу ключевых проблем социологии и демографии. Между тем ставится он, как правило, в разрезе уровня жизни семей и их способности (и желания) прокормить определенное число детей. Влияние макроэкономических показателей на динамику численности населения рассматривается гораздо реже, поскольку их роль, по-видимому, считается более абстрактной и опосредованной, чем доходы домохозяйств. Однако доходы эти формируются прежде всего именно под влиянием макроэкономических показателей и общего уровня социально-экономического развития региона.

Исследование влияния экономических показателей на динамику численности населения регионов РФ, включая ее ключевые факторы – естественный и миграционный прирост, – и является целью данной статьи.

Исследования проблемы

Проблема влияния социально-экономических процессов на численность населения регионов России, а также ее компоненты – естественный и миграционный прирост – находится на стыке как минимум трех научных дисциплин: демографии, экономики и социологии. Причем экономисты, рассматривающие воздействие экономических показателей на различные аспекты общественной жизни, а также демографы, изучающие пространственные аспекты демографической и миграционной динамики, уделяют этой теме гораздо больше внимания, чем социологи, которых, как правило, интересуют внутрисоциальные факторы рождаемости, смертности, миграции и других процессов, влияющих на численность населения.

Внимание к вопросам взаимосвязи социально-экономических процессов и динамики численности населения обусловлено, прежде всего, демографическим кризисом, который развивается в России с 1960-х гг. в латентной, а с начала 1990-х гг. – в «открытой» форме. Несмотря на значительное повышение рождаемости во второй половине «нулевых» – первой половине «десятих» годов, кризис этот так и не преодолен окончательно, а в последнее время демографическая и миграционная ситуация в России приобретает все более тревожные черты. Все эти негативные процессы стали объектом исследований, авторы которых попытались найти решение нарастающих проблем.

В социально-демографических исследованиях отмечается неравномерность протекания воспроизводственных и миграционных процессов в регионах России,

следствием чего является отток населения из периферийных, в том числе геополитически значимых для страны регионов, его концентрация в столицах и крупных мегаполисах [1]. В качестве важнейшего фактора формирования внутренних миграционных потоков, усугубляющего негативные тенденции территориального перераспределения населения, рассматривается социально-экономическая дифференциация регионов и порождаемые ею различия в уровне жизни и доходов населения. При этом Россия, ставшая главным объектом притяжения неквалифицированных иммигрантов из стран СНГ, сама превратилась в донора квалифицированных эмигрантов для стран с развитой экономикой [2].

В «периферийных» регионах Центрального и Северо-западного федеральных округов, объединяемых понятием «Ближний Север России», превышение смертности над рождаемостью и стягивание населения в столицы ведет к устойчивому сокращению его численности. Как отмечают М. Б. Денисенко и У. Г. Николаева, по темпам сокращения населения Костромская область и ряд других областей Центральной России сегодня опережают большинство регионов Сибири и Дальнего Востока. Территориальная дифференциация в протекании воспроизводственных и миграционных процессов наблюдается и внутри областей «Ближнего Севера», где более благополучными выглядят региональный центр и прилегающий к нему муниципальный район [3, с. 80].

Трактовки причин переживаемого Россией демографического кризиса отчетливо смещаются от социально-экономических к ментально-психологическим факторам, связанным с урбанизацией, и вызванными ею изменениями в образе жизни, отношении к институту брака, семье и рождению детей. Диссонансом на фоне продолжающейся в РФ депопуляции выглядят среднеазиатские страны СНГ и некоторые северокавказские автономии России с преобладающим мусульманским населением, которые, несмотря на более низкий уровень жизни, сохраняют высокую рождаемость. На фоне переживаемого странами ЕС миграционного кризиса приток населения из этих регионов, как отмечают Е. Б. Яковлева и О. Е. Кислова, может повлечь за собой схожие последствия, породив неприятие мигрантов со стороны принимающего общества и «социальные взрывы» [4, с. 18].

Сложность и противоречивость миграционных проблем побудили исследователей к поиску объяснительных моделей, в рамках которых они пытались найти взаимосвязи между миграцией и различными социально-экономическими показателями. Первая такая попытка, предпринятая в начале 1990-х гг. М. Б. Денисенко, показала, что зависимость между уровнем безработицы и миграционным приростом населения в России на уровне регионов отсутствует. Однако ему удалось обнаружить «относительно удовлетворительную» взаимосвязь между миграцией и денежными доходами населения [Цит. по: 5, с. 114]. Схожая ситуация продолжала существовать и в середине «нулевых» годов, когда, по словам Л. Б. Карачуриной, только расчеты парных корреляций между различными социально-экономическими индикаторами и интенсивностью прибытий взаимосвязи между этими показателями не обнаруживали. Хотя такие индикаторы, как сальдо миграции и интенсивность прибытия, рассматривались ею как важный индикатор социально-экономической ситуации в регионе.

Как показал факторный анализ миграционной подвижности населения РФ, большинство переселенческих потоков между федеральными округами сильно кор-

релируют друг с другом [6]. В числе факторов, определяющих миграционную активность населения и направления его перемещений, большое внимание сегодня уделяется обеспеченности жильем, а также возможности его приобретения или аренды [7].

При этом единственным значимым экономическим фактором, воздействующим на миграционные передвижения населения ЦФО на уровне муниципалитетов, по расчетам Д. Н. Мокренского, оказался уровень среднемесячной заработной платы, который, впрочем, влияет на миграции не очень сильно. Показатели уровня доходов местных бюджетов, инвестиций и количества отгруженных товаров на миграционные перемещения населения не влияют, а средняя численность работников организаций воздействует на них отрицательно [8].

К примечательным выводам в ходе исследования влияния миграции на заработные платы, безработицу и среднедушевые доходы населения регионов РФ пришел Е. С. Вакуленко. По его оценкам, эмиграция из регионов приводит к росту зарплат и среднедушевых доходов населения. А поскольку мигранты перемещаются из менее благополучных регионов в более развитые, то получается, что следствием эмиграции является выравнивание заработных плат и среднедушевых доходов. При этом на уровень безработицы миграция никакого значимого влияния не оказывает [9].

Большинство авторов, впрочем, отмечают, что их исследования являются лишь первыми шагами в плане изучения взаимосвязи демографических, миграционных и социально-экономических процессов на уровне регионов как из-за возможной неполноты статистических данных, особенно по миграции, так и из-за невозможности учесть в экономико-демографических моделях все значимые факторы.

Методы исследования

В качестве интегрального показателя экономического развития территории в исследовании был использован валовой региональный продукт на душу населения, который тесно связан с уровнем среднедушевых денежных доходов населения. Но в отличие от них подушевой ВРП является более интегральным индикатором, поскольку: 1) среднедушевые денежные доходы населения хуже поддаются учету; 2) ВРП учитывает инвестиционную активность, что в перспективе отражается на количестве рабочих мест и уровне доходов, способствуя притоку населения в регион.

В качестве точки отсчета современного демографического и социально-экономического развития России принят 2000 год. На рубеже 1990-х и «нулевых» годов в стране начался значительный экономический рост, что означало разворот негативного тренда предыдущего десятилетия. К числу исследуемых демографических показателей относятся общий, естественный и миграционный прирост населения. Последний из них рассчитывался как разность между общим и естественным приростом. Источником для расчетов послужили демографические и экономические данные Росстата [10].

В итоговую выборку включено 57 субъектов РФ. Те регионы, которые имеют в своем составе «внутренние автономии», рассматривались отдельно. Так, например, Архангельская и Тюменская области анализировались без автономных округов. Из выборки были исключены субъекты РФ, на уровень рождаемости в которых заметное влияние оказывают национально-религиозные традиции (Чечня, Дагестан, Ингушетия, Алтай, Якутия, Калмыкия, Коми, Адыгея, Кабардино-Балкарская Республика, Тыва, Хакасия, Бурятия, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия, Башкирия, Та-

тарстан). По тем же причинам в выборку не были включены Астраханская и Оренбургская области, где заметную часть населения (15 % и более) составляют представители азиатских этносов.

Ряд отдаленных регионов Крайнего Севера и Дальнего Востока (Сахалинская область, Магаданская область, Камчатский край, Мурманская область, Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский, Чукотский автономные округа) были исключены из выборки в силу территориальной удаленности и сурового климата, делающих их крайне малопривлекательны для проживания, что должно компенсироваться более высокими доходами. В этих субъектах РФ отмечен высокий уровень душевого ВРП и денежных доходов населения и одновременно высокий уровень цен, что затрудняет их сравнение с другими регионами. В то же время в состав выборки включены Удмуртия, Чувашия, Марий Эл и Мордовия, которые в культурно-этническом плане мало отличимы от остальных регионов РФ.

Общий и естественный прирост населения

Анализ взаимосвязи общего прироста населения с 2000 по 2017 гг. и душевого ВРП регионов за 2016 г. (рис. 1) показывает наличие четкой зависимости между этими показателями. В целом между регионами имеется значительный разброс значений как по экономическим, так и по демографическим индикаторам. Большинство субъектов РФ имеет отрицательный прирост населения, а среди регионов с положительным приростом также наблюдается значительный разброс значений по душевому ВРП.

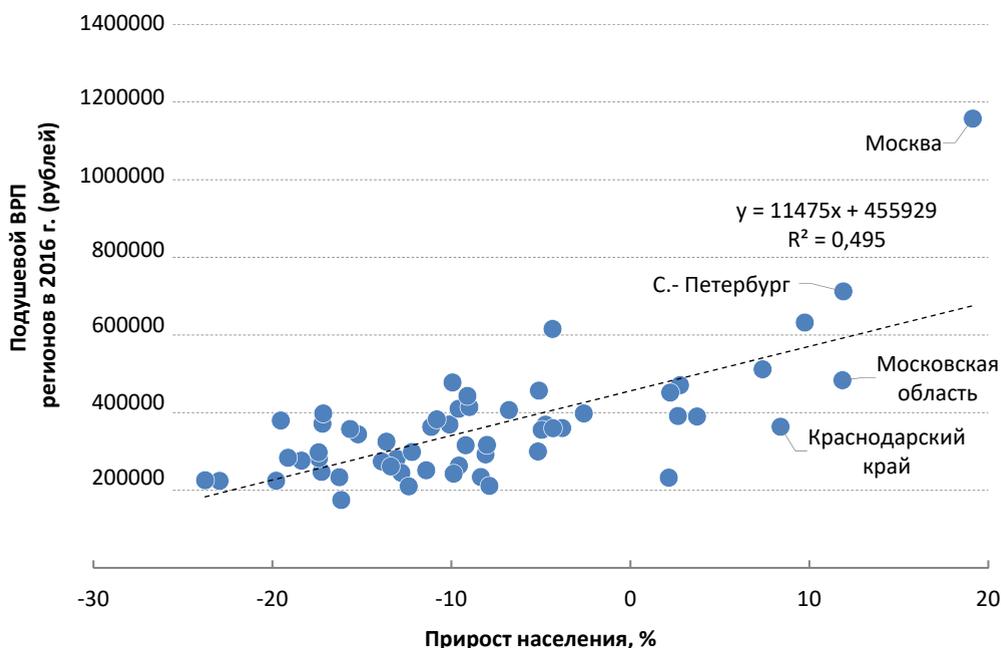

Рисунок 1. Зависимость прироста населения от душевого ВРП.

При этом зависимость между ВРП и динамикой населения выглядит следующим образом: прирост подушевого ВРП на 11000 рублей (примерно по уравнению регрессии) означает прирост населения (или сокращение убыли) за 18 лет на 1 %.

Ключевым показателем интенсивности рождаемости, свободным от влияния половозрастной структуры населения, является суммарный коэффициент рождаемости (СКР), который представляет собой число рождений в расчете на одну женщину в репродуктивном возрасте. Между тем анализ его взаимосвязи с ВРП субъектов РФ показывает, что зависимость между этими показателями отсутствует (рис. 2). В лидирующем по уровню ВРП регионе – Москве – отмечен один из самых низких показателей СКР, что, впрочем, может быть следствием не только макроэкономических, но и других факторов (низкий уровень обеспеченности жильем, особенности образа жизни, «столичного» менталитета и т. п.).

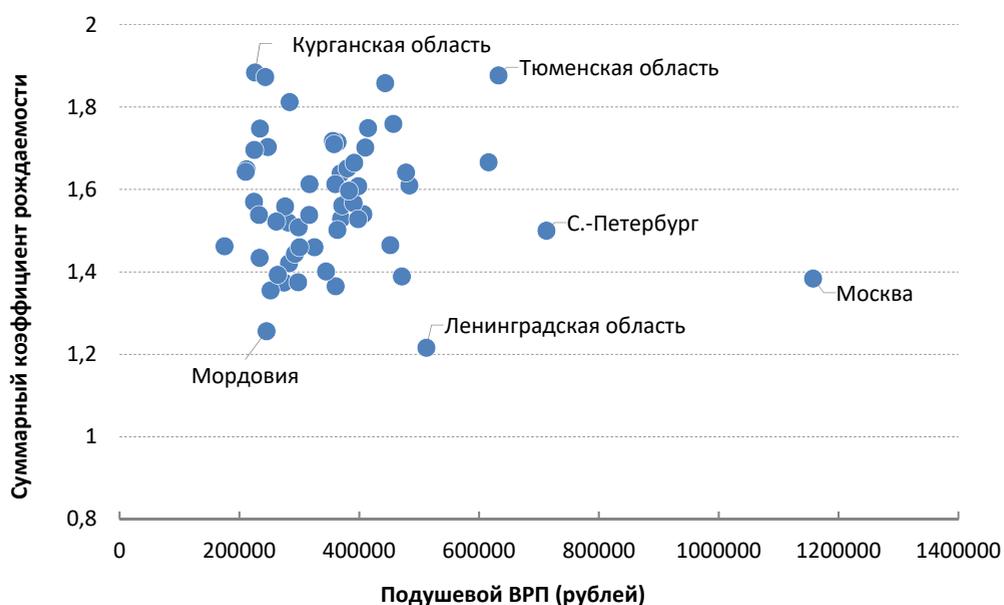

Рисунок 2. Зависимость СКР (2017 г.) от подушевого ВРП.

«Автономность» показателей ВРП и рождаемости наглядно демонстрирует ситуация в северокавказских автономиях РФ (табл. 1), большинство которых с социологической точки зрения относятся к числу традиционных обществ.

Таблица 1

Подушевой ВРП и СКР в республиках Северного Кавказа, 2017 г.

Показатели	Калмыкия	Дагестан	Ингушетия	Кабардино-Балкария	Карачаево-Черкессия	Северная Осетия	Чечня
Подушевой ВРП, руб.	201 406,9	197 141	106 756,6	153 710,9	156 602,4	178 390,3	118 696,4
СКР	1,541	1,908	1,772	1,612	1,429	1,751	2,73

Наиболее высокий суммарный коэффициент рождаемости наблюдается в Чечне (2,73), имеющей одно из самых низких значений подушевого ВРП (118,7 тыс. руб.). Высокая рождаемость фиксируется и в Дагестане (1,9), ВРП которого является одним из самых высоких в регионе (197,1 тыс. руб.), уступая лишь Калмыкии. Последняя демонстрирует противоположный пример, имея самый высокий в регионе уровень ВРП (201,4 тыс. руб.) и занимая предпоследнее место по показателям рождаемости (1,5) (табл. 1).

В целом же сопоставление подушевого ВРП и СКР в республиках Северного Кавказа подтверждает тезис об опосредованном влиянии уровня экономического развития на рождаемость, которая в традиционных обществах определяется не доходами, а исторически сложившимися представлениями о семье, браке и количестве детей, то есть устойчивыми традициями репродуктивного поведения.

Анализ взаимосвязи естественного прироста населения за 2005–2017 гг. и подушевого ВРП (2016 г.) (рис. 3) прямой зависимости между этими показателями не обнаруживает. Тем не менее в группе регионов с большой естественной убылью населения наблюдается низкий подушевой ВРП. К тому же в субъектах РФ с высоким уровнем ВРП демографическая ситуация гораздо более благополучная, хотя показатели прироста населения в них заметно различаются. Так, для Москвы, лидирующей по ВРП, характерна низкая рождаемость, но одновременно низкая смертность и небольшая убыль населения. Высокий уровень естественного прироста населения отмечен в Тюменской области и Забайкальском крае. В целом же регионы с высоким подушевым ВРП, составляющим не менее 600 000 руб., демонстрируют либо прирост, либо незначительную убыль населения.

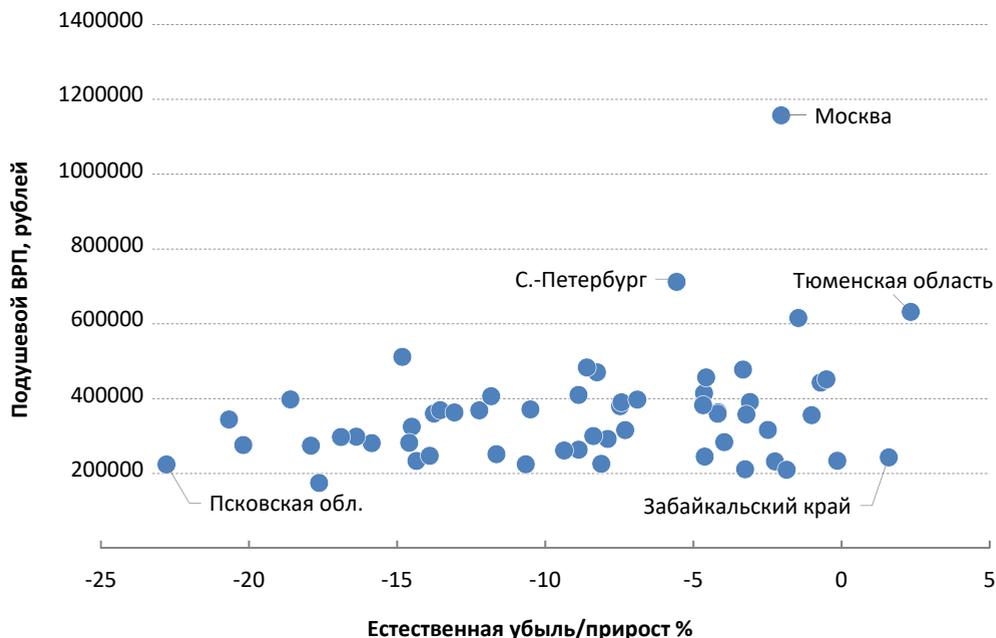

Рисунок 3. Зависимость естественного прироста населения от подушевого ВРП.

Примечательно, что зависимости также не прослеживается между ВРП и таким интегральным демографическим, социальным и экономическим показателем, как ожидаемая продолжительность жизни (рис. 4). Отсутствие взаимосвязи между этими показателями наблюдается во всех федеральных округах, кроме Центрального ($R^2=0,83$), где ее наличие объясняется значительным отрывом Москвы от других регионов по обоим параметрам (ВРП и ожидаемой продолжительности жизни). Более высокая продолжительность жизни в столице объясняется как минимум двумя причинами: стягиванием в Москву молодежи, привлекаемой возможностью получить высшее образование и более высокими доходами, а также уровнем развитием системы здравоохранения, по которому Москва на порядок опережает другие субъекты РФ.

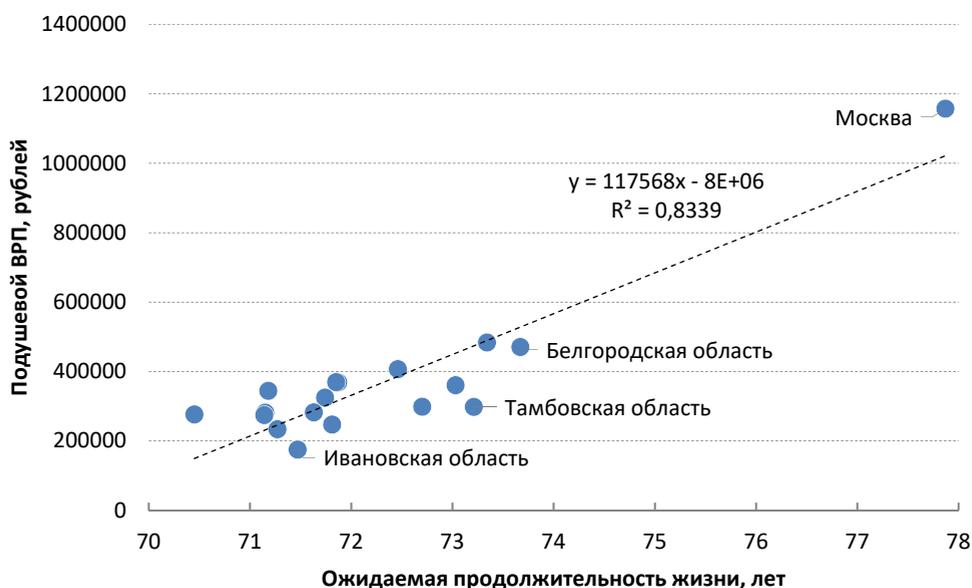

Рисунок 4. Зависимость уровня ВРП от ожидаемой продолжительности жизни в 2017 г.

Миграция

Миграционный прирост населения за 2000–2017 гг., напротив, демонстрирует наличие взаимосвязи с подушевым ВРП. Чем выше уровень ВРП, тем более притягательным является регион для переселенцев и тем выше миграционный прирост его населения. Правда, общую картину несколько портит Москва: при высоком уровне ВРП она могла бы, находясь на линии тренда, то есть развиваясь в «нормальных» условиях, без инфраструктурных и прочих ограничений, иметь более гораздо высокий миграционный прирост населения.

Одной из ключевых причин, сдерживающих дальнейший приток населения в Москву, судя по всему, является низкий показатель общей площади жилья, прихо-

дящейся в среднем на одного жителя столицы. В Москве этот показатель – один из самых низких в России и составляет всего 19,3 кв. м, тогда как в среднем по РФ – 25,2 кв. м, по ЦФО – 26,5 кв. м, а в С.-Петербурге – 24,9 кв. м. Низкая обеспеченность жильем является одной из главных причин того, что в Москве, имеющей более высокий ВРП по сравнению с С.-Петербургом, наблюдаются те же показатели миграционного прироста. Следовательно, низкий уровень обеспеченности жильем, несмотря на высокий уровень подушевого ВРП и доходов, выступает в качестве ограничивающего миграционный прирост населения фактора. Другими сдерживающими иммиграцию факторами являются ограничения по социальной и прочей инфраструктуре.

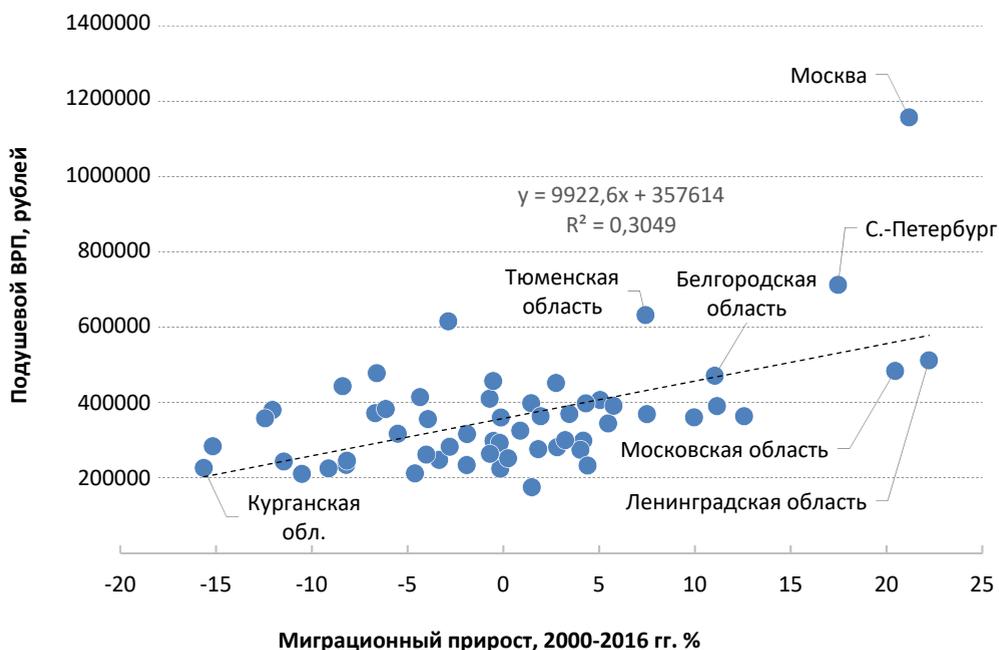

Рисунок 5. Зависимость миграционного прироста населения (2000–2017 гг.) от подушевого ВРП.

Характерно, что обеспеченность жильем в Московской области (31,8 кв. м на человека) значительно выше, чем в столице. Причина этого вполне очевидна: в Москве имеются значительные ограничения на новое строительство, в то время как в области поддерживаются стабильно высокие показатели ввода нового жилья, в результате чего часть нереализованного спроса реализуется в Подмосковье.

Тем не менее Москва является главным в России центром притяжения внутренних мигрантов. В 2000–2017 гг. миграционный прирост населения столицы составил около 20 % от общей численности ее жителей. Если бы миграционная ситуация на протяжении всего этого периода развивалась в «нормальных» условиях, то есть без существующих в реальности жилищных, инфраструктурных и прочих ограниче-

ний, то вместо 20 % миграционный прирост населения составил бы 50–60 % от численности населения города. В абсолютном выражении это означает 3–4 млн «дополнительных» мигрантов, которые пополнили бы население столицы.

На основе анализа данных выборки можно сформировать следующий обобщенный социально-экономический портрет регионов (табл. 2), для которых характерен миграционный приток населения или же его небольшой отток (в пределах 3 %):

- подушевой ВРП выше среднего (среднеарифметический – 362 тыс. руб., в регионах с положительным миграционным приростом – 407 тыс. руб.);
- наличие крупных городских агломераций;
- географическое расположение в европейской части страны, к югу от Москвы;
- наличие поблизости регионов или стран, выступающих в качестве миграционных «доноров».

Противоположным примером может служить Свердловская область, которая, судя по всему, испытывает миграционный отток населения из-за особенностей своей экономической географии – ее окружают регионы с достаточно высоким ВРП. К тому же для Уральского федерального округа в целом также характерен миграционный отток населения в западную часть России

Факторы, вызывающие отток населения, не обязательно присутствуют в каждом субъекте РФ, но, как правило, являются типичной чертой регионов с миграционной убылью населения.

В целом регионы, вошедшие в выборку, можно разделить на 2 группы:

- субъекты РФ с положительным миграционным притоком, к числу которых относятся 27 краев, областей и республик со среднедушевым ВРП в размере 407 тыс. руб. (исчисленным как среднеарифметическое). 24 из них расположены в европейской части России (9 первых мест в рейтинге полностью занимают регионы Центральной России).

- 30 регионов с миграционной убылью, 13 из которых расположены в Уральском, Сибирском и Дальневосточном округах. При этом из 10 субъектов РФ, занимающих в рейтинге последние места, только 4 находятся в центральной России. Средний ВРП регионов с миграционной убылью составляет 362 тыс. руб., а в 10 регионах с наибольшей миграционной убылью населения среднедушевой ВРП равен всего 285 тыс. руб.

То есть увеличение уровня подушевого ВРП относится к числу факторов, способствующих повышению миграционной привлекательности региона. И чем выше уровень ВРП на душу населения, тем выше миграционная привлекательность территории. Увеличивая свой экономический потенциал, регионы решают как минимум две демографические задачи: сдерживают отток своего населения и привлекают жителей других субъектов РФ, стремящихся туда, где выше доходы и уровень жизни.

Существенную роль в миграционной притягательности региона играет и географический фактор, который может быть даже более значимым, чем экономический. Так, в Ивановской области, подушевой ВРП которой, по данным за 2016 г., составляет 174 тыс. руб., на протяжении 2000–2017 гг. зафиксирован миграционный прирост населения в размере 1,4 %. При этом в соседней Костромской области, подушевой ВРП которой почти в полтора раза больше (247 тыс. руб.), миграционная убыль населения за этот же период составила -3,3 %. Как представляется, одной из причин оттока населения является географическая отдаленность небольших населенных пунктов Костромской области.

Таблица 2

Подушевой ВРП (2016 г.) и миграционный прирост населения (2000–2017 гг.)¹

№	Субъект федерации	Миграционный прирост/убыль, %*	Подушевой ВРП, руб.	№	Субъект федерации	Миграционный прирост/убыль, %*	Подушевой ВРП, руб.
1	Ленинградская область	22,2	511836	30	Волгоградская область	-0,19	292565
2	Москва	21,1	1157373	31	Тамбовская область	-0,52	297933
3	Московская область	20,4	483683	32	Свердловская область	-0,54	456860
4	С. Петербург	17,4	712303	33	Саратовская область	-0,7	263773
5	Краснодарский край	12,5	363731	34	Вологодская область	-0,72	410037
6	Калининградская область	11,1	390359	35	Кемеровская область	-1,9	316263
7	Белгородская область	11	470874	36	Брянская область	-1,9	233701
8	Воронежская область	9,9	360418	37	Орловская область	-2,8	282494
9	Калужская область	7,4	368913	38	Красноярский край	-2,9	615803
10	Тюменская область**	7,4	632245	39	Костромская область	-3,3	247313
11	Новосибирская область	5,7	391438,4	40	Удмуртская Республика	-3,9	356042
12	Тульская область	5,4	344487	41	Ульяновская область	-4	261500
13	Липецкая область	5	406726	42	Пермский край	-4,3	414418
14	Ставропольский край	4,4	232582	43	Чувашская Республика	-4,6	211587
15	Самарская область	4,3	397857	44	Омская область	-5,5	316828
16	Рязанская область	4,1	298624	45	Приморский край	-6,1	382586
17	Смоленская область	4	274415	46	Хабаровский край	-6,6	478030
18	Ярославская область	3	369539	47	Республика Карелия	-6,7	371452
19	Ростовская область	3	300186	48	Республика Марий Эл	-8,2	234160
20	Владимирская область	2,8	281366	49	Республика Мордовия	-8,2	245214
21	Томская область	2,7	451823	50	Иркутская область	-8,4	443297
22	Нижегородская область	1,9	363327	51	Кировская область	-9,1	224776
23	Тверская область	1,8	276255	52	Алтайский край	-10,5	210350
24	Ивановская область	1,4	174995	53	Забайкальский край	-11,4	243110
25	Новгородская область	1,4	398141	54	Архангельская область**	-12	379976
26	Курская область	0,9	325114	55	Амурская область	-12,4	357829
27	Пензенская область	0,2	251717	56	Еврейская АО	-15,1	283783
28	Челябинская область	-0,14	360048	57	Курганская область	-15,6	225984
29	Псковская область	-0,16	224152				

¹Рассчитано по: [10].

*Миграционный прирост населения рассчитан по формуле: ((общий прирост/убыль населения – естественный прирост/убыль за 2000–2017 гг.)/численность населения на конец 2017 г.) × 100 %.

**Без автономных округов.

Классификация регионов

Сопоставление естественного и миграционного прироста населения регионов России, включенных в выборку, позволяет разделить их на четыре группы. К первой из них относится Тюменская область, которую отличает положительный естественный, миграционный прирост и высокий подушевой ВРП (рис. 6).

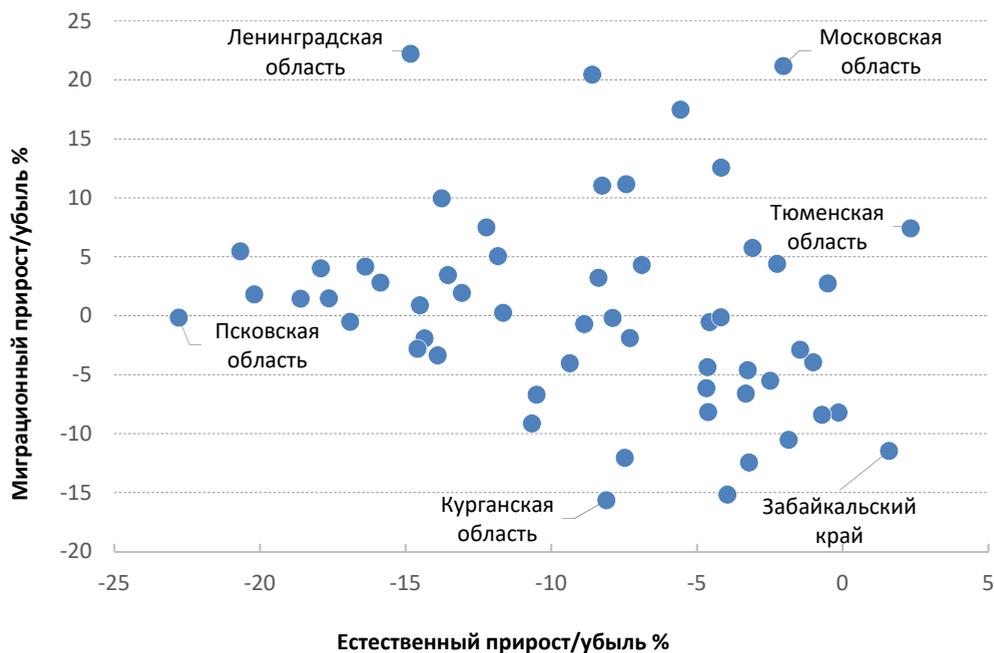

Рисунок 6. Зависимость естественного прироста населения регионов РФ от миграционного прироста (2000–2017 гг.)

Вторая группа включает 26 регионов, в которых наблюдается отрицательный естественный, но положительный миграционный прирост населения и относительно высокий ВРП. Наиболее многочисленной является третья группа, к которой относится 29 регионов с отрицательным естественным, миграционным приростом населения и уровнем подушевого ВРП ниже, чем во второй группе. К четвертой группе, включающей регионы с положительным естественным, но отрицательным миграционным приростом и низким подушевым ВРП, относится Забайкальский край.

Большинство областей Центрального федерального округа, представляющего собой историческое и демографическое ядро России и русского народа, относится ко второй группе регионов, имеющих за 2000–2017 гг. положительный миграционный и отрицательный естественный прирост населения. Его отток наблюдается лишь в четырех регионах – Брянской, Костромской, Орловской и Тамбовской областях (рис. 7). Значительное влияние на миграционную ситуацию в ЦФО оказывает территориальная близость к субъекту РФ, лидирующему по уровню социально-экономического развития. Так, например, в Ивановской и Костромской областях, расположенных недалеко от Москвы, еще в последние десятилетия советского периода

наблюдался естественный прирост населения и его общая убыль вследствие миграционного оттока в столицу и другие регионы [1].

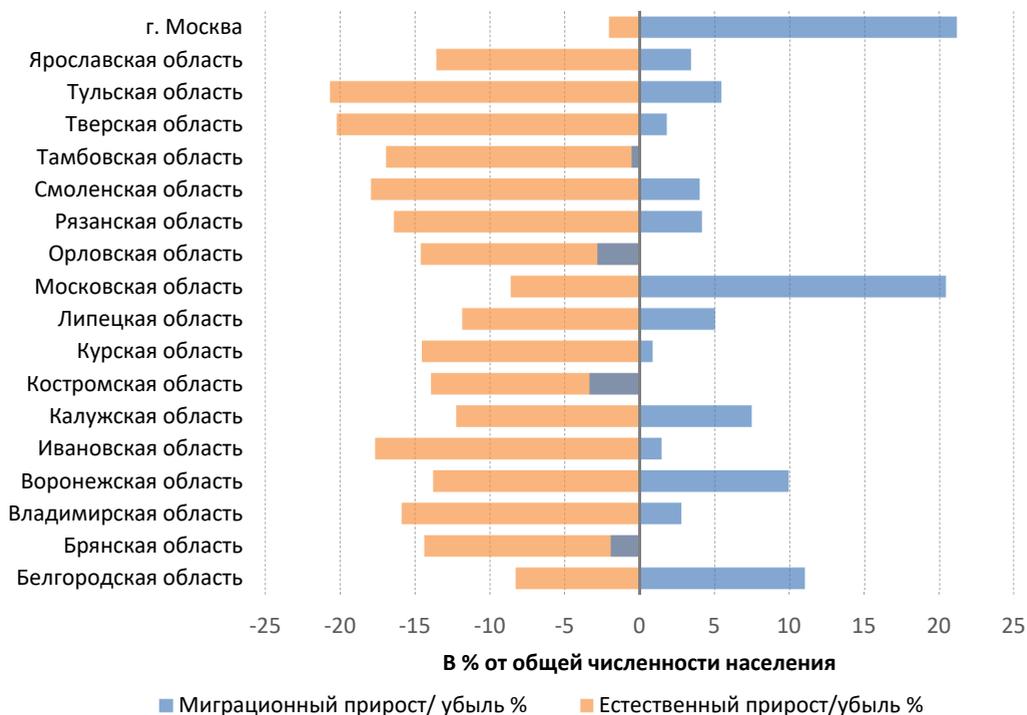

Рисунок 7. Структура прироста населения по ЦФО (2000–2017 гг.).

В то же время утверждение, что экономический рост может вызвать приток мигрантов [2, с. 85], выглядит несколько упрощенным. В целом анализ взаимосвязи миграционного притока населения и роста подушевого ВРП в Центральной России (рис. 8) наличие зависимости между ними подтверждает. В регионах, где рост ВРП выше, более значительными являются и показатели миграционного прироста населения.

Лидером по этому показателю является Московская область, которая пользуется преимуществами «пристоличного» региона, не имея при этом столь же значительных, как в Москве, ограничений по стоимости жилья. Большой поток мигрантов направляется в Белгородскую область, что объясняется иммиграцией с Украины (от Белгорода до Харькова всего несколько десятков километров), а также высокими показателями ВРП.

При этом из общей картины, рисуемой соотношением миграционного и экономического роста, выбивается Москва. Но связано это с тем, что мигрантов привлекает не рост ВРП как таковой, который они ощущают лишь опосредованно, а наличие высокого уровня доходов в данный момент времени. Москва же сохраняет значительное лидерство по подушевому ВРП благодаря его изначально более высокому уровню. За 18 лет прочим субъектам РФ удалось лишь незначительно сократить этот разрыв. Поэтому конкурировать со столицей по миграционной привлекательности, даже имея более высокий рост ВРП, другие регионы пока не в состоянии.

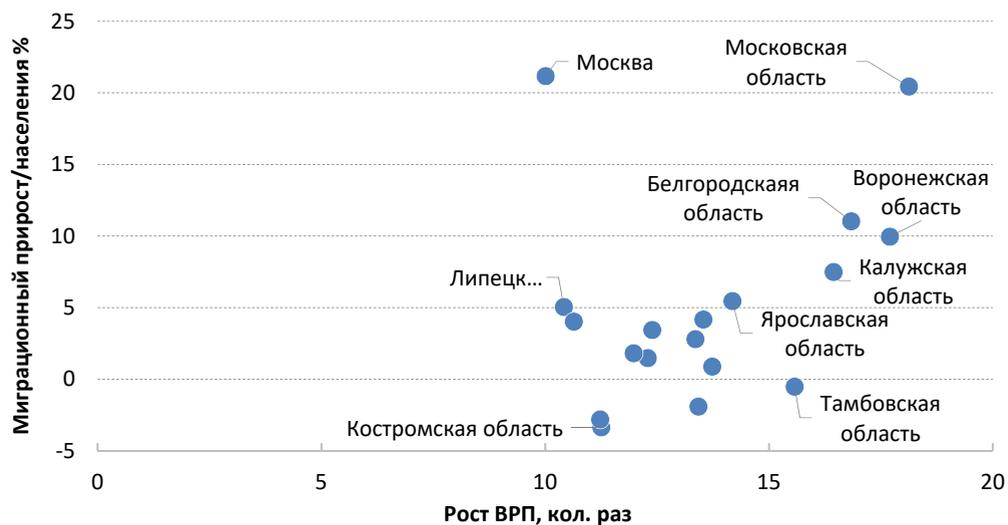

Рисунок 8. Зависимость миграционного прироста в ЦФО от роста ВРП, 2000–2017 гг. (ВРП 2016 г. / ВРП 2000 г.).

Таким образом, зависимость между ростом экономики и миграционной привлекательностью региона имеет непрямой, опосредованный характер. Даже в тех регионах, где наблюдается высокий экономический рост, вновь создаваемые рабочие места с высокой добавленной стоимостью (и уровнем доходов) могут идти на замещение низкооплачиваемых рабочих мест, не увеличивая их общее количество или же увеличивая его незначительно. Поэтому можно согласиться с утверждением о том, что перераспределение трудовых ресурсов между регионами является прерогативой социально-экономической, а не миграционной политики [11, с. 25].

Выводы

По итогам проведенного исследования можно сделать вывод о наличии значительной зависимости между подушечным ВРП и миграционным притоком населения и, напротив, отсутствии такой зависимости между ВРП и естественным приростом населения. То есть развитие экономики практически не оказывает влияния на рождаемость, которая определяется другими факторами и главным образом системой ценностей, а в традиционных, аграрных обществах – сохранением традиционной многодетной семьи. На миграцию же социально-экономическое развитие влияет опосредованно – через рост доходов, которые определяют миграционную привлекательность региона. Влияние подушевого ВРП на ожидаемую продолжительность жизни присутствует лишь в том случае, когда регион-лидер значительно опережает другие регионы по этому показателю, и во многом связано с инвестициями в развитие социальной инфраструктуры и системы здравоохранения.

Главным фактором, привлекающим переселенцев, являются высокие доходы, которые достижимы лишь при условии высокого уровня ВРП. Поэтому рост экономики влияет на миграционную привлекательность региона не напрямую, а через рост доходов его жителей. В то же время притягательность региона для мигрантов

определяется и другими факторами: географическим положением, климатом, уровнем развития инфраструктуры, доступностью жилья, семейно-родственными связями. По этой причине в $\frac{3}{4}$ регионов Центрального федерального округа на протяжении 2000–2017 гг. наблюдался положительный миграционный приток, включая те из них, которые, как Ивановская область, имели низкие показатели ВРП.

В целом же уровень социально-экономического развития в значительной мере определяет миграционный приток населения и практически не влияет на рождаемость, которая в большинстве регионов России не компенсирует смертность. Из числа включенных в выборку регионов лишь Тюменская область, занимающая как нефтедобывающий регион особое положение, имеет положительный миграционный и естественный прирост населения. Что же касается методов стимулирования рождаемости, то они находятся в плоскости демографической, а не экономической политики и непосредственно связаны не с повышением ВРП, а с системой семейных ценностей, уровнем доходов и обеспеченности жильем семей, имеющих нескольких детей.

Ссылки / References

1. Рыбаковский О. Л., Таюнова О. А. Демографическая динамика регионов России и её компоненты в 1959–2017 гг. // Народонаселение. 2019. Т. 22. № 1. С. 4–20.
2. Козлова О. А., Тухтарова Е. Х. Социально-экономическое неравенство как фактор формирования миграционных потоков // Народонаселение. 2017. № 4. С. 78–90.
3. Денисенко М. Б., Николаева У. Г. Что происходит с сельским населением на ближнем севере России? (на материале Костромской области) // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 70–81.
4. Яковлева Е. Б., Кислова О. Е. Демографическая ситуация в России и проблемы трудовой миграции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5. Экономика. 2015. Вып. 1. С. 5–19.
5. Карачурина Л. Б. Межрегиональная миграция и социально-экономическая дифференциация пространства современной России // Проблемы прогнозирования 2006. № 3. С. 96–115.
6. Единак Е. А., Коровкин А. Г., Долгова И. Н. Факторный подход к прогнозно-аналитическому исследованию миграционной активности населения России // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2011. Т. 9. С. 398–415.
7. Гришанов В. И., Ноздрин Н. Н., Шнейдерман И. М. Роль жилья в миграционных процессах в России // Народонаселение. 2017. № 4. С. 91–101.
8. Мокренский Д. Н. Роль экономических факторов в миграционном движении населения муниципалитетов ЦФО // Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск № 69. Август 2018 г. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2018/vipusk_69_avgust_2018_g/regionalnaja_ekonomika/mokrensky.pdf (дата обращения: 14.01.2020).
9. Вакуленко Е. С. Ведёт ли миграция населения к межрегиональной конвергенции в России? // Вестник НГУЭУ. 2013. № 4. С. 239–264.
10. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2018 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_14p/Main.htm (дата обращения: 20.06.2019).
11. Рыбаковский О. Л., Таюнова О. А. Цели стратегии миграционного развития России // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 1. С. 22–30.

Culture generating texts: functions, genres, authors

V. I. Karasik¹

¹Pushkin State Russian Language Institute, 6 Acad. Valgin Str., Moscow 117485, Russian Federation

DOI: [10.18255/2412-6519-2020-1-82-91](https://doi.org/10.18255/2412-6519-2020-1-82-91)

Research Article
Full text in Russian

The paper deals with culture generating texts treated as speech products corresponding to dominant features of civilization in cultural history. Three types of such texts – sacral regulations, mass circulation products and virtual net messages – have radically changed the idea of authorship and corresponding attitudes of public to texts. The first text type brought to life selected priests who were regarded as keepers of sacral knowledge to be transmitted to coming generations, the second text type initiated numerous artisans who produced various one-time texts suitable for everyday purposes, the third text type generated illusionists who launch secondary texts through the world electronic network for the sake of carnival play with life. The characteristics of three types of text as indicators of culture have been described on the material of aphorisms. Autosemantic sentences of the first type are usually expressed as manifestations of general truth or common norms of behavior, the second type phrases function as trivial observations or specific recommendations in particular situations, whereas the third type texts have a paradoxical nature or are used as banter expressions uttered to fill the gaps in conversation. Sentences of the first type make the core golden reserve of human wisdom, and they are often used in situations of social inequality when people demonstrate their experience and right to give lessons to others. Sentences of the second type are very important for everyday routine life, and they appear in corresponding habitual situations. Sentences of the third type are applied mainly in interactions which require a critical reaction to any type of edification, either moral or utilitarian, their aim is to establish equality as such by means of ridicule of any kind of self-admiration.

Keywords: culture; text; discourse; genre; authorship; carnival; aphorisms

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Karasik Vladimir I. | E-mail: vkarasik@yandex.ru
| Doctor of Sciences in Philology

Funding: RFBR, project 19-012-00609 A.

For citation: Karasik V. I. Culture generating texts: functions, genres, authors // *Social'nye i gumanitarnye znaniya*. 2020. Vol. 6, No 1. P. 82–91. (in Russ.)

Культурогенные тексты: функции, жанры, авторы

В. И. Карасик¹

¹Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, ул. Академика Валгина, 6, Москва, 117485, Российская Федерация

DOI: [10.18255/2412-6519-2020-1-82-91](https://doi.org/10.18255/2412-6519-2020-1-82-91)
УДК 81'42

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются культурогенные тексты – речевые произведения, соответствующие цивилизационным доминантам в истории культуры. Переход от сакральных текстов к текстам массовой культуры и затем – к текстам в виртуальном пространстве привел к существенным изменениям в понимании феномена авторства и позиции людей по отношению к тексту. Первый тип текстов выдвинул на авансцену культуры жрецов, назначением которых была передача последующим поколениям священного знания, второй тип текстов привел к возникновению авторов-ремесленников, производящих одноразовые тексты для разных целей, третий тип текстов вызвал к жизни фокусников, порождающих вторичные тексты с целью карнавализации бытия. Рассмотрены характеристики трех выделенных типов текстов применительно к жанру афоризмов. Показано, что универсальные высказывания могут выражаться как непреложные истины или нормы поведения в виде пословиц и афоризмов (иератическая разновидность), как тривиальные общеизвестные вещи или частные полезные советы (ремесленническая разновидность), как парадоксальные умозаключения либо ернические пустоговорки (фокусническая разновидность). Сентенции первого типа составляют золотой фонд знаний человечества, однако часто используются старшими и вышестоящими по отношению к младшим и подчиненным с целью закрепления статусного неравенства. Высказывания второго типа очень важны для обыденной жизни, но приемлемы только в определенных конкретных ситуациях. Высказывания третьего типа представляют собой критическую реакцию как на морально-этические, так и на утилитарные поучения, их назначение – восстановление коммуникативного равенства между участниками общения путем высмеивания поучения как такового.

Ключевые слова: культура; текст; дискурс; жанр; авторство; карнавализация; афоризмы

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Карасик Владимир Ильич	Email: vkarasik@yandex.ru
	Доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания

Финансирование: РФФИ, проект № 19-012-00609 А «Современная российская аксиосфера: семантическая и прагматическая трансформация русского культурного кода».

Для цитирования: Карасик В. И. Культурогенные тексты: функции, жанры, авторы // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Том 6, № 1. С. 82–91.

Положение о том, что культура реализуется в определенных образцах и значимых смысловых последовательностях – текстах, вошло в аксиоматику культурологии. Из этого положения вытекает постановка весьма обширной исследовательской программы – поиск соответствий между типами культуры и типами текстов. Одна из таких корреляций предложена в работе американского исследователя Дж. Лемке [1], который устанавливает три принципиально различных типа текстов по их культурогенной значимости.

Первый тип текстов (и других семиотических артефактов) образуют уникальные сакральные тексты, назначение которых – неизменная передача одного и того же текста от поколения к поколению. Второй тип текстов возникает тогда, когда люди переходят к осознанию стандарта, жанра, текстового типа. Это связано, прежде всего, с развитием книгопечатания. Смысл конкретного текста сохраняет свою значимость, но все большую значимость приобретает соответствие этого текста стандартному типу.

В условиях глобализации и возникновения единой компьютерной сети появляется текст третьего типа, отличительная особенность которого – наличие гипертекста, возможность моментального переключения в любой другой текст, жанр, способ передачи и хранения информации. На первый план здесь выходит гибридизация типов дискурса и отдельных жанров, тотальное размывание границ в едином текстовом пространстве. Текст третьего типа поддержан новой культурой в целом, возможностью переключения предметной деятельности, места работы и жительства, даже собственной идентичности. Эти тексты в своей основе отражают важнейшие признаки эпохи постмодернизма. Главная характеристика этих текстов – возможность постоянных переходов к другим семиотическим образованиям. Автор предлагает новый термин для обозначения таких переходов – «траверсалии» – *traversals* (Там же. С. 135). Наличие этих траверсалий предполагает и новые виды контроля общества над своими членами, главным образом посредством масс-медиа. Тексты третьего типа – это в массе своей короткие тексты (их прототип – газетное или журнальное сообщение, которое можно прочитать за несколько минут), предназначенные для однократного использования и все чаще включающие визуальный компонент (картинку).

Соответственно, выделяются три типа текстовой компетенции: 1) умение точно запомнить и многократно воспроизвести заданный текст, 2) умение осознать жанровый канон и воспроизводить тексты в рамках этого канона и 3) умение соединять любые тексты (и текстообразующие институты). В последнем случае высоко ценится стратегия соединения текстов, именно здесь, по мнению автора, следует ожидать новых способов осуществления социального контроля.

Эта концепция перекликается с теорией Ж. Бодрийера о типах «неподлинностей» – симулякров. Понятие «симулякр» как видимость или подобие в философском отношении представляет собой соответствие некоторому оригиналу, в идеальном варианте – платоновскому эйдосу (первообразу, идее вещи). Соответственно, возможны отклонения от оригинала по степени сходства с ним (репродукции и копии), по легитимности (копии и подделки), по процессуальности (копии и копирование). Репродукция технически воспроизводит неизменный вариант определенного оригинала, копия допускает незначительные отклонения от него, которые, накапливаясь, могут привести к образованию новой вещи. Копия легитимна в той мере, в какой общество санкционирует копирование определенных оригиналов, все остальные попытки воспроизвести тот или иной оригинал квалифицируются как подделки, и соответствующие

артефакты подлежат уничтожению, а их авторы – наказанию. В процессуальном отношении применительно к оригиналу и копии на первый план выходит идея модели, образца, технологии, по которой воспроизводится некоторый материальный или идеальный объект. Ж. Бодрийяр говорит о трех стадиях (порядках) симулякров в истории общества: 1) подделка, связанная с идеей уникальности оригинала; 2) производство, связанное с идеей тиражирования оригинала; 3) симуляция, связанная с идеей замещения оригинала [2, с. 111].

Острое переживание нетождественности оригинала и копии, поиск подлинников и подлинности в философском отношении соответствуют главной идее экзистенциализма – нахождению и оправданию смысла жизни. Культурологическая (и лингвокультурологическая) проекция этого переживания находит отражение в типологии текстов как знаков определенной культуры.

Приведенная выше типология текстов построена на двух основаниях: уникальность / массовость и результативность / процессуальность. Эти же критерии являются основой для построения более общей концепции ценности артефактов в обществе. Нельзя не согласиться с цитируемыми авторами в том, что переход от уникальности к массовости неизбежно приводит к осмыслению процесса копирования и его дальнейшему гипостазированию – наделению качества сущностью. Качество, получающее статус сущности, как известно, стремится к отрыву от изначального носителя этого качества. В этом смысле Ж. Бодрийяр прав, раскрывая суть третьего порядка симулякров в обществе, – они фантомны. Вопрос в том, какой процент артефактов в обществе является фантомным и почему.

По-видимому, пропорция фантомных образований в обществе является некоторой константой. Язык как способ аккумуляции опыта с его последующей генерализацией способствует образованию таких фантомов. Фантомное противопоставляется реальному. По-видимому, на более ранних этапах человеческой истории фантомы относились к явлениям природного мира. Человек противопоставлял себя природе, и природные силы (стихия, животный мир, происходящие с человеком естественные процессы) наделялись сверхъестественными характеристиками и, в соответствии с человеческим свойством все приравнивать к человеку, одушевлялись. Мифы и закрепляющие их древнейшие сакральные тексты базируются на осознании и переживании величия природного мира.

Освоение и преобразование мира закономерно привели к осмыслению очеловеченного пространства и различных инструментов, с помощью которых это пространство создавалось. Ю. С. Степанов прав, говоря о том, что в развитии культурных феноменов всегда имеет место некоторое запаздывание, например, первые автомобили имели внешнее сходство с каретами [3]. Сакральные тексты о возникновении города (очеловеченного пространства) строились на оппозиции «город – лес». Первоначальная практика освоения мира объективно строилась на уподоблении очеловеченного пространства природному. Инструменты были похожи на независимые от человека предметы: каменный нож был внешне заостренным камнем, соха – изогнутой острой веткой. Согласно древним сказаниям, первые важнейшие инструменты были даны людям бессмертными богами. При этом сам акт передачи носил порой драматический характер: Прометей похитил огонь у богов. Идея получения права на производство артефактов сопряжена в архаичном сознании с понятиями магии. Неслучайно кузнец в древних фольклорных текстах обладает властью над нечистой силой.

Мир артефактов, объективно разрастаясь, стал занимать все большее место в обыденной жизни и, соответственно, в сознании человека. Изменилась модальность отношения человека к миру: если раньше было важно установить цикличность событий, предусмотреть возможный вред от непредсказуемых и неуправляемых природных сил, то теперь на первый план выходят правила использования, утилизации окружающего пространства. Обратим внимание на интересный этический парадокс: если мы не в силах извлечь пользу из чего-либо, мы начинаем осваивать это эстетически, а если же утилизация возможна, то на первый план выдвигаются нормы должностования. Должностование является способом упорядочения пользы. В этом смысле библейские тексты отражают (за исключением космогонического дебюта и отдельных пассажей наказания людей за их порочный образ жизни) более продвинутый этап в истории человечества – этап иерархического распределения артефактов в мироустройстве.

На высшем уровне находятся символические артефакты, связанные со служением Богу. Помимо описания священных предметов, правил жертвоприношения, одеяний священнослужителей, мы сталкиваемся с текстами, выполняющими функцию фиксации абсолютных норм: это десять заповедей и аналогичные формулы в других вероучениях, своеобразные тексты в тексте. На следующем уровне находятся артефакты, связанные с властью земной – властью царя и закона. На третьем уровне находятся артефакты, связанные с ежедневным трудом и отношениями людей в процессе производства. Заметим, что в священных книгах мы не найдем описания предметов производства, правил рационального земледелия и т. д. Это и не удивительно: культурные тексты первого типа создавались жрецами. Итак, в обществе, которое в значительной мере зависело от неподконтрольных человеку природных сил, важнейшую роль в порождении текстов, определявших характер культуры, играли жрецы, маги.

Развитие производства закономерно привело к тому, что люди, занятые в производстве (организаторы производства), осознали свою значимость в обществе и на основании экономической реальности стали ведущей социальной силой. На первое место вышел социальный тип, условно обозначаемый в данной работе как ремесленник (мастер, *homo faber*).

Дальнейшее развитие производства привело к созданию высоких технологий, благодаря которым собственно в производстве стало занято гораздо меньше людей, чем раньше, а освободившиеся человеческие ресурсы перешли в сферы услуги и досуга. Эта сфера деятельности выдвинула на авансцену новый тип активного деятеля, который условно можно обозначить как фокусник.

Разумеется, названные социальные типы схематичны и условны, но представляет интерес то, какие тексты порождаются этими типами.

Каковы характеристики иератических (жреческих) текстов?

Это тексты бытийные (не бытовые) по своему основному предназначению, касающиеся важнейших смысложизненных вопросов, насыщенные символами, отшлифованные риторически для того, чтобы в максимальной степени оказывать воздействие на слушателя (прототипным текстом здесь является проповедь), сравнительно легко запоминающиеся (их передавали от поколения к поколению устно), не допускающие изменений ни в содержании, ни в форме (когда их стали записывать, неслучайно возникла норма: «Ошибка переписчика равна умышленному греху»). В этих текстах в концентрированном виде были отражены нормы поведения в обществе. Поскольку функция передачи знания была сопряжена с функцией служения

Богу, то роль учителя в этих текстах является сакральной. Символика и метафорика таких текстов не допускают двусмысленных толкований:

«Человек, сбившийся с пути разума, водворится в собрании мертвецов» (Притчи, 21:16).

Иератические тексты организованы с соблюдением формальной и содержательной ритмики, они строятся на повторах, усиливающих главную мысль:

«Тот, кого ты собираешься ударить, – не кто иной, как ты сам.

Тот, с кем ты собираешься управиться, – не кто иной, как ты сам.

Тот, кого ты собираешься мучить, – не кто иной, как ты сам.

Тот, кого ты собираешься обратить в рабство, – не кто иной, как ты сам.

Тот, кого ты собираешься убить, – не кто иной, как ты сам. Мудрец искусен и управляет своей жизнью после понимания равенства убиваемого и убийцы. Поэтому он никогда не причиняет другим страдание и не позволяет делать это другим» (Джайнизм. Акарангасутра 5.101-102).

Обратим внимание на стилистическую фигуру восходящей градации – *ударить, управиться, мучить, поработить, убить*. Лишение свободы (порабощение) лишь на одну ступень отличается от убийства. Этот жреческий текст создан в рамках древнеиндийской культуры, сориентированной, как нам порой представляется, на смирение. Внимательное прочтение этого текста показывает общечеловеческую универсальную ценность концепта «свобода».

Иератические тексты определяют координаты миропорядка, четко разъясняя, что есть добро и зло применительно к своему племени. Они дают начало текстам философским, юридическим, научным и поэтическим. Эти тексты закреплены традицией и составляют стержень культуры. Именно такие тексты становятся в первую очередь прецедентными для той или иной лингвокультуры (и в дальнейшей для человечества в целом), постепенно переходя в концепты соответствующих текстов [4].

С развитием книгопечатания обыденная жизнь человека проникает в текстовое пространство. Различного рода повествования о событиях из жизни людей примечательных и обычных, включающие вымысел, становятся достоянием читающей публики. Чтение перестает быть сакральным занятием. Образцом мирской литературы является газета, повествующая о заботах текущего дня и мгновенно теряющая свою информационную ценность завтра. Тексты этого типа ординарны и в отличие от иератических не анонимны. Они создаются конкретными авторами и не претендуют на божественное происхождение. Для их составления, кстати, не требуется вдохновения, достаточно умения. Огромный текстовый массив составляют производственная переписка (делопроизводство, инструкции, отчеты) и частная переписка. Сюда же относится множество учебных текстов, например, сочинения на заданную тему. По сравнению с текстами первого типа тексты второго типа характеризуются гигантской жанровой вариативностью, кратковременностью существования и повсеместностью распространения. Иератические тексты составляют ничтожно малую часть в огромном текстовом массиве, состоящем в основном из ординарных ремесленнических текстов, но по своей культурогенной значимости, повторяемости и прецедентности четко выделяются как знаковые константы.

Следует подчеркнуть неоднородность текстов второго типа (дать их классификацию – значит попытаться разбить на классы все написанное). Некоторые из этих текстов по определенным параметрам приближаются к текстам иератическим (образцы художественной литературы, различные кодексы, классические научные

труды), некоторые с трудом соответствуют литературному стандарту (неслучайно в обиход вошел термин «паралитература»).

Дж. Лемке отмечает, что для текстов второго типа, текстов массовой культуры, важнейшим качеством является соответствие жанровому канону. В ином ключе эту идею развивает А. Г. Баранов, определяя текстотип как способ бытования жанра в языковом сознании [5, с. 170]. Приведем в качестве примера текст, относящийся к жанру disclaimer – официальное заявление о снятии с себя ответственности перед покупателем или клиентом за ущерб, возникший вследствие нарушения ими правил пользования продуктом:

The manufacturer disclaims any liability for damage which may result as a consequence of improper use or use contrary to the instruction contained herein.

Это – разновидность юридического дискурса, констатация прав и обязанностей, возникающих в результате совершения определенной сделки. Производитель товара или фирма, предоставляющая определенные услуги, официально уведомляют потенциальных истцов, которые могут подать в суд на соответствующих производителей или тех, кто предоставляет услуги, о том, что гарантии имеют ограничения. Такая практика характерна для общества, где четко определены права потребителей. Интересен фрагмент из текста данного жанра на сайте университета штата Юта:

Health-Related Content Disclaimer:

Health related topics found on any University page, should not be used for diagnosing purposes or be substituted for medical advice.

As with any new or ongoing treatment, always consult your professional healthcare providers before beginning any new treatment. It is your responsibility to research the accuracy, completeness, and usefulness of all opinions, services, and other information found on the site, and to consult with your professional health care provider as to whether the information can benefit you. The University of Utah assumes no responsibility or liability for any consequence resulting directly or indirectly for any action or inaction you take based on or made in reliance on the information, services, or material on or linked to this site.

Посетители сайта официально предупреждаются о том, что размещенная на сайте информация, имеющая отношение к здоровью, не должна использоваться в качестве диагностики или замены медицинского обслуживания.

Аналогичным образом мы можем построить подобный текст, касающийся типичной ситуации, участники которой могут оказаться в правовом пространстве договорных отношений, ограничиваемом здравым смыслом.

Различные речевые жанры могут в разной степени отходить от своего канона, есть ригидные и лабильные речевые жанры, например, официальные заявления, представляющие собой трафаретные формы, и частные письма, вариативность которых достаточно велика.

Тексты третьего типа принципиально отличаются от предыдущих своей игровой сущностью. Следует заметить, что создатель таких текстов – фокусник, шут, иллюзионист – не новое образование в списке коммуникативных типажей. Эти личности соседствовали со жрецами и мастерами, дополняя их. Но в новейшую эпоху дистрактивная функция (функция развлечения) приобрела статус одной из важнейших в связи с увеличением досуга у граждан современного постиндустриального общества. То, что раньше подавалось в серьезной упаковке, теперь все чаще принимает характер игры. Это отчасти связано с изменением социальных приоритетов в обществе – эстетическое становится более важным, чем этическое [6].

Но не только игровой характер определяет сущность этих текстов. Их интертекстуальные связи становятся самодовлеющими. Прямое и модифицированное цитирование становится важнейшей характеристикой текстов эпохи постмодерна. При этом сознательно нарушаются стилевые нормы, смешиваются регистры, возникает коллаж (наклеивание на холст различных предметов) как способ художественного отражения действительности. Пародийное имитирование как специфический вид критики переходит в пастиш (pastiche) – литературную имитацию, экстремальным вариантом которой является текст, целиком состоящий из фрагментов произведений одного или нескольких авторов (a literary patchwork – литературное лоскутное одеяло). Пастиш в максимальной степени соответствует симулякру третьего уровня, будучи копией несуществующего оригинала, вернее, его оригиналом является некий сверхтекст как совокупность множества текстов. Примеры такого текста мы находим у Льва Рубинштейна:

...5. *Мокрая ветка в окно стучит –*

6. *Не понять ничего;*

7. *Муха на стекле раздавлена –*

8. *Спать в одиночестве;*

9. *Дитя в люльку напрудило –*

10. *Левое с правым спутать;*

<...>

35. *Об камень споткнулся –*

36. *Скажешь:*

«Сегодня мне не до искусства.

Прости, прости, уж спать пора.

чувство.

игра.

Но не игра на понижение –

без преград,

движение

наугад».

(Л. Рубинштейн. Меланхолический альбом)

Произвольные комбинации строк, написанных на карточках, имитируют гадательные тексты, но в отличие от таких текстов они сочетаются в любом порядке и поэтому показывают бессмысленность подобных гаданий. В качестве одной из карточек приводится незавершенная строфа, сильные позиции в ней уже заняты, интертекстуальные ассоциации очевидны (Б. Пастернак: *«Когда строку диктует чувство, оно на сцену шлет раба, и тут кончается искусство, и дышат почва и судьба»*). Перед нами текстовый поток, выражающий настроение автора, страницы этого меланхолического альбома перелистываются как бы сами.

Тексты третьего типа на первый взгляд асистемны, их структура принципиально произвольна, они тяготеют к жанру «Алфавитный словарь», размывая специфику этого жанра. На самом деле попытка автора спрятаться за алфавитной последовательностью текстовых фрагментов заставляет читателя искать смысл в якобы случайном ряду явлений.

Интересной особенностью текстов третьего типа является их игровая загадочность, они часто содержат явные или скрытые загадки, разгадывать которые становится эстетической сверхзадачей читателя. Такие загадки свойственны не только художественным, но и научным текстам (впрочем, если это текст третьего типа,

то его жанровая специфика неизбежно размывается). Так, В. П. Руднев в «Словаре культуры XX века» предлагает читателю поиграть с автором в «Китайскую рулетку» (угадать, кого из известных поэтов он имеет в виду, приводя произвольные вопросы и ответы) (статья «Парасемантика»). Всем, кто догадается и сообщит об этом по указанному в статье телефону, автор обещает подарить ксерокс своей статьи [7].

Обсуждая специфику текстов третьего типа, мы, разумеется, обращаемся к известному тезису М. М. Бахтина о карнавальной культуре, противостоящей официальному порядку вещей и дополняющей его. В этом смысле жрец и фокусник заполняют позиции выразителей официоза и карнавала, но это лишь кажущееся заполнение. Иератические тексты, действительно, сакральны, но фокуснические тексты не всегда профанны. Интересное развитие идея карнавальности получает в антитезе «карнавал – маскарад» [8, с. 9]: «В противоположность карнавалу, маскарад отчетливо – и постоянно – осознает себя как нечто временное, преходящее и уже потому не вполне «настоящее»; более того, это ощущение эфемерности и неподлинности (квазиподлинности) оказывается источником и предметом непрекращающейся рефлексии, меняющей сам характер праздничности (и, в конечном итоге, трансформирующей карнавальность в маскарадность)». Маскарадность, как видим, соотносится с виртуализацией и симуляцией действительности.

Основным пространством функционирования текстов третьего типа является в настоящее время массово-информационный дискурс, поскольку массовая информация общедоступна, в максимальной степени открыта для манипулятивного использования, выполняет рекламные функции (параллельно с информированием). Весьма экспрессивны заголовки газетных текстов, например:

Кричат хозяйева «ура!» и кошкам шляпки надевают.

Известный екатеринбургский модельер Светлана Фетисова шьет головные уборы для хвостатых мурлык (Комсомольская Правда).

Заголовок в шуточной форме отсылает читателя к хрестоматийной фразе из «Горя от ума» А. С. Грибоедова «Кричали женщины «ура!» и в воздух чепчики бросали». Подзаголовок раскрывает содержание статьи.

Если признать, что обозначенные три типа текстов в своих жанровых разновидностях могут развиваться параллельно, то показательным может быть сравнение одного из жанров. Например, универсальные высказывания могут выражаться как непреложные истины или нормы поведения в виде пословиц и афоризмов (иератическая разновидность), как тривиальные общеизвестные вещи или частные полезные советы (ремесленная разновидность), как парадоксальные умозаключения либо ернические пустоговорки (фокусническая разновидность). Проиллюстрируем эти текстовые типы:

1. *Худших всегда большинство (Биант); Что ты спрятал, то пропало, что ты отдал, то твое (Ш. Руставели).*

2. *Нельзя касаться языком металлических предметов в сильный мороз; Неприятный запах скунса нейтрализуется томатным соком.*

3. *It's hard to make a comeback when you haven't been anywhere – Трудно вернуться назад, если никуда не уходил; Лучше забитый шуруп, чем завинченный гвоздь.*

Сентенции первого типа составляют золотой фонд знаний человечества, однако часто используются старшими и вышестоящими по отношению к младшим и подчиненным с целью закрепления статусного неравенства. Высказывания второго типа очень важны для обыденной жизни, но приемлемы только в определенных

конкретных ситуациях. Высказывания третьего типа представляют собой критическую реакцию как на морально-этические, так и на утилитарные поучения, их назначение – восстановление коммуникативного равенства между участниками общения путем высмеивания поучения как такового. При этом по форме эти высказывания соответствуют поучениям (*Если Вас укусила злая собака, пожалуйста доброй; Не стоит пробовать монету на фальшивый зуб; Испортить можно все*). Фокусник зависит от жреца и ремесленника, поскольку порождаемые им тексты принципиально вторичны. Увеличение удельного веса текстов третьего типа в культуре свидетельствует о возникновении новой ментальности, требующей изучения.

Жрец, ремесленник и фокусник как условные культурогенные личности представляют собой воплощение определенных текстовых функций и в этом качестве панхроничны. Но в различные периоды человеческой истории на первый план выходит одна из названных личностей, в концентрированном виде выражающая приоритеты общества. Приведенный список типажей вряд ли можно считать закрытым.

Подведем основные итоги.

Коммуникативное поведение специфически выражается в культурогенных текстах – речевых произведениях, соответствующих цивилизационным доминантам в истории культуры. Переход от сакральных текстов к текстам массовой культуры и затем – к текстам в виртуальном пространстве привел к существенным изменениям в понимании феномена авторства и позиции людей по отношению к тексту. Первый тип текстов выдвинул на авансцену культуры жрецов, назначением которых была передача последующим поколениям священного знания, второй тип текстов привел к возникновению авторов-ремесленников, производящих одноразовые тексты для разных целей, третий тип текстов вызвал к жизни фокусников, порождающих вторичные тексты с целью карнавализации бытия.

Ссылки / References

1. Lemke J. L. *Texts and Discourses in the Technologies of Social Organization // Critical Discourse Analysis: Theory and Interdisciplinarity*. London: Palgrave Macmillan, 2003. P. 130–149.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
3. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
4. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 128 с.
5. Баранов А. Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов-н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1993. 182 с.
6. Щеглова Л. В. Значение этики в эпоху эстетизма // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. Серия: Социально-экономические науки и искусство. 2003. № 2. С. 3–9.
7. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1997. 384 с.
8. Гринштейн А. Л. Карнавал и маскарад в художественной литературе: Учеб. пособие для вузов культуры и искусств. Самара: Изд-во Академии культуры и искусств, 1999. 118 с.

Video interview in new media

L. G. Antonova¹, A. I. Makhalova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: [10.18255/2412-6519-2020-1-92-99](https://doi.org/10.18255/2412-6519-2020-1-92-99)

Research Article
Full text in Russian

The article is devoted to the analysis of video interviews in new media in the context of the complex, integrated concept of «hypergenre». The material of video interviews published in YouTube, attempts to characterize genres, a complex combination of which is modern video interviews in new media. Special parameters of the hypergenre should be characterized on the Internet platform, which provides additional tools in genre design, including hyperlinks, video podcasts, special technologies for illustrating and confirming factuality, specific video metaphors and video quotes. The authors believe that, unlike print or television media, this hypergenre on the Internet platform acts simultaneously as an informational, analytical, and as an artistic and journalistic, which provides an opportunity to «consider» the features of related genres included in the integrative genre complex: conversations, chronicle notes, surveys, commentary, investigative journalism and some other media genres. Another feature of modern video interviews, explaining the special role of non-verbal signs, implicitly transmitting semantic signals in the context of video interviews, which include gestures, facial expressions, pro-semitic speaker, his personal image signs and tone of speech. As a result of the study of the new model of video interviews, the authors of the article offer a generalized media toolkit of modern hypergenre education and explain the demand and popularity of such a model in the mass media.

Keywords: hypergenre; video interviews; new media; YouTube channel; author and addressee factor; language embodiment

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Antonova L. G. | E-mail: antonova_lubov@mail.ru
(correspondence author) | Doctor of Sciences in Pedagogy, Professor

Makhalova A. I. | E-mail: amberos7@gmail.com
| Master student

For citation: Antonova L. G., Makhalova A. I. Video interview in new media // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2020. Vol. 6, No 1. P. 92–99. (in Russ.)

Жанровые особенности видеointервью в новых медиа

Л. Г. Антонова¹, А. И. Махалова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: [10.18255/2412-6519-2020-1-92-99](https://doi.org/10.18255/2412-6519-2020-1-92-99)

УДК 316.77:001.12/.18; 070:001.12/.18

Научная статья

Полный текст на русском языке

Статья посвящена анализу видеointервью в новых медиа в контексте сложного, интегрированного понятия «гипержанр». На материале видеointервью, опубликованных на YouTube, предпринимается попытка охарактеризовать жанры, сложная комбинация которых составляет современное видеointервью в новых медиа. Особые параметры гипержанра следует характеризовать именно на интернет-платформе, которая обеспечивает дополнительный инструментарий в жанровом оформлении, включая гиперссылки, видеоподкасты, особые технологии для иллюстрирования и подтверждения фактологичности, специфические видеометафоры и видеоцитаты. Авторы считают, что, в отличие от печатных или телевизионных СМИ, данный гипержанр на интернет-платформе выступает одновременно и как информационный, аналитический, и как художественно-публицистический, что дает возможность «рассмотреть» черты смежных жанров, включенных в интегративный жанровый комплекс: беседы, хроникальной заметки, опроса, комментария, журналистского расследования и некоторых других медийных жанров. Внутрижанровое исследование видеointервью в новых медиа проводится с учетом вербального и невербального оформления жанровой модели, где прежде всего отмечается активный поиск автором материала индивидуального стиля. Выявляется и другая особенность современного видеointервью, объясняющая роль невербальных знаков, имплицитно передающих смысловые сигналы в контексте видеointервью, к числу которых относятся жесты, мимика, проксемика говорящего, его личные имиджевые знаки и тональность речи. В результате исследования новой модели видеointервью авторы статьи предлагают обобщенный медиainструментарий современного гипержанрового образования и объясняют востребованность и популярность подобной модели в масс-медиа.

Ключевые слова: гипержанр; видеointервью; новые медиа; YouTube-канал; фактор автора и адресата; языковое воплощение

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Антонова Любовь Геннадьевна
(автор для корреспонденции)

E-mail: antonova_lubov@mail.ru
Доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой
теории и практики коммуникации

Махалова Алеся Игоревна

Email: amberos7@gmail.com
Магистрант факультета филологии и коммуникации

Для цитирования: Антонова Л. Г., Махалова А. И. Жанровые особенности видеointервью в новых медиа // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Том 6, № 1. С. 92–99.

Одной из главных задач в современном жанроведении является создание собственной системы терминов, определение основных понятий, многие из которых появились сравнительно недавно – в последние два-три десятилетия. Подвижность системы жанров проявляется в образовании новых жанров, в смешении жанров, в трансформации существующих жанров [1]. К числу таких достаточно новых ключевых понятий, нуждающихся в определении и глубоком исследовании, относится **гипержанр**.

В российском жанроведении одним из первых ученых, употребивших термин «гипержанр», является К. Ф. Седов. Исследователь, научные интересы которого были связаны в основном с проблемами психолингвистических и этнокультурных особенностей жанра, предложил следующее определение: «Гипержанры – это макрообразование, т. е. речевые формы, которые сопровождают социально-коммуникативные ситуации, объединяющие в своём составе несколько жанров» [Цит. по 2, с. 149].

В словаре-справочнике «Эффективное речевое общение» под редакцией А. П. Сковородникова гипержанр определяется как «устойчивая речевая форма, используемая в типичных коммуникативных ситуациях, включающая в себя несколько жанров». В качестве типичного примера гипержанра в словаре-справочнике приводится практическое занятие в вузе. В этот гипержанр могут входить такие речевые жанры, как сообщение или доклад, вопросы и ответы, дискуссия, деловая игра и т. д. [3].

По мнению ученых, нужно учитывать, что у гипержанра может иметь разновидности. В частности, Е. И. Калинина отмечает, что дневник как гипержанр включает в себя несколько разновидностей, среди которых мы выделяем четыре основных: личный дневник в классическом понимании, личный дневник человека, предназначенный для публикации, дневник как форма организации литературного произведения и сетевой дневник, или блог [4].

Таким образом, понятие гипержанра соотносится с *типовой ситуацией общения*, с *множественностью компонентов*, целенаправленно объединенных в общей корпусной жанровой модели, и *возможными инвариантами* этой модели на разных коммуникационных носителях.

Т. В. Шмелёва считает, что для характеристики модели речевого жанра важны *семь конститутивных признаков* [5, с. 88–98]. Эти же признаки, по нашему мнению, могут быть положены в основание описания гипержанра. При этом основным жанроопределяющим признаком будет *коммуникативная цель*, которая признаётся главным фактором организации любого текста. Стоит заметить также, что гипержанр – это всегда *вторичное образование* (в терминологии М. М. Бахтина), чаще включающее в себя диалогичные речевые жанры или их базовые характеристики [6].

С учетом высказанных теоретических положений мы можем рассмотреть эмпирический материал – отобранные для анализа **видеоинтервью в новых медиа** – с целью аналитического описания основных *жанроопределяющих признаков* данного **гипержанрового образования**.

Прежде всего необходимо охарактеризовать *контекстные признаки* выбранной модели. А. В. Щербаков справедливо отмечает, что наиболее ярким проявлением смешения жанров являются публикации в интернете, когда исходный (базовый) текст не только содержит вкрапления элементов других жанров, но и сопровождается комментариями читателей, экспертов, содержит ссылки на другие тексты и т. п. [7]. Вслед за ним, исследуя такой формат публикаций в интернете, как **видео-**

интервью, мы отмечаем, что, действительно, данное жанровое образование на контекстном, композиционном уровне объединяет несколько *сопутствующих и взаимодействующих жанров* внутри одного медиапродукта.

Основной платформой размещения видеointервью на сегодняшний день выступает YouTube, а для популяризации используются все существующие социальные сети (ВКонтакте, Фейсбук, Инстаграм, Одноклассники и прочие). Эмпирическим материалом нашего исследования является медийный контент более ста видеointервью в новых медиа, не дублирующих телевизионный контент. Среди действующих каналов их размещения – «ВДудь», «А поговорить?», «ещёнепознер», «Осторожно, Собчак!», «Не принято обсуждать», «Вписка», «Интервью с комиком», «The Люди», «3е Интервьюер», «GAZLIVE» и другие. Среди каналов, активно действовавших год назад, но изменивших формат или вовсе прекративших существование, – «Нежный редактор», «ОМ Олега Меньшикова», «Говорящие головы», «Лучшие в своем деле», «Пекло».

Чтобы привлечь и удержать внимание современного активного интернет-пользователя, недостаточно одной вопросно-ответной формы беседы, на которой строится традиционное интервью, недостаточно выбрать проблемную тему для разговора – нужно, чтобы зритель в новых условиях медиадискурса, обостряющего достоверность и правдивость содержания информации (диктума), мог «прожить» информационный диалог в реальном времени, увидеть «факты» своими глазами. Как следствие, ключевые моменты беседы должны быть соотнесены с *документальными кадрами*. А при их отсутствии применяются различные технологии, чтобы проиллюстрировать сказанное, добиться предельной фактологичности. Так, когда хроника не успела зафиксировать реальный факт, журналисту приходится создавать *«дополненную реальность»* при помощи «докудрамы», 3Д-графики, театрализованной или даже танцевальной постановки. Эти сопутствующие приемы позволяют значительно расширить границы традиционного содержательного плана (диктума) интервью.

Большой объем эмпирического материала, собранного нами на YouTube, позволяет говорить, что **видеointервью** в новых медиа выходит за рамки *информационных жанров*, поскольку его коммуникативная цель не ограничивается передачей информации. По сути, данный гипержанр выступает одновременно и как *информационный, аналитический*, и как *художественно-публицистический*. Кроме того, такая сфера коммуникации, как интернет, позволяет не придерживаться строгого стилевого формата, которому подчинены печатные или телевизионные СМИ, что позволяет интервьюеру в новых медиа расширять содержательное поле жанра интервью и выходить за рамки сугубо *публичного дискурса* беседы, дополняя его новыми стилевыми фрагментами *бытового дискурса*: домашней хроникой или даже «неэстетичными» кадрами записи с камер видеонаблюдения.

Жанровая неоднородность ранее отмечалась нами как одна из важнейших тенденций *развития* видеointервью в новых медиа [8, с. 125–128]. Опыт наблюдения доказывает, что рассматриваемый гипержанр может совмещать в своей сложной структуре множество информационных, аналитических и художественно-публицистических микрожанровых фрагментов, умело маркируя их в общем пространстве гипержанра.

Остановимся подробнее на тех *жанровых микромоделях*, сложную комбинацию которых и составляет **современное видеointервью в новых медиа**.

1. Информационное интервью – диалог журналиста со вторым лицом, имеющий целью освещение факта, события, явления, рассказ о самом субъекте [9]. «Информационный фрагмент» – обязательное «содержательное ядро» в анализируемых

видеоинтервью, что оправдано часто самим «заголовочным» маркером: практически каждое видеоинтервью основано на эксклюзивной, ранее неизвестной фактологической фабуле.

2. Аналитическое интервью – «поиск истины» в диалоге между журналистом и вторым лицом, в ходе которого журналист ограничивает себя постановкой четких вопросов, но ставит их так, чтобы ответы интервьюируемого, складываясь в логическое повествование, как можно глубже раскрыли суть выбранной темы [Там же]. «Аналитическая фактура» – неизменное условие существования и эффективного продвижения жанра видеоинтервью. Аналитическое авторское мнение и особая оценка действительности и делает этот жанр востребованным и популярным.

Информационное или аналитическое интервью выступает «стержневой жанровой моделью» в составе рассматриваемого нами гипержанра. В зависимости от задач, которые хотят решить авторы медиапродукта, на этот «стержневой жанровой фрагмент» «нанизывается» несколько других узнаваемых жанровых моделей.

3. Комментарий – объяснение, расшифровка сложной содержательно-фактуальной информации или объяснение отношения автора к данной проблеме [Там же].

Комментарий в рамках видеоинтервью может звучать из уст респондента, интервьюера или стороннего лица, компетентного в данном вопросе. Часто комментарий дается в виде *титров*, которые могут дополнительно озвучиваться или оставаться на экране определенное время, чтобы зритель прочел их самостоятельно. Комментарий в виде *текстового фрагмента* на экране позволяет зрителю видеоинтервью нажать на паузу и осмыслить новую информацию, не прибегая к помощи дополнительных источников информации.

Внутри такого медиапродукта, как видеоинтервью, комментарий может нести различные функции, среди которых мы выделяем наиболее распространенные: выражение редакцией альтернативного мнения, несогласие с позицией респондента по тому или иному вопросу; подробное раскрытие фактов по теме; расшифровка терминов, названий, аббревиатур, которые с большой долей вероятности неизвестны широкой аудитории; представление сложной для понимания информации в наглядном виде или в популярной форме.

4. Беседа – жанр, принципиальное отличие которого от интервью состоит в особой коммуникативной роли журналиста. Но следует признать, что журналист, участвующий в беседе, приобретая партию «коммуникативного лидера», должен быть неплохим специалистом в выбранной для беседы предметной области [Там же]. Беседа предполагает свободный обмен мнениями, ее формат менее регламентирован, чем интервью.

5. Опрос – представление коллективного мнения по одной или нескольким специально выбранным проблемным темам, своеобразный симбиоз жанра социологического и журналистского исследования [Там же]. Интервьюер или респондент могут задавать зрителям интересующие вопросы, на которые те пишут ответы в комментариях к видеоролику. Результаты опроса могут быть озвучены в новом выпуске или оформлены в виде самостоятельной публикации. Отметим, что опрос как «полевой сбор» информации может предварять интервью, в этом случае его результаты выступают как «подводки» к вопросам интервьюера.

6. Вопрос-ответ – ответ специалиста или редакции на вопросы читателей или зрителей (например, «прямая связь») [Там же]. Одна из форм подачи видеоинтервью в новых медиа предполагает систему, в которой зрители, наряду с вопросами интервьюера, задают вопросы непосредственно гостю в студии. Подобная жанровая форма

максимально обеспечивает доверие зрителя автору и создателям программы, позволяет зрителю почувствовать себя в роли «соавтора» интервью.

7. Журналистское расследование – рассказ о поиске ответов на актуальные вопросы, разбор скандальных событий, криминальных историй, когда журналист собирает и анализирует факты автономно от соответствующих служб и органов или вкупе с другими специалистами [Там же].

Подобная жанровая форма, включенная в гипержанр видеointервью, обеспечивает ему «детективную коллизию» и «содержательную интригу», повышая рейтинг программы.

8. Документальное кино (неигровое кино) – фильм, в основу которого положены фото- и видеосъёмки подлинных событий или персон, в них участвующих. Видеointервью в новых медиа не ограничено жестким хронометражем, в отличие от телевизионного, поэтому позволяет привлекать дополнительные видеоматериалы в том объеме, который посчитает нужным автор медиапродукта.

Подобное «включение» документального видео обеспечивает не только фактологичность и «жизненность» рассматриваемых в видеointервью проблем, но и усиливает «эффект правды» в проблемном диалоге, формирует необходимую для подобного жанра контекстную средовую «рамку».

1. Исповедь – своеобразный «крик души», что характеризуется откровенностью, обнажением внутренних переживаний [Там же]. Исповедальный микрожанровый фрагмент выступает неотъемлемой частью большинства видеointервью в новых медиа. Происходит это по причине «установки» на интимизацию публичной сферы как таковой, а отчасти – вследствие конкурентной борьбы за большее количество просмотров.

Подобное включение прежде всего объясняет излюбленный прием публицистики, основанный на естественном желании читателя и зрителя узнать о публичной персоне нечто такое, о чем знают только «близкие люди» и чего не было ни в одном из предыдущих интервью. Вот почему интервьюер обращается ко всем возможным способам, чтобы придать общению исповедальный и предельно откровенный характер.

2. Инфографика – конвергентный жанровый прием, который представляет сочетание текста и графики и используется с намерением передать дополнительный смысл при общей поликодовости информационного потока. Кроме прямой иллюстративности, инфографические элементы: графики, схемы, таблицы, карты, диаграммы – значительно облегчают восприятие важной фактологической информации и активно «продвигают» авторское «смысловое намерение» [10].

3. Игра – один из активных жанровых приемов привлечения внимания зрителей в новом видеointервью. Игровые условия, как известно, всегда предполагают одного или нескольких победителей, призовые дивиденды. Активные участники просмотра получают подарки за правильные ответы на вопросы или за лучшие комментарии по теме [9].

Игровые вставки или переключения позволяют внести в видеointервью элемент интерактивности, привлечь ранее «невключенного», незаинтересованного зрителя к беседе. Это часто обеспечивает высокую рейтинговую популярность каналу.

Выбор **жанровых элементов** (своеобразных «жанровых кирпичиков») для включения в гипержанр видеointервью в новых медиа во многом зависит от того, на какую *целевую аудиторию* рассчитан медиапродукт, в каком *дискурсивном поле* в дальнейшем он будет востребован.

Коммуникативная цель, согласно модели, предложенной Т. В. Шмелевой [5], – один из наиболее значимых конститутивных признаков жанра. Особенностью **видеоинтервью в новых медиа как гипержанра** выступает *сложная комбинация коммуникативных целей*, которые не всегда экстравертируемы, но опознаваемы в диалоге с достаточно подготовленным, медиаграмотным зрителем. Проанализировав около сотни актуальных медиапродуктов, которые позиционируются как видеоинтервью в новых медиа, мы можем выделить часто используемые *коммуникативные цели*:

1. Привлечь внимание к проблеме. Примеры: «Бьет – значит бьет» (проблема домашнего насилия и принятия закона о домашнем насилии); «Беслан. Помни» на канале «ВДудь» (В проанализированных видеоинтервью содержание «организуют» следующие проблемы: недостаток информации о расследовании причин трагедии, сложности с государственной поддержкой жертв теракта, необходимость сбора средств на лечение и реабилитацию пострадавших).

2. Популяризировать и объяснить актуальные («топовые») публичные темы. Примеры: «Батыгин – русская звезда мировой науки» (интервью с астрономом) и «Гуриев – пенсионная реформа, демедведизация, доллар» (интервью с экономистом) на канале «ВДудь»; «Екатерина Шульман: выбирает преемника Путина и обижает всех» (интервью с политологом) и «Илья Новиков: Двинятин, Путин и хреновый прогноз» (интервью с адвокатом, юристом) на канале «ещенепознер». В проанализированных видеоинтервью ведущий прием – беседа и опрос, что обеспечивает диапазон мнений, широту осмысления проблемы.

3. Позиционировать «звезду». Примеры: «Нагиев – пенсии, стих в Кремле» и «Познер – о цензуре, страхе и Путине» на канале «ВДудь», «Константин Хабенский о смелости: занять пост Табакова, защитить Голунова, спасти больных» и «Чулпан Хаматова: как спасти детей и не оказаться для всех плохой» на канале «А поговорить», «БОРТИЧ | Про работу официанткой, секс ради роли и BadComedian» на канале «Нежный редактор», «Я – явление, которое называется Хакамада» на канале «Не принято обсуждать». В проанализированных видеоинтервью ведущий представляет личность известной персоны максимально глубоко, по-новому, с неожиданной стороны, что позволяет не только решить вопросы «продвижения» имиджа той или иной «звезды», но и сформировать *объективное, грамотное, а не «гламурное» информационное поле* вокруг известной медийной личности.

4. «Реконструировать» событие – представить определенное историко-культурное событие, значимое для социума и сегодня, через восприятие одного или нескольких респондентов-участников события. Примеры: «Русский Вудсток. Первый рок-фест в СССР» или «MTV – главный канал нашего детства» на канале «ВДудь», «30 лет без Берлинской стены» на канале «А поговорить». В проанализированных видеоинтервью «реконструкцию» удастся грамотно реализовать благодаря достоверным документальным фактам, сохранившимся в памяти «эмоциям настоящего», которые как нельзя лучше воссоздают атмосферу «события».

Следует отметить такую важную особенность современного видеоинтервью, как **поликодовый медийный инструментарий**, что помогает имплицитному проявлению смыслов. Здесь значимую роль приобретают *невербальные медийные знаки*: коммуникативные знаки поведения участников (жесты, мимика, смех, направление взгляда; поза говорящего, его одежда, прическа, макияж); общая тональность интервью-беседы (темп говорения, интонация и громкость речи, паузы в определенных местах); манипуляции с предметами в кадре и деталями габитарного имиджа (действия

со стулом или креслом в сценическом пространстве, «игры» с ручкой, очками, сотовым телефоном.

Нельзя не сказать, что успешность жанра **видеоинтервью** во многом определяется числом и качеством речевых событий, спровоцированных данным медиапродуктом. Как «эхо», данный медийный дискурс «отражается», «отзывается» в последующих выдержках из него при обсуждении на форумах и в социальных сетях, в газетном или журнальном цитировании, при обсуждении в последующих теле- и радиопередачах. Нам кажется, что этот, «после» видеointервью возникший «информационный след» заслуживает специального, внимательного изучения.

Смешение диалогических и монологических жанровых фрагментов; комбинация информационных, аналитических и художественно-публицистических жанровых моделей, «расслоение» смысловых задач при реализации авторского намерения – все это максимально обогащает медиаинструментарий **современного видеointервью в новых медиа** и делает его таким востребованным и широко обсуждаемым.

Ссылки / References

1. Седов К. Ф. Психолингвистический аспект изучения речевых жанров // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация / под общ. ред. К. Ф. Седова. М.: Лабиринт, 2007. С. 124-136.
2. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с.
3. Щербakov А. В. Гипержанр // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / Под редакцией А. П. Сковородникова. Красноярск: СФУ, 2014. С. 97-98.
4. Калинина Е. И. Системно-структурное моделирование внутржанрового пространства гипержанра «дневник» (на материале британской лингвокультуры): Автореф. ... канд. филолог. наук. Кемерово, 2013. 24 с.
5. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи: сб. науч. статей / под ред. В. Е. Гольдина. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88-98.
6. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 5: Работы 1940-х-начала 1960-х годов. М.: 1996. С. 159-206.
7. Щербakov А. В. Жанры публицистики // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / Под редакцией А. П. Сковородникова. Красноярск: СФУ. 2014. С. 155-156.
8. Махалова А. И. Тенденции развития видеointервью в новых медиа // Язык. Коммуникация. Культура – 2019 : альманах по итогам III Международной научно-практической конференции молодых ученых – маги-странтов и аспирантов – «Язык. Коммуникация. Культура» (20 апреля 2019 г.). М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2019. С. 125-128.
9. Кобяков А. А. Расширенная классификация газетных жанров // Неофициальный сайт журфака КГУ: сайт. URL: https://kgu-journalist.ucoz.ru/publ/zhanry_zhurnalistiki/o_zhanrakh_sovremennoj_gazetnoj_zhurnalistiki_andrej_kobjakov/6-1-0-59 (дата обращения: 15.01.2020).
10. Юфкина С. Б. Инфографика как конвергентный жанр в современных СМИ // Огарёв-online: электронное периодическое издание для студентов и аспирантов. 2015. № 19. URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/infografika-kak-konvergentnyj-zhanr-v-sovremennyx-smi> (дата обращения: 15.01.2020).

New trends in collocability based on the English collocations in fiction

A. O. Chernousova¹

¹Moscow City University, 4 Vtoroy Selskohoziaystvenny proezd, Moscow 129226, Russian Federation

DOI: [10.18255/2412-6519-2020-1-100-106](https://doi.org/10.18255/2412-6519-2020-1-100-106)

Research Article
Full text in Russian

The language of fiction is probably not the most dynamically but still changing. These new trends in collocability are of a great interest to us. The definition of collocation is present in the text; the authors also distinguish the concepts of collocation and lexical function. This article will discuss the trends considered in synchrony and diachrony, which were highlighted on the material of John Grisham "Gray Mountain", which is relatively new English-language material (2014), and a bit dated J. D. Salinger "Nine Stories" (1953) to track trends and their development in the language. 150 examples were reviewed and analyzed. 5 trends were highlighted on a given case. The authors use dictionaries, linguistic search on the Internet, the COCA (Grisham and Salinger are both from the USA). The authors conclude that the trends that have been considered are the most frequent for the language of fiction and deserve the attention of the researchers due to their productivity. The reasons why stable word combinations change: the emergence of new realities and the need for a new nomination and (which is more typical for the prose) the search for the new forms of self-expression of the writers.

Keywords: collocation; lexical function; collocability; trends; neologisms

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Chernousova A. O. | E-mail: ann.chernousova@yahoo.com
Postgraduate student

For citation: Chernousova A. O. New trends in collocability based on the English collocations in fiction // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2020. Vol. 6, No 1. P. 100–106. (in Russ.)

Тенденции сочетаемости на примере коллокаций в англоязычной художественной прозе

А. О. Черноусова¹

¹Московский городской педагогический университет, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4, Москва, 129226, Российская Федерация

DOI: [10.18255/2412-6519-2020-1-100-106](https://doi.org/10.18255/2412-6519-2020-1-100-106)
УДК 811.111

Научная статья
Полный текст на русском языке

Язык художественной прозы, возможно, не самый быстро развивающийся, однако все же претерпевает изменения. Наибольший интерес для нас представляют изменения устойчивых сочетаний по типу коллокаций. Определение коллокации представлено в тексте статьи, также автор разграничивает понятия коллокации и лексической функции (термин шире, чем коллокация). В данной статье речь пойдет о тенденциях сочетаемости на примере коллокаций, рассматриваемых как в синхронии, так и в диахронии, которые были выделены и на относительно новом материале Джона Гришэма «Серая гора» (2014 г.), и на материале со сроком давности более 50 лет – Дж. Элинджера «Девять рассказов» (1953 г.). Цель исследования – обозначить тенденции и показать их развитие в языке. Было рассмотрено и проанализировано 150 примеров. Корпус примеров был составлен методом сплошной выборки. Были определены пять тенденций. В работе используются следующие инструменты: онлайн-словари, лингвистическая справка с помощью поисковика в глобальной сети Интернет, Корпус Современного Американского Английского Языка (т. к. оба писателя из США). Причины, по которым устойчивые сочетания изменяются: возникновение новых реалий, потребность в новой номинации и (что характерно для художественной прозы) поиск новых форм самовыражения для автора.

Ключевые слова: коллокация; лексическая функция; сочетаемость; тенденции; неологизм

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Черноусова Анна Олеговна | E-mail: ann.chernousova@yahoo.com
Аспирант

Для цитирования: Черноусова А. О. Тенденции сочетаемости на примере коллокаций в англоязычной художественной прозе // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Том 6, № 1. С. 100–106.

Развитие и изменение языка художественной прозы происходит как по причине общезыковых изменений, которые возникают ввиду появления новых реалий и необходимости новой номинации, так и по причине индивидуально-авторских интенций и создания новых средств языка для выражения тонкостей эмоций и чувств.

Стоит отметить, что не всегда индивидуально-авторские коллокации являются коммуникативно значимыми для всех остальных говорящих, для этого мы ставим задачу проследить, как новые коллокации вошли в язык. Под **коллокацией** мы понимаем неидиоматическое словосочетание, в котором свободный компонент не меняет своего смысла, а смысл несвободного отличается от того, который реализуется в свободных словосочетаниях, он выбирается в зависимости от смысла и от основного компонента [1, с. 15]. У этого термина существует так называемое определение с помощью статистического подхода в значении *комбинации слов с высокой вероятностью совместной встречаемости*, и в корпусе она отражается объективными данными частотности [2, с. 135].

Мы используем корпус для проверки наличия или отсутствия в нем той или иной коллокации либо для поиска синонимичных устойчивых коллокаций по основному компоненту, однако понимаем, что чаще те коллокации, которые нас интересуют, не представлены широко в универсальном корпусе. Следует также отметить, что тексты художественной литературы статистически наименее насыщены коллокациями в отличие, например, от официально-деловых текстов и газет.

Мы также используем термин **лексическая функция**, введенный И. А. Мельчуком [3, с. 682], как значение сочетаемости двух лексем. В данном исследовании нас интересует ЛФ в несвободных словосочетаниях (коллокациях) [4, с. 20]. В примерах, которые мы исследовали, встретились две функции: Magn в значении «очень» и AntiMagn «слегка, менее».

Методом сплошной выборки было отобрано 150 примеров нетривиальной сочетаемости, которые впоследствии были сгруппированы по схожести признаков. Каждое сочетание анализировалось по словарю, частотность употребления [2, с. 136] и сочетаемость проверялись в поисковике глобальной сети Интернет, а также по корпусу современного американского английского языка (COCA). Данный корпус состоит из 560 млн слов и собирался из материалов с 1990 по 2017 гг. Таким образом, мы можем считать его действительно актуальным для современного языка и по нему можем проверять коллокации, отобранные из текстов произведений, написанных 60–70 лет назад. Мы отдаем себе отчет в том, что корпус и результаты, полученные опытным путем через корпус, не могут служить единственным объективным доказательством употребления в языке того или иного слова или выражения, так как не все слова и тексты включаются в корпус ввиду сбалансированности и ограниченного объема. Для этого мы применяем интернет в качестве корпуса большего размера. Материал, на базе которого отбирались коллокации, – это John Grisham «Gray Mountain», J. D. Salinger «Nine Stories». Мы используем произведения разных авторов со значительной разницей во времени выхода их произведений для того, чтобы не только найти новые коллокации и обозначить тенденции сочетаемости, но и просмотреть в диахронии путь авторских коллокаций более ранних произведений.

В данном исследовании мы ставим следующие задачи:

- 1) выделить тенденции в сочетаемости внутри коллокаций;
- 2) провести градацию популярности той или иной тенденции;
- 3) объяснить возникновение той или иной тенденции сочетаемости в коллокациях.

1. Тенденция, которую мы наблюдаем, – это развитие уже сложившихся коллокаций, которые **распространяются за счет новой глагольной части: *the rumour had gone out of gas***. Идиома *run out of gas* [1. to no longer have any gas in one's vehicle; 2. sometimes used figuratively to indicate getting tired] в значениях «заканчиваться» и «уставать» используется с новым глаголом *go*.

Рассмотрим на примере:

«*Day ten passed without bloodshed, as did the next. On day twelve there was a flash of optimism as Ben, one of Samantha's colleagues, shared a rumor that credit markets in London were loosening a bit. Borrowers might find some cash after all. But late that afternoon the rumor had run out of gas; nothing to it. And so they waited*».

Сначала у героев зажглась «искра оптимизма/надежды», когда прошел слух о возможном займе и сохранении рабочих мест, но позже слух не подтвердился, «иссяк», «испарился», и периферийное значение «устать» тоже реализуется, так как людям уже ничего не оставалось, как «сидеть и ждать».

В корпусе в данном составе коллокация не встречается, в то время как идиома *run out of gas* имеет частотность 156.

Рассмотрим другой пример ***work three jobs***: «*Jeff went to stay with another aunt and Donovan lived with us until he finished high school. He worked three jobs getting through college. By the time he graduated he knew exactly what he wanted to do: become a lawyer and spend the rest of his life fighting coal companies*». (J. Grisham)

Обычное сочетание с *job* в данном значении будет с глаголами *do, have, take*, либо *work* уточнялось бы *in three different places*, в данном случае представлена не имитация речи малограмотного героя, а авторское повествование, значит, автор считает такое употребление возможным и не находит его семантически избыточным. Удивительно, что в корпусе коллокация ***work jobs*** имеет частотность 19, из которых 5 – это глагол + существительное, остальные – прилагательное + существительное, таким образом, редкая и нестандартная, выходящая за рамки нормы, семантически избыточная коллокация встречается в языке, несмотря на то, что в словарях не зафиксирована.

2. Следующая тенденция, которую мы наблюдаем, – это расширение сложившейся коллокации **за счет новой именной части**.

Выражение ***to recap*** [to repeat the main points of an explanation or description] ***the mess*** [a situation that is full of problems]

(«*The three associates studied their feet, waiting. Samantha felt the urge to grab Ben's hand, like a terrified prisoner facing a firing squad. Andy fell into his chair, and, avoiding eye contact but desperate to get things over with, he recapped the mess they were in*» (J. Grisham)) в значении «коротко и по сути изложить ту неприятную ситуацию, в которой оказалась компания», находится на начальной стадии, свободное сочетание меняется за счет введения существительного с новой семантикой.

Наиболее частотная сочетаемость глагола *recap* – с предлогом *on*, чаще всего без имени существительного. В корпусе современного американского английского языка СОСА наиболее частотные варианты: *recap the season, recap on what we decided*.

3. Еще одна тенденция, которую мы выделили, – это **расширение именной части коллокаций за счет существительных, обозначающих новые реалии**. Рассмотрим пример: ***do the pink slip thing***. Глагол *do* позволяет ввести коллокацию, где именная часть ***pink slip*** [a document given to a person saying that they do not have a job any more] обозначает карточку, которую выдает отдел кадров при увольнении

в США. С помощью метонимического переноса это словосочетание вошло в употребление в значении «прекращение работы/увольнение». Термин *pink slip* не является новым, Оксфордский словарь фиксирует первое употребление в 1915 году, однако коллокация с *do* является низкочастотной, но построенной с помощью продуктивной модели и потому понятной носителям языка.

Подобный пример мы встречаем в употреблении выражения ***study smb's cell phone***: «*On the thirty-ninth floor, the elevator stopped again, and Mr. Kirk Knight got on board while studying his cell phone*» (J. Grisham). *Study* обычно используется в значении «to examine something very carefully». С неологизмом *cell phone* образовалась новая сочетаемость, которая описывает новую реальность в отличие от, например, выражения *study the report*, где глагол подчеркивает умственную деятельность и внимательное изучение чего-либо вообще, чего нет в значении выражения ***study the cell phone***: глагол имеет отношение к свободному, а сочетание несвободное. В корпусе данное выражение также не зафиксировано.

Рассмотрим также пример ***a made-for-tourists rip-off*** [an act of cheating someone by charging too much or not giving anything of value for money spent], где наблюдается несвободная сочетаемость с существительным *rip-off*, которая развилась за счет необходимости спецификации значения, и новые реалии – туризм, который бурно развивается последние годы, а также мелкое мошенничество как неотъемлемая часть любой сферы человеческой жизнедеятельности.

4. Тенденция, которая прослеживается в адъективных коллокациях, конструкции наречие + прилагательное + существительное, – **усиление прилагательного за счет нетипичного наречия** в значении лексической функции **Magn** [5].

Представленные наречия, являются очень типичными для функции **Magn**: *terribly, extremely, wonderfully*. Однако рассмотрим подробнее каждый пример:

- ***wonderfully unburdened*** [not burdened: having no weight or load]: «*The relief came from the sudden realization that she had just been freed from a job she despised. Tonight at seven she might be watching a movie or having dinner with friends, not slaving away at the office with the meter running. This Sunday she could leave the city with no thoughts whatsoever about Andy Grubman and the pile of paperwork for his next crucial deal. The FirmFone, a monstrous little gadget that had been glued to her body for three years now, had been surrendered. She felt liberated and wonderfully unburdened*» (J. Grisham). Интересен тот факт, что в корпусе COCA этот вариант употребления и именно этот фрагмент зафиксирован с частотностью 1.

- ***terribly penetrating*** [used to describe a way of looking at someone in which you seem to know what they are thinking] **eyes**: «*Not that one's appearance matters greatly, but he was. He had terribly penetrating eyes, for a man who was intrinsically kind*» (J. D. Salinger) Данная коллокация встречается в корпусе COCA с частотностью 1, но не из этого же источника, что говорит о том, что в язык она вошла, но не стала частотной.

- ***hopelessly sincere handwriting***: «*Written in ink, in German, in a small, hopelessly sincere handwriting, were the words "Dear God, life is hell"*» (J. D. Salinger). Автор прибегает к метафоре, использует непопулярную и нечастотную коллокацию либо делает попытку авторского неологизма, выражая «искренность, которая демонстрирует отчаяние». Американский офицер, квартированный в доме семьи, которая имела отношение к Нацистской партии, находит книгу Геббельса, в которой уже арестованная им же 38-летняя девушка, член низшего ранга Нацистской партии, на пустой странице книги пишет на немецком обращение к Богу: «жизнь – ад». Дж. Сэлинджер, сам будучи американским офицером и прошедшим войну от дня высадки в Европу до дня

победы, а также будучи евреем по отцу, женившимся на немке, имеющей принадлежность к Нацистской партии, вероятно, показывал некоторое отношение через описание почерка человека, его собственное противоречивое отношение к ситуации выражено и в самом сочетании. *Hopelessly sincere*, к слову, не представлено в корпусе, однако поисковик Google выдает достаточное количество книг, где авторы используют коллокацию. Книги, которые выдает поисковик: письма MacNeice (1932), книга религиозной тематики (2010), художественная проза 2009, 2016 гг., что говорит о том, что данное выражение прошло довольно длинный временной путь и закрепилось в языке, пусть и не в повседневной речи, а всего лишь в книжной лексике.

- ***extremely squalid and moving***: «Make it **extremely squalid** [very dirty and unpleasant] and **moving** [causing strong feelings of sadness or sympathy]» she suggested. «Are you at all acquainted with squalor?» (J. D. Salinger) ***Extremely moving*** встречается в корпусе с частотностью 16, а вот ***extremely squalid*** не встречается вовсе, в этом и проявляется лингвокреативность автора: усилительное наречие, используемое одновременно для однородных прилагательных, которые при этом находятся по смыслу в антонимических отношениях, показывает необычность говорящего, его неординарность в некотором роде. Автор намеренно прибегнул к нарушению сочетаемости с целью привлечения внимания к герою через его речь.

- ***extremely gifted*** [clever, or having a special ability] ***genius*** [very great and rare natural ability or skill, especially in a particular area such as science or art, or a person who has this]: «My mother was quite a passionate woman. She was an extrovert. Father was an introvert. They were quite well mated, though, in a superficial way. To be quite candid, Father really needed more of an intellectual companion than Mother was. He was an extremely gifted genius» (J. D. Salinger). ***Extremely gifted*** имеет частотность 25 в корпусе, однако ***gifted genius*** не встречается ни в корпусе, ни в поисковике, оно и объяснимо, так как сочетание является семантически избыточным, и дополнение наречием возводит признак в самую высокую степень, что характерно для речи ребенка, особенно, когда он желает приукрасить что-либо.

- ***the deadliest Russian gangsters*** («In the other corner was Krull Mining, a company with the worst safety record in the history of U.S. coal production and an owner who was reputed to be one of **the deadliest Russian gangsters** in Putin's frat pack» (J. Grisham)) в таком виде не встречается в Корпусе по ряду причин: 1) *gangster* как реалия прошлого теряет частотность, 2) *deadliest* употребляется чаще со следующими существительными: *accident/disaster/animal/attack/form of disease*, с людьми, как правило, не используется, это делает сочетание наиболее семантически емким, показывает отношение к предмету разговора.

- ***the required pleasantries***: «They sat in the den and went through **the required pleasantries**» [a short polite conversation before the serious conversation] (J. Grisham). Данное сочетание не встречается в корпусе, *pleasantries* в значении «формальные шутки для установки диалога» некоторым образом усиливается словом *required*, добавляя значение формальности/стандартности/ происходящего.

5. Anti Magn

Рассмотрим сочетание ***trifle posture-conscious***: «“Really,” she said, “I wasn’t quite *bom* yesterday, you know.” I said I’d bet she hadn’t been, at that. I drank my tea for a moment. I was getting **a *trifle posture-conscious*** and I sat up somewhat straighter in my seat» (J. D. Salinger). А *trifle* используется в значении *slightly*, в то время как *posture-conscious* – окказиональное слово, образованное по живой модели (*a bargain-conscious shopper, a budget-conscious businessman, a race-conscious society*). Окказиональное слово ***posture-***

conscious нужно было ввести, сочетаемость с ним по определению является устойчивой. Как показывают поисковик и корпус, сочетание не задержалось в языке, однако в произведении Дж. Сэлинджера оно существует в таком виде и вместе несет функцию *Anti Magn*.

Результаты, к которым мы пришли:

1. В равной степени представлены «новые» коллокации, которые образовались как за счет новой именной части, так и за счет глагольной (глагол, близкий по смыслу, уточняющий для данного контекста, однако новый для уже существующего устойчивого сочетания).

2. Большую долю в примерах образовали коллокации, которые расширились за счет существительных и представляют новые реалии. Это естественный процесс жизни и языкотворчества, новые предметы и явления создают привычное языковое окружение и образуют новые коллокации.

3. Адъективные коллокации по типу наречие + прилагательное или наречие=прилагательное + существительное в художественной прозе представлены широко, чаще всего автору требуются новые средства для уточнения, описания, привлечения внимания, и создаются новые коллокации со значением лексических функций *Magn* и *Anti Magn*.

Судя по нестандартным коллокациям, которые анализировались на материале Дж. Сэлинджера, мы можем сказать, что далеко не все индивидуально-авторские коллокации задерживаются в языке и становятся употребляемыми другими носителями.

Ссылки / References

1. Кицей Е. Н. Сопоставительное исследование средств выражения значения действия с помощью устойчивых глагольно-именных словосочетаний: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. М., 2008. 230 с.
2. Черноусова А. О. Исследование письменного перевода коллокации с русского языка на английский с применением корпусов английского языка // Филология и культура. *Philology and culture*. 2018. № 2 (52). С. 134–139.
3. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «СМЫСЛ <-> ТЕКСТ». М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 346 с.
4. Борисова Е. Г. Коллокации. Что это такое и как их изучать. М.: Филология, 1995. 49 с.
5. Тиханович А. Н. Лексическая функция *magn* в современном русском языке: корпусное и экспериментальное изучение: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. СПб, 2009. 194 с.